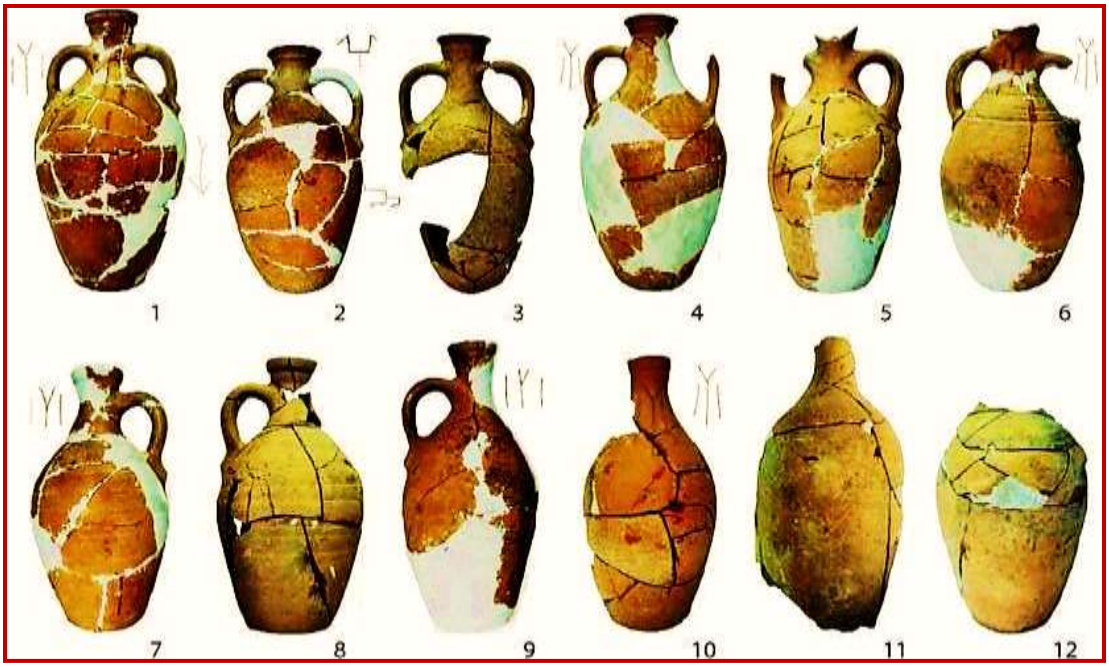


И в а н Д о б р е в

КРЕМАЦИЯТА КАТО ОСНОВНО-ГЛАВЕН СПОСОБ ЗА ПОГРЕБЕНИЕ ПРИ БЪЛГАРИТЕ ОТ ЕВРОАЗИЯ ПРЕЗ КЪСНАТА АНТИЧНОСТ И РАННОТО СРЕДНОВЕКОВИЕ

П Р Е Д И С Л О В И Е.....2

КРЕМАЦИЯТА ПРИ БЪЛГАРИТЕ ПРЕЗ КЪСНАТА АНТИЧНОСТ.....4
КРЕМАЦИЯТА ПРИ БЪЛГАРИТЕ ПРЕЗ РАННОТО СРЕДНОВЕКОВИЕ.....39

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.....79
Източници.....79
Цитирана литература.....79
Съкращения.....80

П Р Е Д И С Л О В И Е

Номинативно-терминологически във вътрешно-национален план, световната наука Прабългаристика, или още Българистика, но така също и Българистика, предимно във външно-международен план, като първи, доминантно-водещ и основно-главен не само и единствено за Късната Античност и Ранното Средновековие дял на световната наука Тюркология, има за предмет на изследване прародината, произхода и етническата принадлежност, етногеографията, социалната организация, антропологията, езика, материалната и духовната култура на българите или от съвременно-тюркологическа гледна точка - на булгарите, но от наша, вътрешно-тюркологическа гледна точка, на българите. При тази своя същност и съдържание Българистиката представлява по същество синкретично-комплексна и мултидисциплинарно-интегративна научна област със своя специфично-характерна методология и понятийно-категориален апарат. Поради това тя се припокрива, съвпада, пък даже и обема, без обаче да преминава и да се разлива в тях, с части от антропологията, лингвистиката, историографията, археологията, изворознанието, етногеографията, етнографията, фолклора, епиграфиката, нумизматиката, хералдиката и т.н. на българската етнокултурна общност.

Ядро основа на Българистиката е Тюрко-Алтайската теория за българите, която е първото и последното, едничкото и единствено засега, понастоящем и завинаги мисловно-интелектуално образувание, заслужаващо и имащо правото да бъде подведено към основно-главната логико-гносеологическа категория „теория“ и респективно да бъде и наименовано чрез родово-научния термин „теория“; единствено и безусловно-категорически легитимно-меродавната на полето не само и толкова на отечествената, но и на световната наука Българистика изобщо; иманентно, т.е. вътрешно-неделимо единно-цялостната и последователно-непротиворечивата; съдържателно, изключително наситено-богатата и затова и пределно-силно доказателно-експликативната, евристико- и прогностико-функционалната научна теория за произхода и етническата принадлежност; миграцията, придвижването от едно място на друго, разпространението и заселването; езика, антропологията, материалната и духовната култура на българите.

През Късната Античност и Ранното Средновековие Българската или както отдавна вече е възприето и утвърдено в световната наука Тюркология, Булгарската (Bulgarian) етнолингвистична група е основно-главната, най-многобройната, военно-политически най-активно-динамичната и най-съществено-значимата част на целия тогавашен свят, състоящ се от Централна, Средна, Мала и Предна Азия със цяла Европа. Тя се състои от три сравнително обособени и отделно-самостоятелни подгрупи - Аварска, Болгарска (Bolgarian) или още Прабългарска (Proto-Bulgarian) и Хазарска. По стародавна тюркологическа традиция българските диалекти и езици винаги се класифицират, изследват и описват като първа и основно-главна група в семейството на тюркските езици.

Прародина на българските племена и народи е приалтайската Минусинска котловина, която приблизително има размери 600Х400 км или площ от 240 хил. км². Тук, още преди края на IV хил. пр.н.е., откъсналите се малко преди това от бродещата на север от Саяно-Алтайския планински масив, неолитно-първобитна прототюркска орда от примитивни ловци и плодосъбирачи с основни фонетични белези на езика *д-р-л,* български родове и семейства се съсредоточават, консолидират и обединяват в едно отделно-самостоятелно

българско племе под ръководството и управлението на единствен върховен вожд, избиран по принцип от старейшините на родове и главите на семейства и пак с основни фонетични белези на езика *д-р-л,* но този път придружени и конкретизирани и от някои допълнително развити или придобити черти и особености на българския праезик.

Българите се появяват откъм Алтай на Монголското плато през 2.205 г. пр.н.е. и така те излизат на историческата сцена най-малко преди 40 века. През Късната Античност и Ранното Средновековие българските племена и народи са тридесетина на брой и те се разпростират и заселват временно или за постоянно, но компактно-масово най-напред по земите на днешните Монголия и Китай, после в Средна Азия, впоследствие и на територията на Кавказ и Източна Европа, също така и на Балканите и Централна Европа, т.е. върху огромно-необятната територия между линията Байкал-Алтай на североизток и линията Балканите-Централна Европа на югозапад, а спорадично-изолирано, на корейския полуостров, японските острови, Тибет, Индокитай, Средния Изток, Мала Азия, Апенините, Англия, Ирландия и Скандинавския полуостров или в един по-общ план, от Тихия океан до Атлантическия океан от изток на запад и от Северния ледовит океан до Индийския океан от север на юг.

Върху тази огромно-необятна територия българските племена и народи са главно уседнали скотовъди, които обаче практикуват сезонно-миграционно животновъдство, а допълнително-спомагателно се занимават и със земеделие, лов и риболов; на постоянните си местоживелища строят къщички от клони, греди или глина, а на летните си пасища използват юрта; заимстват от индоиранците андроновци коня и започват да го яздят; отглеждат коне, крави и овце, селектират нови породи коне, които предават на съседните народи; изработват от глина на ръка или на грънчарско колело домашна и битова посуда, обработват кожата, медта и златото, леят от бронз и чугун сечива и посуда, в това число и световно прочутите уникално-оригинални „хунски“ котли за готвене; топят, леят и коват от желязо оръжие и сечива, откриват лъка, седлото и стремето, усъвършенстват старите или изобретяват нови видове оръжия като уникално-прочутия български сложносъставен лък и свистящите стрели; основават династии, княжества и държави, строят дворци с подово отопление и прекрасни градове, прилагайки съвсем нови и непознати до тогава технологии; полагат основите на тежката кавалерия и делението на войската на различни видове, като я организират на десетичен принцип, създават императорската гвардия, започват предварителното военно обучение, изобретяват, въвеждат в употреба и усъвършенстват все нови и нови видове въоръжение и снаряжение и най-вече крепостно-обсадната техника, откриват и въвеждат в употреба бронята на конника и коня, разработват и прилагат оригинално-нова бойна тактика; развиват и държат първенството в металолеенето, металообработването и особено в обработката на златото, при което откривайки клетъчния емайл и зърнестото злато, те го издигат до такова майсторство и съвършенство, че тях няма

да ги достигне и надмине никога вече никой друг народ по Света; изработват вълшебно-превъзходни златни апликации и торевтика с изключително висока художествена стойност в самобитно-оригиналния Български зверинен стил, секат златни монети; откриват училища и университети, пишат филолого-философски и природонаучни трактати, съставят речници; ваят реалистични барелефи, скулптури, пана и фигурки на хора и коне, изписват будистките си пещерни храмове с чудно-красиви и все още много свежи рисунки; първи възприемат Будизма и впоследствие го предават на съседните племена и народи; изминават огромни разстояния, откриват и завладяват непознати до тогава племена и народи; спасяват от гибел или громят могъщо-огромни империи, издирват и спасяват от плен Светия Кръст Господен.

Индоиранската по произход прабългарска дума **дог* „погребение чрез кремация“ е засвидетелствана още от Менандър (VI в.) в гръцка транскрипция под облика *δόχια, δόγια* и е заета пак през същата епоха в средновековния алански език, откъдето пък е развита и преминала в съвременното осет. *doğ* „конски надбягвания в памет на покойник”.

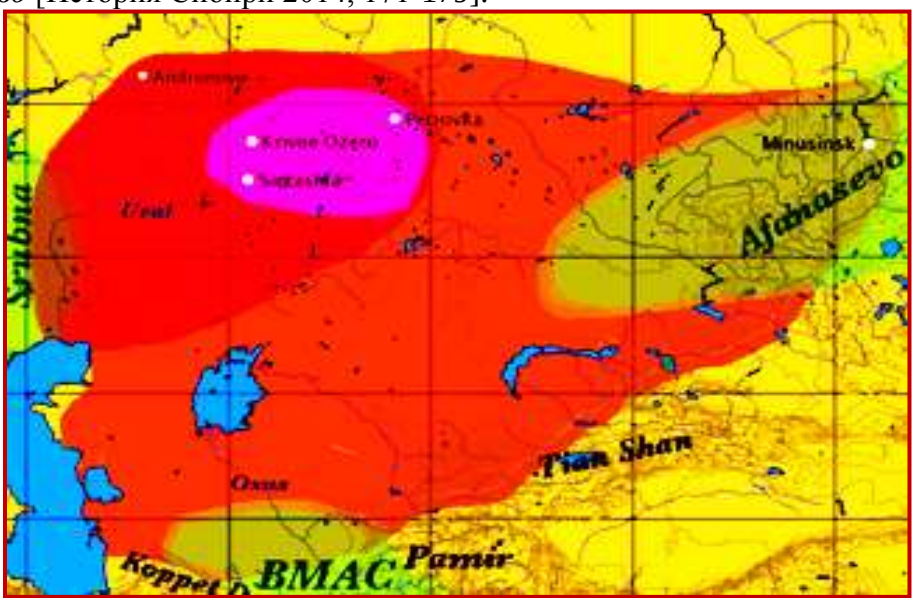
КРЕМАЦИЯТА ПРИ БЪЛГАРИТЕ ПРЕЗ КЪСНАТА АНТИЧНОСТ

Съвсем в началото на всичките мащабно-дългосрочни културно-исторически процеси и събития по земите на Евроазия през Късната Античност и Ранното Средновековие се намират двете основно-главни археологически култури - Андроновската и Афанасиевската. Първата е археологическа експликация на индоиранския етнически компонент в Минусинската котловина, а втората - на българския. Първата българска, най-стара и основно-главна археологическа култура в Минусинската котловина е Афанасиевската, която е експонент на българската етнолингвистична, социално-политическа и културно-историческа общност като цяло. Другите и по-късни археологически култури като Карасукската, Окуневската, Тагарската, Таштъкската и др. са експонент на определена, повече или по-малко, локално-темпорално тясно-ограничена част от същата тази общност.

Афанасиевската археологическа култура (IV-II хил.) е първата култура, с която са свързани най-крупните нововъведения в културогенезата на древното население на Южен Сибир - появата по средата на III хил. пр.н.е. на скотовъдството, което става основа на произвеждащата икономика на населението от планинско-степните райони в Южен Сибир,

появата пак там на първото европеидно население, усвояването производството на метални изделия, отначало на украшения и дребни оръдия на труда от мед, а впоследствие и от изкуствената сплав бронз. Тези нововъведения водят до изпреварващи темпове в развитието на населението на Южен Сибир спрямо всички останали околни области, където още дълго време продължават да съществуват предишните неолитни традиции.

В Минусинската котловина българите заварват и впоследствие инфилтрират и инкорпорират в себе си немногобройна част от местните индоиранци андроновци, които така започват да играят ролята на субстрат на формиращата се нова за този ареал българска афанасиевска етноисторическа култура с всичките необходимо-задължителни последствия в антрополого-лингвистически и материално-духовно културологически план. По този начин българите афанасиевци възприемат и стават по-нататъшни продължители и разпространители в Централна Азия на основните културни постижения и ценности на индоиранската Андроновска цивилизация, а от друга страна, начало и основа на редица още български археологически култури, които са не толкова по-следващи хронологически етапи, колкото по-късни локално-темпорални варианти на Афанасиевската археологическа култура: *Андроновцы находились в разнообразных связях с другими племенами, которые во многих случаях испытывали прогрессивное влияние андроновских племен. Это влияние выражалось прежде всего в том, что обитатели сибирских лесостепей и лесов через них познакомились с новыми достижениями бронзолитейного дела и развили дальше скотоводство* [История Сибири 2014, 171-179].



През VI-V хил. пр.н.е. и на територията на Източна Европа индоиранците от Андроновската археологическа култура опитомяват коня и по този начин извършват първата и най-важната в историята на Човечеството революция. Европеидните с незначителен монголоиден примес българи афанасиевци от Минусинската котловина са първият централноазиатски народ, който заимства коня от тях, селектира редица нови видове от него, започва да го язди и използва при война, за пренос и лов, а с течение на времето от него го заимстват и други народи: *Историческая роль афанасьевской культуры Южной Сибири остаётся пока ещё не совсем ясной. Безусловно, что по уровню социально-экономического развития афанасьевские племена намного опережали своих соседей - охотников и рыболовов. Прогрессивная историческая роль афанасьевских племён заключалась не только в том, что они являлись древнейшими скотоводами Сибири; кроме того, население афанасьевской культуры первым из сибирских народов поставило на новый качественный уровень производство орудий труда, освоив приёмы добычи и обработки*

медной руды; относительная хронологическая древность и типологическая уникальность медно-бронзовых изделий с Алтая конца IV-III тыс. до н.э. позволяет предполагать, что в данное время в этом районе существовал самостоятельный очаг горно-металлургического производства. Можно предполагать, что первые скотоводы и металлурги Сибири оказали значительное культурное, этническое и экономическое влияние на развитие сибирских аборигенных племён, однако, до сих пор мы не имеем ярких археологических свидетельств о взаимодействии афанасьевской и местных культур [Цыб 2012, 1-19].

Афанасиевските племена се характеризират с ярко изразен европеиден антропологичен тип и представляват от само себе си крайният източен клон на европеидните племена на Евразия. Етнолингвистичните контакти обаче между европеидите и монголоидите на север от Саяно-Алтай модифицират първично-основния антропологичен тип в европеиден с незначителен монголоиден примес, известен главно като тураноид, който в антропологичната класификация е подклас разновидност на европеида и е с брахикранен череп и плосък лицеви скелет: *Афанасьевское же население характеризовалось ярко выраженным европеоидным типом. Культура афанасьевских племен тоже не находит аналогии на востоке. На западе же можно видеть определенные черты сходства ее с ямной и частично катакомбной культурами степей Причерноморья и с заман-бабинской культурой Средней Азии. Афанасьевские племена на Енисее представляют собой, таким образом, крайнюю восточную ветвь европеоидных племен Евразии. Племена эти объединялись сходным хозяйством - зачатками скотоводства, земледелия и металлургии, а также, очевидно, происхождением, о чем свидетельствует и единство антропологического типа* [История Сибири 2014, 158-164].

Българите афанасиевци погребват повече чрез инхумация и по-малко и по-рядко, чрез кремация. Практикуването на кремация очевидно трябва да се отдаде на андроновското наследство: *У андроновцев существовало два обряда погребения: трупоположение и сожжение. Трупоположение в Южной Сибири наблюдалось чаще, хотя на Оби в некоторых могильниках преобладало сожжение. Характерно, что детей хоронили только по обряду трупоположения. Погребенных клали в могилу скорченно, на левый бок, с согнутыми руками и ногами. Но встречаются отдельные случаи, когда умершие лежат на правом боку в той же позе. На Енисее в парных погребениях женщину укладывали за спиной мужчины, в погребениях на западе их клали лицом друг к другу. Ориентировка погребенных довольно устойчива: головой на запад или юго-запад, но иногда бывает и противоположная ориентировка.*

В Сибири много баночных сосудов, типичных для алакульского этапа. Здесь преобладает и обряд трупосожжения, господствовавший именно в алакульское время [История Сибири 2014, 171-179].

В погребениях андроновской культуры впервые появляется обряд трупосожжения, получивший впоследствии широкое распространение в такштыкской культуре и ставший господствующим в культуре енисейских кыргызов.

Разнообразие внутримогильных сооружений, своеобразный «биритуализм» погребального обряда (сочетание в одних и тех же комплексах трупосожжения и трупоположения), по всей видимости, можно рассматривать как отражение сложного происхождения населения андроновской культуры, обогащенного различными традициями при продвижении на Енисей. [Савинов 2017, 107-128].

Есть все основания предполагать, а для Саяно-Алтая и утверждать, наличие в степях Сибири, вплоть до Енисея на востоке, в самом начале бронзового века весьма однородной афанасьевской культуры, носителями которой были племена палеоевропейского типа, знавшие уже скотоводство. При самом сложении этой афанасьевской культуры заметны отдаленные связи, главным образом с Западом, доходящие до Поволжья, может быть даже до Причерноморья, население которого к тому же было очень близко к афанасьевскому по своему физическому облику.

Все афанасьевские погребения этого могильника на поверхности были отмечены земляными курганными насыпями, иногда довольно знaчителъными (до 10 м диаметром и до 0.9 м высотой). Все насыпи имели вершину в северной части. На всех курганах были выложены проходящие через вершину и спускающиеся в южной части почти до самой подошвы насыпи кольца из обломков плитняка девонского песчаника. У большинства курганов плитки колец лежали плашмя в 2-3 слоя.

Особенно это следует подчеркнуть потому, что и другие курганы с двумя ямами дают известное основание предполагать различия по полу у похороненных в каждой яме. Это, прежде всего, два трупосожжения, в обоих случаях имеющие в соседней яме трупоположение [Киселев 2015, 16-49].

Тагарската археологическа култура (VIII-III в. пр.н.е.) е разпространена в пределите на степната и и лесостепната зона в басейна на Среден Енисей и неговите притоци, а така също и в басейна на р. Чулим. Тагарското население води своя произход от афанасиевците, поради което преобладаващ при тях е европеидният антропологичен тип с наличието обаче и на черепи с монголоидни признаци.

Тагарците отглеждат коне, едър и дребен рогат добитък, при което практикуват сезонно-миграционно скотовъдство, допълнително-спомагателно се занимават и със земеделие. В постоянните си зимни селища живеят в къщички от дялани греди или плетени пръти, а на летните пасища - в юрти. Освен за езда, използват конете си и за впрягане в двуколки с чергила. Земята обработват с бронзови или дървени мотики с бронзов обков, сеят главно просо, лен и ечемик, реколтата жънат с бронзови сърпове, зърното мелят с ръчни каменни мелници, където почвата е по-суха, прокарват напоителни канали, някои от които достигат 15-20 км дължина.

Дървообработването на тагарците е на много високо ниво, изработват дървените конструкции на погребалните камери, дървени части за оръжието, предмети за бита - чаши, паници, лъжици, тъкат на стан вълнени и ленени платове, обработват и шият кожите за облекло. Племената от Тагарската култура достигат пределното за времето си ниво на развитие в производството на метали и металлообработката, разкриват и разработват медни рудници, рудата топят в специални пещи, около които възникват селища само на металурзи, подобряват състава на бронзовите сплави, отливат бронзови върхове на стрели и трикраки бронзови казани за готвене на цялата фамилия, произвеждат слитъци от знаменития

тагарски златист бронз, който се изнася в съседните области, към края на хилядолетието преминават към обработката и на желязото, коват от желязо пБрави саби и кинжали.

Върху специални каменни жертвеници тагарците принасят жертви на божествата и дедите си, погребват вождовете си в огромни кургани, които преди това са четириъгълни землени пирамиди, обкръжени с каменна ограда, върху гробовете на героите си побиват специални поминални камъни с изгравирани тотеми и други знаци.

Освен чрез инхумация, българите тагарци погребват и чрез кремация, която обаче е допълнително-вторична спрямо първичната погребална камера: *К III в. до н.э., выделяемому некоторыми исследователями в качестве самостоятельного (лепешкинского) этапа, относится уже значительно меньшее количество памятников. Увеличивается число погребенных в коллективных захоронениях. Появляется обычай сожжения погребальной камеры; иногда встречаются следы глиняной обмазки на черепах - предвестник тесинских и таштыкских глиняных масок.*

Большие одиночные курганы с оградами, вертикально поставленными камнями и коллективными захоронениями в деревянных камерах-срубах (их известно всего около 10; по одному из них - Большому Тесинскому кургану, раскопанному еще в конце XIX в. - было дано название тесинского этапа) явно связаны с сарагашенскими и представляют дальнейшее развитие тагарской традиции. Верхняя дата этих памятников вряд ли может выходить за пределы I в. до н.э. Основная отличительная особенность больших тесинских курганов - огромное количество погребенных (до 200 и более; в одном случае около 300) в одной могильной яме. Совершенно очевидно, что эти захоронения производились не одновременно, а сами курганы подобного типа представляли собой долгодействующие склепы. По сути дела, каждый такой курган как бы заменяет собой целый могильник, раньше состоящий из многих сооружений, а теперь сконцентрированный в одном месте, под одной курганной насыпью. Причины этого могут быть различными, в том числе и сокращение родовых территорий, вынужденное смещение традиционных мест для сооружения кладбищ. По-прежнему встречаются случаи сожжения погребальной камеры; широкое распространение получает обычай искусственной мумификации трупов и изготовления «манекенов» с глиняными масками. Несомненно, что до погребения они хранились в каких-то специально отведенных для этого местах, где производились соответствующие обрядовые церемонии. Вполне возможно, что изображение такого «поселка мертвых» представлено на известной Боярской писанице, относящейся приблизительно в этому же времени. Инвентарь из больших курганов склепов беден и состоит в основном из сосудов баночной формы, чаще всего не орнаментированных, и бронзовых вотивных изделий, чисто формально воспроизводящих прежние тагарские формы [Савинов 2017, 107-128].

Таштъкската археологическа култура се формира между II в. пр.н.е. и V в. предимно по горното течение на Енисей като нейна централна област. Представителите на Културата са смесен антропологичен тип от европеиди и южни по произход монголоиди, като при погребенията на сановници в склепове преобладава монголоидността, а при обикновените

погребения - европеидността. В главното и съществото тя е приемник на Тагарската култура, само че се отличава от нея с още по-широкото разпространение и употреба на желязото, докато от бронз се отливат големи казани за готвене с орнаменти и украшения. Стопанството пак е скотовъдно-земеделско, но сега вече се появява и примитивното рало, което обаче не измества напълно мотиката. Като теглителна сила за двуколките се използват бикове, конят придобива по-голяма роля и значение в обществото, войните са предимно конни, на коне се ходи на лов за сърни и друг дивеч. Жилищата са полуземлянки и къщички от зидария и гредоред, в покрайнините на селищата има пещи за топене на метал и ковачници. Китайски и местни майстори строят за шанюя дворец с размери 45х35 м с глинобитни стени, централна зала и 20 стаи около нея, отоплителни канали под глинения под, двуетажен покрив на дървени колони.

Бойното въоръжение и снаряжение е по-богато-разнообразно, включително и големи правоъгълни щитове от опъната върху дървен скелет кожа, конически шлемове и пластинчати доспехи. Дървената посуда са блюда, коритца за сервиране на месо, лъжици, черпаци, буренца за съхраняване на вино, чаши, ниски столчета и масички. Долното облекло е от коприна или лен, горното се състои от къса кожена куртка и широки кожени гащи с вълната навътре, отгоре носят дълъг кожух или шуба, на краката имат високи до коляното кожени ботуши, на главата кожена шапка, гарнирана с кожа от белка или собол. Мъжката прическа се състои от кичур коса на темето, останалата коса е обръсната, жените прибират косата си на тила, покрита с брезово калпаче, носят сребърни и златни обеци. Войните обличат пристегнати в кръста кафтани до колената със свободно спуснати гащи, запасват се с кожени колани с метални токи и апликации.

Дърворезбата заема едно от първите места сред таштъкското приложно изкуство във вид на дървени планки с многофигурни композиции и сюжети - лов, кражба на коне, впряг с бикове, батални сцени. Изобразените са с прически с костени шноли, облечени са в леки кафтани, въоръжени са със сложносъставни лъкове, воюват с чужденци, които пристигат на лодка откъм горното течение на някаква река, носят плоски шапки от брезова кора и са въоръжени с обикновени лъкове; на други планки са изобразени „рицари“ в шлемове и пластинчати брони, въоръжени пак със сложносъставни лъкове; някои от дървените статуетки на хора и животни в различни пози са покрити със златно фолио.

Българите таштъкци погребват мъртвите си в плитки гробни ями, облицовани отвътре с гредоред, при което се съчетават идващите още от Афанасиевската археологическа култура трупоизгаряне и трупополагане. По края на грунтовите гробове се побиват каменни стели с вдлъбнатини, пред които се устройват възпоменания за мъртвите и се оставят напитки в керамични кани и растителна храна в керамични съдове.

Склеповете кургани са големи каменно-землени насипи с диаметър 10-20 м, височина 0,4-1,5 м и с вдлъбнатина в средата, по периферията се издига ограда от вертикално поставени каменни плочи, от запад се прокарва надземен вход дромос с дървена преграда,

стените се облицоват с каменни плочи или дъски и дървени греди, след погребението склепът се запалва. В малките склепове се погребват от 10 до 40 покойника, а в големите - 100 и повече. Понякога се практикува частично балсамиране с трепанация на черепа и бойна татуировка; в склеповете се поставят кокоши яйца, овчи плешки и копита, погребални статуетки на животни, дървената част на стрели, модели на кинжал, облицовани със златно фолио, юзди и седла; от покойниците се снемат гипсови маски, срещат се погребения и на кукли; намират се дървените части от китайски церемониални чадъри, които при българите са знаци на властта.

Практикува се и кремация отделно на ритуален огън, като калцинираните кости на покойника се зашиват в кожена торбичка, която се поставя в напълнена с трева кукла от кожата на домашно животно. На мястото на лицето на куклата се слага портретна погребална маска, снета от лицето на покойника с глина, примесена с гипс и варовик; непосредствено преди погребението, маската се изографисва с червена боя, като на челото обикновено се нанася спирала, а на подбрадата и бузите се нанасят петна, имитиращи руменина; шапките са конически от типа на шапки-ушанки, прическата се състои от дълга плитка от собствена или изкуствена коса, която се събира на темето, докато останалата коса се бръсне.

Погребенията се съпровождат от грандиозни тридневни пиршества на близките и роднините на покойника, като за целта се колят и готвят голям брой домашни животни, примерно, 50-80 крави, 15-18 овце, 2-17 коня, след Трите дни се правят възпоменания, като пак се колят и готвят домашни животни, в някои случаи се принасят в жертва и хора: *После сожжения на ритуальном костре кальцинированные кости покойных зашивались в меховые мешочки, которые помещались в набитые травой куклы из шкур домашнего скота. В степных районах Хакасии сохранились могильники с подобными куклами.*[4] *На место лица куклы укладывалась портретная погребальная маска, слепленная по снятому с лица покойного слепку из глины с добавлением гипса и известняка. Иногда маски имеют форму бюста. Перед захоронением маски расписывали, как правило, красной краской: на лбу обычно изображалась спираль, на подбородок и щёки наносились имитирующие румянец пятна.*[4]

К началу таштыкской культуры полностью исчезают погребения в каменных ящиках и грунтовые захоронения с каменными конструкциями тесинского этапа, что свидетельствует об ассимиляции их создателей в среде местного населения. Исчезают и

большие одиночные курганы-склепы позднего этапа татарской культуры. Основным видом погребений становятся захоронения в неглубоких ямах с квадратными или прямоугольными срубами, генетически связанные с одним из видов погребений тесинских грунтовых могильников. В них по-прежнему сочетаются обряды трупосожжения и трупоположения (традиция, восходящая еще к андроновской древности), только теперь кремированные остатки погребенных помещаются в специально сделанных мешочках, куклах-манекенах, иногда с глиняными масками. Сопроводительный инвентарь из этих , погребений сравнительно беден; в отличие от тесинских могил, в них ни разу не были найдены вещи, связанные с хуннской культурной традицией. Как долго существуют такие погребения, сказать трудно.

Начиная с III в. н.э. население с обрядом трупосожжения занимает господствующее положение в Минусинской котловине. Основным видом погребений становятся склепы с большим количеством погребенных, что само по себе свидетельствует о возрождении прежних тагарских традиций. Таштыкские склепы - это большие, почти квадратные в плане неглубокие котлованы, размером до 100 кв. м, окруженные стеной из горизонтально положенных плит, со специально оформленным входом-дромосом и деревянным перекрытием. По своим размерам и сложности конструкции таштыкские склепы делятся на «большие» и «малые» склепы; в количественном отношении их распределение приблизительно одинаково. Внутри склепов находились остатки многочисленных трупосожжений, покрытые «портретными» погребальными масками и бюстами. Поражает точность передачи и разнообразие лиц, запечатленных в этих масках: типичных европеоидов, монголоидов, представителей различным образом смешанных антропологических типов. Если проводить какие-либо аналогии, то скорее всего именно к этому времени должно относиться то «смешение» гяньгунеи и динлинов, на которое указывают письменные источники. Процессы изготовления этих масок, проведения соответствующих обрядов, последующего сожжения и погребения должны были занять определенное количество времени. Вероятно, то же самое было у енисейских кыргызов. Как сообщают письменные источники, кыргызы «обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости чрез год погребают» (Бичурин, 353).

Несмотря на различия в размерах и отдельных конструктивных деталях, таштыкские склепы, несомненно, представляют однокультурный вид памятников, свидетельствующий о достаточно высоком уровне развития оставившего их населения. Особого внимания заслуживают некоторые элементы таштыкского культурного комплекса, сохраняющиеся

потом в культуре енисейских кыргызов: обряд трупосожжения, господствовавший в той и другой культуре; обычай обставлять стенки могильной ямы вертикальными столбиками и помещать в погребения фигурки животных; некоторые сходные формы керамики и своеобразные украшения - амулеты с обращенными в разные стороны головками лошадей, найденные как в таштыкских, так и в кыргызских погребениях [Савинов 2017, 129-131].

Половозрастной состав погребенных и численность позволяют предполагать, что каждый сруб содержал семейные захоронения. Для сохранения останков к моменту их погребения применялось два способа консервации: мумифицирование и трупосожжение с последующим помещением пепла в человекообразный манекен. Трупы женщин, подростков и, реже, мужчин мумифицировали, стремясь прежде всего сохранить голову, для чего на лицо накладывали гипсовую маску, а иногда предварительно производили трепанацию черепа и извлекали мозг.

Некоторые маски к моменту погребения растрескивались и линяли. Тогда их чинили и обновляли раскраску. Маски со следами починки встретились А. В. Адрианову (8, № 254, с. 2). Мумии не всегда выдерживали срок хранения, и их приходилось укладывать в могилы в полуразрушенном состоянии либо уже в виде кучек костей с черепом (42, рис. 4). Особую категорию людей, видимо, только мужчин, кремировали. Этот новый обряд не имеет корней в предыдущих культурах Енисея. Сожжение производили вдали от кладбища, очевидно, в лесу, на сильном огне. Трупы сжигали в одежде. Сожжение неполное, так что остатки сожжённых костей крупные, до 4-5 и даже 8-10 см. От трупа оставалось 1-2 кг косточек, называемых пеплом; их собирали в кожаный мешочек. Затем шили человекоподобное чучело-манекен, имитирующее сожжённого покойника. Эти имитации принято называть «погребальными куклами». Изготовляли их из травы и обшивали кожей, а возможно, берёстой и материей. Как показывает изучение остатков кукол, обнаруженных А. В. Адриановым, было 2 вида кожаных кукол. Первые изготовляли просто: куртку и штаны плотно набивали комками травы и к этому муляжу приделывали голову. Вторые изготовлялись тщательнее и по частям. Сначала складывали друг с другом по величине рук и ног комочки жесткой травы, затем их обшивали кожей, используя куски, сшитые из мелких лоскутков. Отдельный мешок шили для туловища; его набивали травой и в него вкладывали мешочек с пеплом. Части чучела сшивали жилами и тонкими ремешками. Голову чучела изготовляли из таких же комков травы и обшивали кожей или тканью; на лицевой стороне обозначали нос. Лица делали по-разному: на одной кукле они были нарисованы, на другой глаза и рот обозначены впадинами, а брови и нос пришиты, на третьей на коже сохранились прорези для глаз (165; МАЭС, д. 55, кол. 24, № 72, 90). Лица кукол раскрашены черными поперечными полосами, одна закрыта красным шёлком с чёрной полосой, имитирующим маску (табл. IX, 28). Макушка и затылок кукол закрыты человеческим скальпом с волосами (165, с. 175) либо плотной тканью, к которой пришит кожаный или шёлковый мешочек со свёрнутой косичкой покойника. Кукол изготовляли размером с покойника; одевали, видимо, в его подлинную одежду. Таким образом кукле придавали сходство с покойником, подчеркивая его отличительные признаки. Гипсовые маски, как правило, на лица кукол не клали. Известна только одна маска, безусловно, лежавшая на кукле. Она сделана грубее, чем маски на мумиях, и передает не портретное, а условное сходство с человеческим лицом (МАЭС, д. 55, кол. 24, № 69).

Мумии и куклы укладывали одинаково на спине, головой обычно на З. Под голову подкладывали обрубки дерева, камни, разнообразные «подушки» из травы и шерсти, детские шубки и т.д. В ноги ставили большое количество деревянной посуды и 2 глиняных сосуда: один с напитком, другой с растительной пищей. 2 определённых куска мяса (лопатку и часть бока), как правило, овцы, клали всегда кукле, а иногда и мумии. Куклам, в отличие от мумий, пищу в сосудах иногда ставили не только в ногах, но и в головах, однако

главнее отличие между куклами и мумиями проявлялось в их размещении внутри сруба. Наиболее четко оно прослежено в двойных погребениях: кукла лежит, как правило, вдоль северной стенки сруба, занимая левую его половину, а мумия - вдоль южной, справа от куклы.

Трупосожжение применяли, по-видимому, к мужчинам. Во всяком случае мужские скелеты полностью отсутствуют в двух наиболее полно раскопанных могильниках (Мысок, Комаркова Песчаная), и их очень мало в общей серии скелетов из других могильников. Среди небольшого числа определимых остатков трупосожжений нет детских и женских, но есть мужские. [1] Именно последние часто занимают определённое место в срубах, где помимо них похоронены женские мумии: расположены у северной стенки, а женские мумии — вдоль южной. Такое устойчивое расположение в парных могилах позволяет и значительное число других кукол, пепел которых не определен, рассматривать как захоронения мужчин. Наконец, эту мысль подтверждает анализ немногочисленных сохранившихся кукол или остатков, на которых выражены признаки пола: па лицах — следы черных поперечных полос, как на двух мужских масках, а к голове пришиты кожаные и шелковые мешочки с косичкой, подобной тем, что изображены на голове воинов на рисунках из склепа под горой Тепсей (51; 57).

Для людей, которых хоронили не в грунтовых ямах, а в склепах, соблюдался несколько иной обряд. В склепах небольшого размера укладывали более 10 и до 25-40 трупов, мумий и манекенов-кукол. В большие склепы помещали до 100 и более одних кукол. Клали трупы и куклы, как в тагарских курганах, параллельно друг другу и ярусами, но проследить это удается с большим трудом, поскольку от кукол сохраняются лишь кучки пепла, перемешанные с травой, фрагментами кожи и обломками дерева и камнями рухнувшей крыши. В малые склепы, не имевшие входа, покойников, очевидно, клали одновременно и покрывали берестяным полотнищем (53). В большие склепы, со входами, покойников (кукол преимущественно) подхоранивали друг к другу, но в любом случае окончательные похороны совершали один раз, когда, подобно тагарцам, поджигали камеру, чем обрывали связь погребенных с живыми людьми. В склепах в отличие от могил, не удаётся проследить, по какому признаку одних сжигали, а других мумифицировали. Видимо, обряд трупосожжения постепенно распространялся на всё население, так как он преобладает.

Более точным признаком является сам обряд погребения в грунтовых могильниках по способу трупоположения или трупосожжения. Последний, как следует из описания обряда погребения, требовал более сложной и длительной процедуры, чем мумифицирование. В наиболее ранних могильниках этим способом хоронили меньшую группу покойников, но главное заключается в том, что в парных и малоколлективных могилах похороны других мертвецов приурочивали к моменту основного погребения с куклой. В могилах от кукол, как правило, сохраняются плотные, не разворошенные кучки косточек, диам. 20-30 см. Но рядом с ними неоднократно находятся женские и детские скелеты не в полном анатомическом порядке либо кучки аккуратно сложенных костей и череп (42). Значит, вместе с куклой клали полусгнившие останки и даже кости скелета. Кроме того, отмечены

случаи, когда мумии к погребению обновляли, лицевые маски на них ремонтировали и подкрашивали (Оглахты). Таким образом, обряд трупосожжения был, видимо, важным знаком престижности, поэтому, очевидно, не случайно, что в некоторых могильниках заупокойную мясную пищу клали только куклам (Мысок) и именно с ними чаще находятся остатки деревянных изделий, декорированных золотом (Комаркова Песчаная). Различия в обряде не оставляют сомнения в том, что погребенные на грунтовых кладбищах различались не только по общественному положению, но и по имущественному признаку. В частности, по наблюдению А. В. Адрианова, на одном покойнике в Оглахтинском могильнике была старая шуба с заплаткой, и в тех же могилах найдены берестяные накосники и меховой колчан, обшитые несколькими видами дорогого китайского шелка.

Камеры больших склепов имели вход, крышу и сложное устройство: сруб с тыном и «полатями» или «галереями». В них хоронили только кукол, в большинстве с раскрашенным гипсовым лицом, размещая их на «полатях» или в боковых «галереях» и лишь последние - просто на полу. В склепы клали также копыта многочисленных жертвенных животных. Конструкция камер малых склепов была значительно проще, и в них мертвых устраивали прямо на полу: вперемешку трупы, мумии и куклы. В эти склепы клали пятки, а не копыта жертвенных животных. Они имели вход, видимо, в наземной части, и долго стояли открытыми (145, с. 122, 142). Наблюдения М. П. Грязнова чрезвычайно интересные и заслуживают внимания при дальнейших раскопках, но поскольку тепсейские склепы не имеют твёрдо датируемых предметов (в частности, среди пряжек в одном склепе встречаются ранние и более поздние типы), появляется сомнение, что выделенные М. П. Грязновым отличия между склепами социального, а не хронологического порядка, тем более что в нескольких других больших таштыкских склепах, со сложным устройством камеры и исключительным обрядом трупосожжения, найдены пряжки только V-VI вв. Значит, возможно, эти отличия характерны для заключительных этапов таштыкской культуры.

К этим новшествам следует добавить сам тип кладбищ, расположенных на возвышенности, и могил в виде глубоких ям с низким срубом, гробовищем, плотно закрытым бревнами и засыпанным землей до верха ямы. Новый цикл похоронного ритуала состоит в сожжении трупа, изготовлении и захоронении куклы с пеплом погребённого, которой кладут два определенных куска мяса овцы, один-два ритуальных астрагала, подсыпают в сруб зерна проса. Во время похорон пируют и в могилу или рядом с ней кладут головы жертвенных животных.

Существует мнение, что этими чужеземцами были гэгунь (гяньгунь), явившиеся, видимо, предками енисейских кыргызов VI-VIII вв. Последние же имели обряд трупосожжения (161, с. 162). Это мнение трудно поддержать, как и опровергнуть, ибо неизвестно, какой обряд был у гяньгуней. Однако кроме таштыкцев, обряд трупосожжения в гунно-сарматскую эпоху знали племена Верхней Оби (I-III вв. н.э., фоминский этап), в единичных случаях он встречен в Монголии (161, с. 162) и Туве (104, рис. 16 и 110). Причём по расположению предметов в могилах Тувы и Верхней Оби можно предполагать, что пепел сожженного покойника здесь тоже хоронили в манекенах. Немаловажно, что таштыкский похоронный обряд состоял из сожжения трупа и захоронения пепла в чучеле. Обряд символического сжигания трупов в могиле был широко распространён у тагарцев с позднесарагашенского этапа, но символических захоронений умершего в виде чего-либо, его заменяющего, у них не было. Последнее известно в позднескифское время на Алтае (комплект одежды ребёнка) (151), в Туве («портрет») (78, с. 76), у хунну в Монголии (косы в Ноинулинских курганах) (262), Китае (глиняные статуи воинов). Таким образом, истоки обряда трупосожжения можно искать как на Енисее, так и на широких просторах Азии. Кем бы ни были воины, вторгшиеся в Минусинскую

котловину, они, по всей вероятности, входили в державу хунну и были близки по культуре с последними.

Кроме того, обращают на себя внимание следующие правила, соблюдаемые при захоронении сожжённого покойника (куклы — имитации воина) во многих таштыкских могилах. Во-первых, устанавливаются некоторые различия в деталях ритуала для куклы и других покойников. Во-вторых, куклы-мужчины расположены в парных могилах всегда слева от женщины, т.е. в левой части сруба. В-третьих, при их погребении им подкладывали ранее умерших, трупы которых где-то хранились. Эти правила соответствуют некоторым обычаям и хуннов. Напомним, что у хуннов левая сторона считалась почётной, старшей. Хунны старшую супругу делали «левой», шаньюй сидел на левой стороне, серьгу носили в левом ухе, левая сторона в их юртах считалась мужской, а правая женской (26, с. 50; 173, с. 78; 262, с. 30). При погребении рядового хунна «сопровождающих» не клали, но при погребении шаньюев и, вероятно, других вельмож «соумирающих» было много (26, с. 50). По-видимому, общие признаки обряда не случайны, а являются следствием укрепления в Минусинской котловине власти хуннов и расселения здесь воинских отрядов из представителей дальневосточной или центральноазиатской расы, близких по культуре к хунну. Грунтовые могильники являлись кладбищами этих представителей и местного населения, преимущественно женщин и детей. Состав воинских групп был, очевидно, неоднородным. Скорее всего, среди них находились разные тюркоязычные народы, впоследствии имевшие обряд сожжения. Косвенно на это указывает тюркская легенда, согласно которой брат основателя тюркской династии «царствовал» между Абаканом и Енисеем в V в. или раньше, т.е. еще в период существования таштыкской культуры (273).

В обряде трупосожжения у тюрков прослеживаются близкие к таштыкцам церемонии. Тюрки сжигали лишь знатных покойников, остатки кремации помещали в могилу, но в здании, построенном при могиле, «ставили нарисованный облик покойника» (26, с. 230).

Как указывалось, смешанный состав населения Минусинской котловины прослеживается не только по материалам могил, но и склепов, в которых элементов тагарских погребальных традиций ещё больше, чем в могилах. Последние можно объяснить тем, что в период сооружения склепов уменьшается или прекращается миграция южного населения. Напомним, что в начале II в. северные хунны овладели степными просторами Западной Сибири, а в конце того же века все их земли захватили сяньби (168-173 гг.). Лишившись земель, хунны двинулись на запад, часть из них ушла через Западную Сибирь (95, с. 228-241). С ослаблением и прекращением власти хунну перестают функционировать грунтовые кладбища, тесное смешение оставшегося здесь монголоидного населения с местным (тагарским и каменским) становится интенсивнее, в

результате чего окончательно формируется таштыкская культура - в том виде, в котором она известна по основному количеству раскопанных склепов. В них наряду с новыми элементами (трупосожжение, формы керамики, их орнаментация, состав инвентаря) много старых тагарских традиций (конструкция камер и их сожжение, маски, украшения). В целом унифицируется обряд погребения и верования, складывается своеобразный тип населения.

Сложный этнический состав носителей таштыкской культуры не вызывает сомнения. Южный компонент, с кем бы конкретно его ни связывать (хуннами, сяньбийцами, гяньгунями, предками тюрков), по всей видимости, относится к тюркоязычному населению. Местное тагарское население, как уже говорилось, очевидно, в основе было самодийским. Что же касается более ранних мигрантов через Саяны на Енисей, «каменцев» (II-I вв. до н.э.), то их этнические корни не прослеживаются, но среди них, видимо, были неоднородные группы. Относительно этногенеза местного субстрата имеются и другие мнения. На основании визуальных сопоставлений таштыкские грунтовые могилы определялись селькупскими (В. Ф. Генинг), кетскими (Р. В. Николаев), а при подробном анализе - угорскими (Л. Р. Кызласов).

Таким образом, ранний период (I в. до н.э.-I в. н.э.) таштыкской культуры отражают грунтовые могильники, в которых похоронены таштыкцы с завоеванной ими частью тагарского населения. Классический период культуры относится, видимо, ко II-V вв., после прекращения господства на территории Минусинской котловины хуннов и до появления здесь кыргызов. Несмотря на отсутствие твёрдых критериев для выделения хронологических групп склепов, их периодизация, видимо, в целом должна отражать процесс взаимоассимиляции всего местного (тагарского и «каменского») населения с оставшимся таштыкским. Особенно ярко органическое слияние культурных традиций прослеживается в поздних склепах (судя по пряжкам), где камера тесинского типа сочетается с единым обрядом трупосожжения для всех взрослых. Малочисленность пряжек позднего типа не позволяет предполагать их появление на Среднем Енисее раньше, чем на других территориях, тем более что во все другие исторические периоды эпохальные изделия появлялись здесь позже, чем в Западной Сибири, Алтае и Туве. Пряжки, подобные VI-VII вв., найденные в единичных таштыкских склепах и широко представленные в памятниках культуры чаа-тас, скорее свидетельствуют, с нашей точки зрения, о периоде сосуществования этих культур, завершившемся уходом значительной части таштыкцев из Минусинской котловины [Вадецкая 2016, 4-29].

Българите Bulgars/булгар (Buluoji/булуодзи, Jihu/цзе) в началото на IV век, под управлението на каган Ши Лэ (274-333) основават държавата Късна Чжао: *The Jihu are also known as the Buluoji. They represent several separate clans of the Xiongnu and are said to be the offspring of the five branches of [the Southern Xiongnu headed by] Liu Yuan (?–315, the founder of the self-claimed Xiongnu dynasty of the Former Zhao 304-29).*

Some of their communities intermix with Hàn population. Their chieftains know a fair amount of writing, but their speech is like that of Barbarians. One needs interpreters to communicate with them. Their comportment violates the [Sinitic] norms.

[The Jihu] are nominally registered households in their respective prefectures and counties. But they are subjected to reduced levels of taxation and corvée labor, and thus are distinct from the regular population. In addition, those who live in remote and deep mountain valleys have not been completely subjugated. Being fierce and protected by a terrain difficult to reach, they rebel frequently.

In the early sixth century, when the Tuoba Wei dynasty disintegrated in the wake of the Six-Garrison Revolt, there appeared in northern China a "Barbarian" group with the name Buluoji (Middle Chinese pronunciation b'uo-lak-kiei). In Chinese records, this name was often shortened to Jihu, "the Ji-Barbarian." The use of the term hu, previously referring specifically to the Xiongnu, but gradually becoming a generic appellation for assorted groups of "Barbarians," is itself an intriguing subject, to be examined later in this chapter. The late Peter Boodberg was the first Western author to study this group. His identification of the ethnonym Buluoji with that of the Volga and Danube Bulgars, though, raises both serious problems and intriguing connections.

According to the account of the Buluoji in Zhou shu, they were "the separate clans of the Xiongnu" and were the descendants of the followers of Liu Yuan, the founder of the Former Zhao Dynasty (304-29). Though Liu Yuan's own ethnicity, especially whether he was a "pureblood" Xiongnu person, is open to debate, the Former Zhao has been generally regarded as a Xiongnu regime.

The geographic distribution of the Buluoji as reflected in various records matched well that of the Southern Xiongnu during the Western Jin (265-316). In particular, the heavy concentration of the Jihu on the west bank of the Fen River coincided with the region occupied by "the five branches of the Southern Xiongnu" as recorded in Jin shu. This strongly supports the opening statement of the Jihu biography. In addition, the county of Lishi mentioned repeatedly by the Jihu biography happened to be the very first capital of Liu Yuan, the founder of the Xiongnu Former Zhao dynasty.

The Buluoji belonged to a group or groups of "Barbarians" loosely called the Zahu during the Northern dynasties. According to Tang Changru (p. 444), the use of the name Buluoji actually superseded the use of the latter. Tang therefore concludes that the Buluoji represented the final amalgamation of the Zahu. Most Zahu groups can be linked with the Xiongnu in Chinese records.

Conversely, to judge by "the separate clans of the Xiongnu" characterization of Zhou shu, it is difficult to argue that the Buluoji represented the original core clans of the Xiongnu or their direct, "pureblood" descendants. On the racial side, there were strong indications that the Buluoji included a conspicuous European or Caucasian admixture.

With regard to their lifestyle, the Zhou shu account clearly showed that the Buluoji were mostly settled at the time and partly engaged in agricultural pursuits. However, one may not attribute this entirely to their apparent sinification (adopting Hàn dress and burial customs, etc., and eventually becoming "Hàn-tongued") or to the Central Asian elements among them. Modern archeology has revealed that, contrary to classical records, both the Xiongnu and European Huns had maintained substantial agricultural activities.

The Buluoji's steppe cultural identity is further strengthened by the limited linguistic data. A few surviving and identifiable words of the Buluoji all seemed to be Altaic, Turkic in particular.

Peter Boodberg has identified kuli, "slave," and keye, "fort".34 I note that the Buluoji word weiya (jwei-nga), referring to some kind of wetland tree (Taiping huanyu ji 35.293) can be identified with middle Turkic yiγac, "wood," "tree or shrub."35 Another toponym, Kutuo, identified by Boodberg with the Mongolian word kuda,36 was also from the area populated by the Buluoji (but note that Edwin Pulleyblank has raised doubts on the claim that the leading elements of the Xiongnu were Altaic. See below.). To this I add yet another piece of data: in describing the music of the "three northern-barbarian states" namely the Xianbei, Tuyuhun, and Buluoji, Jiu Tang shu (29.1072) states that their songs sung the name kehan or Qaghan frequently, and this was particularly the case with a chapter called Boluohui, an apparent variant of the root buluoji. Thus we learn that the Buluoji called their ruler Qaghan, a distinct Altaic trait, though the title itself may not be of Altaic origin.

To summarize, the Buluoji, or the Bulgars of China according to Boodberg, appear to be a group that consisted of the remnants of the Xiongnu confederation that were not absorbed by the succeeding Xianbei conglomerate, with a conspicuous Europoid admixture. Their cultural and linguistic affinity seems at least partially Altaic [Chen 2012, 56-90].

The Jihu are also known as the Buluoji. They represent several separate clans of the Xiongnu and are said to be the offspring of the five branches of [the Southern Xiongnu headed by] Liu Yuan (?-315, the founder of the self-claimed Xiongnu dynasty of the Former Zhao 304-29).

…they descended from the Mountain Barbarians and the Red Di [of the Pre-Qin era]. …they live in mountain valleys and have proliferated into numerous tribes and clans.

During the Xiaochang period (525-27) of the [Tuoba] Wei dynasty, there was a [Jihu chief] Liu Lisheng of Yunyang, who proclaimed himself the son of heaven, declared a reign title (Shenjia, "sacred auspiciousness"), and appointed court officials.

But Shenwu of the Qi destroyed the regime, captured the bogus monarch, together with his brother, the Prince of the West Sea, his empress and concubines, and more than four hundred persons from princes and dukes on down, and returned to the city of Ye.

It was decided that the Zhou forces should pursue them all the way to their deepest hideouts. But [Yuwen] Xian, the Prince of Qi (544-78; the fifth son of Yuwen Tai; biography: Zhou shu 12.187-96), observed that there were numerous clans and tribes of the Jihu residing in the mountains and valleys that were difficult to penetrate. It was not possible to annihilate all of them in a royal expedition. On should instead exterminate their leaders and summon the rest to surrender. Both succeeded in destroying their respective opponents, and beheaded more than ten thousand enemies. Zhao, the Prince of Zhao, captured Meduo, and the rest of the Jihu all surrendered.

In the early sixth century, when the Tuoba Wei dynasty disintegrated in the wake of the Six-Garrison Revolt, there appeared in northern China a "Barbarian" group with the name Buluoji (Middle Chinese pronunciation b'uo-lak-kiei). In Cheinese records, this name was often shortened to Jihu, "the Ji-Barbarian." The use of the term hu, previously referring specifically to the

Xiongnu, but gradually becoming a generic appellation for assorted groups of "Barbarians," is itself an intriguing subject, to be examined later in thise chapter.

...the geographic distribution of the Buluoji as reflected in various records matched well that of the Southern Xiongnu during the Westhern Jin (265-316). In particular, the heavy concentration of the Jihu on the west bank of the Fen River coincided with the region occupied by "the five branches of the Southern Xiongnu" as recorded in Jin shu. This strongly supports the opening statement of the Jihu biographi. In addition, the county of Lishi mentioned repeatedly by the Jihu biography happened to be the very first capital of Liu Yuan, the founder of the Xiongnu Former Zhao dynasty [Chen 2014, 83-94].

Ши Лэ (274-333) - основатель династии Поздняя Чжао (319-351). Происходил из племени цзе. Его дед и отец занимали посты мелких племенных вождей. В возрасте около 20 лет, во время сильного голода, был пойман правителем области Бинчжоу и продан в рабство. Вскоре сумел бежать, сколотил небольшую шайку и занялся разбоем.

Когда Лю Юань, основатель династии Хань (позднее - Ранняя Чжао) (304-329), выступил против династии Цзинь и объявил себя Хань-ваном, Ши Лэ присоединился к нему, получив за это звание военачальника, помогающего династии Хань (фухань цзянцзюнь). В ходе многочисленных сражений значительно укрепил свои войска. Затем, когда Лю Яо (318-328), наследник Лю Юаня, перенес в 319 г. столицу в Чанъань и объявил о создании династии Чжао (Ранняя Чжао), Ши Лэ, под контролем которого находилось 24 округа, в свою очередь, основал династию Чжао, вошедшую в историю под названием Поздняя Чжао. Между вновь созданными династиями вспыхнула ожесточенная война, в ходе которой победа склонялась то на одну, то на другую сторону. В 328 г. в сражении под Лояном Лю Яо попал в плен и был казнен. Земли, находившиеся под контролем династии Ранняя Чжао, Ши Лэ присоединил к своим владениям и в 330 г. официально вступил на императорский престол [Таскин 2016, 90,335,397].

В частности, когда в отрочестве, занимаясь торговлей вразнос в Лояне, Ши Лэ стоял и свистел у городской стены, увидевший его Цзиньский сановник Ван Янь, изумленный его внешностью, сказал: "По-моему, голос и взгляд этого Хусца-молокососа... свидетельствуют о его необыкновенных устремлениях". Чжан Бинь, ближайший соратник Ши Лэ, говорил про него: "Мне приходилось видеть много военачальников, но только с этим Хусцем можно успешно завершить великое дело".

Как уже говорилось, Цзесцы появляются на исторической арене Китая в период Шестнадцати государств пяти северных племен, продолжавшийся 135 лет - с 304 по 439 г. В это время вся северная часть Китая оказалась во власти пяти кочевых племен: Сюнну, Цзе, Сяньби, Ди и Цян, которые поочередно захватывали Китайские земли, создавая на них собственные государственные образования, число которых, по традиционным подсчетам, составляло шестнадцать.

Непосредственной причиной, положившей начало этому периоду, явилась "смута, поднятая восемью князьями" ("War of the Eight Princes"), тесно связанная с борьбой за власть, происходившей при дворе династии Цзинь. Смута продолжалась всего 15 лет, но

она вызвала страшные потрясения, поколебавшие самые глубинные основы Китайской государственности, и привела в конечном результате к значительным сдвигам в Китайском этносе и культуре.

Проникновение кочевников в Китай связано с Сюнну и началось в период правления Ханьского императора Сюань-ди (74-49 гг. до н. э.), когда в 51 г. до н. э. шаньюй Хуханье явился к Китайскому двору и признал себя слугой Китайского императора. В ответ династия Хань выделила для Сюнну северную часть области Бинчжоу (северные части современных провинций Шаньси и Шэньси), вслед за чем свыше 5 тыс. Сюннуских юрт явились во входившие в эту область округа, в том числе округ Шофан (на территории современного Автономного района Внутренняя Монголия), и стали смешанно жить с Ханьцами [20, гл. 97, л. 10-б].

В эру правления Цзянь-ань (196-200) Цао Цао, будущий Вэйский император У-ди, разделил Сюнну на пять частей, поставив во главе каждой части наиболее знатного из них в качестве вождя, назначил Ханьцев на посты командующих войсками и поставил их надзирать за вождями. Всего в это время на Китайских землях находилось 29 тыс. юрт. Считая, что в каждой юрте жила малая семья, состоящая из семи человек, общая численность Сюнну превышала 200 тыс. человек.

Помимо Сюнну и относившихся к ним Цзесцев на территории Северного Китая, находившейся под властью созданной Ши Лэ династии Поздняя Чжао, проживали и другие

кочевые племена, именовавшиеся вместе с Цзесцами и Сюнну шестью инородческими племенами. К ним помимо Сюнну и Цзесцев относились Ухуани, Сяньбийцы, Дисцы и Цяны. Появление их на Китайских землях, так же как и появление Сюнну, было связано, во-первых, с политикой переселения, проводимой Китайским двором с целью использования изъявивших покорность кочевников в борьбе с внешними врагами, а во-вторых, с вооруженными вторжениями, которые совершали кочевые соседи Китая в периоды его ослабления.

Между кочевыми племенами, относившимися к различным этническим группам, не было, да и не могло быть согласия и мира. Оказавшись под властью могущественной династии Поздняя Чжао, связанные между собой лишь общим укладом хозяйства, они отличались по языку, психологическому складу и обычаям. Каждое племя стремилось сбросить с себя власть более удачливого соперника и самому добиться господства. По словам Фан Сюаньлина, в Северном Китае, составлявшем восемь десятых всей Поднебесной и покинутом династией Цзинъ, "всюду развевались знамена с изображениями драконов, использовались императорские одежды, воздвигались алтари для жертвоприношения духам Земли и злаков, приносились жертвы в храмах предков.

Помимо кочевников под властью династии Поздняя Чжао находилось и оседлое население, представленное Китайцами. Определить численность Китайского населения довольно трудно. В 319 г. сановники Ши Лэ предложили ему вступить на императорский престол и создать на территории 24 округов с населением 290 тыс. дворов государство Чжао. Если считать, что в рассматриваемое время средняя Китайская семья состояла приблизительно из пяти человек, то общее количество населения, оказавшегося под властью Поздней Чжао, должно было составлять 1,450,000 человек, т. е. по численности оно примерно равнялось кочевому населению.

Начавшееся бегство вполне могло продолжаться и при династии Поздняя Чжао. Кроме того, численность населения должна была сокращаться из-за непрерывных военных действий, в ходе которых воины сначала Ши Лэ, а затем Ши Цзилуна (石季龍) вырезали целые города, не щадя ни женщин, ни детей. С другой стороны, численность населения могла расти за счет захвата новых областей и округов, а также пленных, которых Цзесцы угоняли в принадлежавшие им земли.

Отношения между завоевателями-Цзесцами и покоренным оседлым населением характеризовались еще большей враждебностью, чем отношения Цзесцев с другими кочевыми племенами, с которыми, несмотря на все различия, они все же были связаны общим укладом хозяйства. Китайцы отчетливо сознавали качественные различия в образе жизни между оседлым населением и кочевниками. Непрерывные набеги, ставившие под угрозу существование самого государства, трудная оборона границ, требовавшая огромных усилий и средств, непонятный для оседлых земледельцев кочевой образ жизни, наконец, собственный, более высокий уровень культуры не могли не вызывать у Китайцев враждебность и предубеждение против кочевников.

Наконец, Цзесцы отличались от Китайцев и чертами лица. Характерными внешними признаками Цзесцев были глубоко посаженные глаза, густые бороды и высокие носы. Такая необычная и странная для Китайцев внешность служила предметом насмешек не только у простого народа, но и у высших сановников. Рассказывают, например, что Цзесец Сунь Чжэнь, занимавший высокую должность надзирателя за делами двора наследника престола, страдая глазной болезнью, обратился к окольничему Цуй Яо, Китайцу по происхождению, за советом как вылечить глаза. "Дуй Яо, всегда пренебрегавший Сунь Чжэнем, решил подшутить над ним и сказал: „поправитесь, если поместите глаз в мочу". Сунь Чжэнь воскликнул: „Разве можно поместить глаз в мочу!" Цуй Яо ответил: „У вас глубоко запавшие глаза, их очень легко залить мочой". Когда об этом услышал Ши Сюань,

у которого из всех сыновей Ши Цзилуна была наиболее ярко выраженная внешность Хусца и глубоко запавшие глаза, он пришел в ярость и казнил Цуй Яо вместе с его сыновьями".

Китаец Жань Минь (瞻闵, aka Shi Min 石閔, pin. Ran Min 冉闵), узурпировав престол и зная, что он не может полагаться на Хусцев, приказал убивать их, "в результате половина людей с высокими носами и густыми бородами была перебита".

В период Шестнадцати государств пяти северных племен положение Цзесцев, которых, согласно традиционным представлениям, следовало держать за пределами Китая, резко изменилось. Они переселились в Китай, а их вождь Ши Лэ вступил на императорский престол и стал управлять Китайцами. Естественно, такое положение вызывало негодование жителей Поднебесной. Не случайно Цзиньский сановник Лю Кунь, предлагая Ши Лэ перейти на сторону династии Цзинь и отказаться от борьбы за императорский престол, отправил ему письмо, в котором писал: "Начиная с древности никто из Жунов (Huns) не становился императором, но были известные сановники, совершившие великие подвиги". Действительно, если обратиться к истории, то представитель Жунов (Huns) Ююй (pin. Yeyiyu (耶奕于) служил Циньскому правителю Му-гуну (660-621 гг. до н.э.), а Сюннусец Цзинь Миди (134-86 гг. до н. э.) - Ханьскому императору У-ди, причем оба они занимали самые высокие посты.

Не только Цзесец на Китайском троне вызывал яростную вражду Китайцев к его соплеменникам. Были и иные давние причины. Так, Цзесцы пасли свой скот на Китайских землях, а это раздражало Китайцев-земледельцев: потребные кочевникам обширные пространства, поросшие травой, были нужны Китайцам для выращивания зерна. Не случайно, сознавая это противоречие, сановник Цзян Тун заявил: "Земли между заставами плодородны и обильны, пахотные поля относятся к первому разряду высшей категории, к тому же солончаковые почвы орошаются реками Цзиншуй и Взйшуй, изрезаны каналами Чжэнгоцюй и Байцюй, на них в изобилии произрастают различные виды проса, каждый му земли дает один чжун зерна, народ воспевает существующее изобилие, здесь находились столицы всех императоров и ванов, они жили здесь, и никогда не было слышно, что этот район подходит для Жунов и Дисцев" [20, гл. 56, л. 2-а, 2-б].

В периоды усиления императорской власти Китайцы всячески обижали и притесняли чуждых им Цзесцев. Доходило, например, до того, что Сыма Тэн, правитель области Бинчжоу и член Императорской фамилии, носивший титул Дунъин-гун, приказал ловить Хусцев, т. е. Сюнну и Цзесцев, и продавать их в рабство с целью покрытия огромных военных расходов. Среди проданных оказался, между прочим, и Ши Лэ, основатель династии Поздняя Чжао. Лю Оюань говорил Лю Юаньхаю, будущему основателю династии Ранняя Чжао, современнику Ши Лэ: "Династия Цзинь творит беззакония и управляет нами, как рабами" [20, гл. 101, л. 3-б].

Даже в само слово “Ху” (胡) Китайцы вкладывали оскорбительный смысл. Не случайно в 319 г. Ши Лэ установил должность письмоводителя при дворцовых советниках, одной из обязанностей которого было наблюдение за тем, чтобы Хусцев называли только “Го-жэнь” (букв, “люди нашего государства”, т. е. “соотечественники”); употребление слова “Ху” было строго запрещено.

Следует сказать, что сами Цзесцы нередко обостряли традиционно враждебное отношение к себе Китайцев. Установив свою власть над оседлым населением, они, охваченные желанием отомстить за прошлые обиды, вырезали целые города, занимались массовыми грабежами, которым подвергали даже тех Китайцев, кто состоял у них на службе и занимал высокие посты. Характерен случай, происшедший с военным советником Фань Танем, который вел бедный, но честный образ жизни, за что Ши Лэ хотел назначить его на должность правителя округа Чжанъу. Когда Фань Тань явился ко двору, “Ши Лэ, увидев на нем ветхую одежду и рваную шляпу, в изумлении воскликнул: „Почему вы, военный советник Фань Тань, так бедны?” Фань Тань, отличавшийся правдивостью, поспешил ответить: „Недавно я столкнулся с несправедливостью разбойников-Цзесцев и полностью лишился имущества". Ши Лэ со смехом сказал: „Неужели вас ограбили разбойники-Цзесцы?! Значит, я должен соответственно вознаградить вас"”. Преступления, творимые Цзесцами, были настолько вопиющими, что в 319г. появились даже специальные указы, запрещавшие обижать Китайцев.

Помимо стихийного насилия и грабежей со стороны отдельных Цзесцев сама династия Поздняя Чжао нещадно эксплуатировала оказавшихся под ее властью Китайцев, устанавливая для них трудовые и военные повинности. Иногда эти повинности налагались одновременно: требовалось выставить воинов для армии и снабдить их продовольствием. О тяжести этих повинностей свидетельствуют следующие данные. В 340 г. Ши Цзилун, собираясь выступить в карательный поход против Мужун Хуана (pin. Murong Juan), “приказал областям Сычжоу, Цзичжоу, Цичжоу, Сюйчжоу, Ючжоу и Юнчжоу собрать трех тягловых из пяти и двух тягловых из четырех с каждого двора, включая и дворы, освобожденные от повинностей, с тем чтобы вместе с войсками, имевшимися в Е (鄂), общая численность войск составила 500 тыс. воинов, а также построить 10 тыс. судов для перевозки по Хуанхэ к морю в город Аньлэчэн 11 миллионов ху зерна и бобов для снабжения войск, которые должны были выступить в карательный поход”.

В 342 г. Ши Цзилун приказал четырем областям к югу от Хуанхэ готовить необходимое для похода на юг, областям Бинчжоу, Шочжоу, Циньчжоу и Юнчжоу подготовить необходимое для карательных действий на западе, областям Цинчжоу, Цзичжоу и Ючжоу обеспечить выполнение планов, связанных с походом на восток. Во всех областях каждый двор выставлял из трех тягловых два, а из пяти - трех человек. В изготовлении оружия во всех областях принимало участие более 500 тыс. человек. Вдобавок носящие титул ванов и гунов, пастыри и правители областей соревновались между собой в получении выгоды, в результате чего каждые семь дворов из десяти лишились возможности заниматься своими делами. Таким образом, к отбыванию военной и трудовой повинностей привлекалось сразу более половины трудоспособного населения.

По существовавшему у всех кочевников правилу каждый взрослый мужчина считался воином и был обязан незамедлительно являться по вызову на сборный пункт, имея при себе все необходимое для похода. По-видимому, руководствуясь этим правилом, в 342 г., задумав поход в земли к югу от Янцзы, Ши Цзилун издал указ, по которому каждые пять воинов, набранных для участия в походе, должны были выставить одну повозку и двух быков, а каждый воин - 15 ху риса и 10 кусков шелка, причем не выполнившие этих поставок подлежали отсечению головы. Чтобы выполнить поставки, население продавало детей, но и этого оказалось недостаточно, а поэтому многие кончали жизнь самоубийством, причем

самоубийц было настолько много, что, по словам историка, "на деревьях вдоль дорог рядами висели тела висельников-самоубийц".

Не менее тяжелыми были и трудовые повинности. В 342 г. Ши Цзилун приступил к широкому строительству дворцовых помещений, только в Е строилось более 40 башен, а в Чанъане и Лояне - два дворца, на строительстве которых было занято более 400 тыс. человек. В 344 г. на строительство моста через Хуанхэ был затрачен труд, равный труду более 5 млн. человек. Сын Ши Цзилуна, Ши Сюань (石宣), начал строить для себя дворец, и тогда сановник Ван Лан, Китаец по происхождению, сказал: "Ныне, в разгар зимы, когда валит снег и стоят морозы, наследник престола заставляет людей рубить лес для строительства дворца и волочить его к берегам реки Чжаншуй. На работах трудятся десятки тысяч человек, народ тяжело вздыхает". На строительство стены вокруг дворца Вэйянгун в Чанъане из областей Юнчжоу, Лочжоу, Циньчжоу и Бинчжоу было отправлено 160 тыс. человек. 260 тыс. человек из различных областей было послано на строительство дворца в Лояне.

Кроме того, население было обязано платить налоги и подати. В 314 г. Ши Лэ приказал областям и округам проверить фактическое количество дворов и обложить каждый двор податью в размере двух кусков полотна и земельной податью в размере двух ху зерна. Однако помимо официально установленных податей практиковались еще и всякого рода поборы. Ши Цзилун, например, запретил держать лошадей, которых будто бы не хватало для войск; нарушивших запрет разрубали по пояснице надвое; так было отобрано свыше 40 тыс. лошадей. Он же отобрал у населения более 20 тыс. быков и отправил их в область Шочжоу.

Не мог невызывать раздражение Китайцев и массовый набор наложниц для императора и его окружения. Ши Цзилун, увеличивший количество рангов императорских наложниц до 24, для наложниц наследника престола до 12 и для наложниц правителей владений, которых насчитывалось более 70 человек, до 9, разослал чиновников во все уголки государства для выбора самых красивых женщин в возрасте от 13 до 20 лет. Посланные набрали свыше 30 тыс. женщин, из которых более 9 тыс. были оторваны от мужей. Кроме того, Ши Сюань, сын Ши Цзилуна, сам набрал для себя не менее 10 тыс. женщин. С начала набора до доставки женщин во дворцы число убитых и покончивших жизнь самоубийством мужей, у которых отобрали жен, превысило 3 тыс. человек.

В пестром по этническому составу государстве, которое сложилось под властью династии Поздняя Чжао, естественно, существовали разные нравы, обычаи и верования. Описать их в более или менее систематическом виде, основываясь лишь на истории династии Поздняя Чжао, невозможно. Отметим, пожалуй, только широкое

распространение многочисленных суеверий как одну из характернейших черт духовной жизни эпохи. Читая источник, нетрудно заметить, что все наиболее важные действия правители династии Поздняя Чжао предпринимали только в соответствии с гаданиями, различными природными явлениями, необыкновенными происшествиями и т.д.

Можно утверждать, что никогда еще в истории Китая разного рода суеверия не играли столь значительной роли, как в государстве Цзесцев, нигде они не описаны так подробно, как в истории династии Поздняя Чжао.

Кроме того, в течение 30 лет государством, просуществовавшим всего 32 года, управляли Ши Лэ и Ши Цзилун, сами не получившие никакого образования. Ши Лэ работал сельскохозяйственным батраком, занимался торговлей вразнос, был рабом, главарем шайки разбойников, возглавлял войска, принимал участие в бесконечных военных походах и, не имея ни средств, ни времени для учения, остался неграмотным. Ему читали вслух исторические сочинения.

Наиболее общим для столь пестрого по этническому составу государства занятием являлась охота - любимое занятие Цзесцев. В обычаях были облавные охоты, служившие не только развлечением, на них не только добывали пищу, но и обучали воинов ведению военных действий. Оседлому населению, т. е. Китайцам, эти охоты приносили одни бедствия. Они лишали его плодородных земель, занятых под посевы, и наносили ущерб сельскохозяйственному производству. Для облавных охот отводилась огромная территория.

Широко был распространен левират, хорошо известный многим кочевым народам. О Сюнну, а значит, и о Цзесцах Сыма Цянь писал: "После смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах" [Таскин 2016, 6-31].

What may have been neglected even more was the Buluoji's significant contributions to China's cultural and religious heritage. For example arguably the most prominent real-life figure in the vast Dunhuang grotto arts the Buddhist monk Liu Sahe who was of well-documented Buluoji ethnicity.[90] But perhaps the least noted case was the author Lu Fayan of the single most important historical treatise on Chinese phonology, namely Qieun.[91] Here the clan name Lu was but the sinified form of Buliugu, yet another variant of the root Buluoji. Even today, one cannot but marvel at the great accomplishments of such a presumably "marginal" "barbarian" group in medieval China [Chen 1998, 1-8].

На втором году эры правления Да-син (319 г.) Ши Лэ незаконно объявил себя Чжао-ваном. Он помиловал всех, начиная от приговоренных к отсечению головы, уравнял налог с пахотных земель, взимаемый с народа, сократив его наполовину, пожаловал полотно сиротам, оставшимся после погибших во имя долга, почтительным к родителям и младшим братьям и трудолюбивым на поле, [каждому]-по заслугам погибшего, а сиротам, престарелым, вдовцам и вдовам [пожаловал] зерно в размере трех даней каждому. В течение семи дней проводились большие пиршества. По обычаю, существовавшему во владениях в период Чунь-цю и при первых правителях династии Хань, когда каждый правитель устанавливал годы своего правления, Ши Лэ установил первый год правления Чжао-вана. Он впервые достроил алтарь для жертвоприношений духам Земли и злаков, храм предков и помещения для восточного и западного управлений.

Канцелярист при военачальнике Пэй Сянь (Pei Xian 裴獻) и военные советники Фу Чан (Fu Zhang 苻萇) и Ду Гу были назначены виночерпиями при изучающих классические книги, военные советники Оюй Сянь и Юй Цзин - виночерпиями при изучающих законы, Жэнь Бо и Цуй Цзюнь - виночерпиями при изучающих историю; Чжи Сюн, носивший звание военачальника средней армии, и Ван Ян, носивший звание военачальника летучих ударных отрядов, были назначены виночерпиями при чиновниках у ворот, занимавшихся разбором тяжб среди хусцев, а Чжан Ли, Чжан Лян, Лю Цюнь и Лю Мо главными письмоводителями

при дворцовых сановниках и ведали выдачей приказов хусцам, приемом от них заявлений, ужесточением запретов для хусцев, [согласно каковым] им запрещалось обижать хуасцев (китайцев.- В. Т.), носивших головные уборы, и следили за тем, чтобы хусцев называли гожэнь - соотечественниками.

Ши Лэ послал чиновников объехать области и уезды, с тем чтобы убедить население заниматься земледелием и разведением тутового дерева.

Ши Лэ дополнительно назначил Чжан Виня великим блюстителем закона и поручил руководить политикой двора, поставив его во главе всех чиновников. Ши Цзилуна Ши Лэ поставил шаньюем, дал ему звание первого помощника и назначил на должность главноуправляющего всеми военными делами своей личной охраны.

Ши Лэ приказал писцам канцелярии Цзо Минцзе и Чэн Цзи составить "Записи о владении Шандан"; дворцовым советникам Фу Бяо, Цзя Пу и Цзян Гую - "Записи о деятельности и отдыхе великого военачальника"; -военным советникам Ши Таю, Ши Туну, Ши Цяню и Кун Луну-"Записи о великом шаньюе". С этого времени на аудиенциях во дворце, на пирах Ши Лэ стал пользоваться этикетом и музыкой Сына Неба, а его свита носила соответствующие головные уборы и держалась с завидным достоинством.

Цзиньский правитель области Сюйчжоу Цай Бао нанес поражение Сюй Каню, тогда Сюй Кань отправил к Ши Лэ гонца, предложив план, как наказать Цай Бао. Ши Лэ послал военачальника Ван Буду, приказав ему идти в авангарде войск Сюй Каня, а Чжан Цзину во главе всадников следовать за ним. Когда Чжан Цзин прибыл в округ Дунпин, Сюй Кань заподозрил, что Чжан Цзин может неожиданно напасть на него, а поэтому, порубив более 300 воинов из отряда Ван Буду, снова изъявил покорность династии Цзинь. Придя в страшный гнев, Ши Лэ приказал Чжан Цзину занять важные стратегические пункты Сюй Каня и оттуда наблюдать за его действиями.

Ши Лэ впервые ввел музыкальные инструменты, которые повесил на подставках по трем сторонам квадрата, танцоров, выстраивающихся восемью рядами, заимел украшенные золотом большие императорские колесницы, колесницы с желтым пологом и знаменем на левой стороне. Итак, он стал обладателем колесниц, знамен, музыкальных инструментов и начал соблюдать правила поведения, предусмотренные для Сына Неба (Ch. 天子 tianzi).

Ши Лэ установил пять служебных рангов, поручив Чжан Биню руководить аттестацией чиновников, но затем снова восстановил существовавшую систему девяти рангов, назначив Чжан Биня левым блюстителем закона, а Мэн Чжо - правым

блюстителем закона. Законом устанавливалось, что представители знатных домов могут назначаться на должности только после отбора, а всем чиновникам, областям и округам было предписано каждый год выдвигать по одному сюцаю (xiucai), весьма почтительному к родителям, бережливому и бескорыстному, мудрому и добродетельному, правдивому в речах, мужественному и смелому. Были установлены и произведены назначения на должности канцеляристов кочевий, каждый из которых ведал делами одного кочевья, если же он ведал делами кочевий в целой области, его жалованье составляло 2 тыс. даней зерна в год, а должность соответствовала должности правозащитника при первом помощнике императора.

Ши Цзилун напал на дуаньского вождя Пиди, находившегося в Яньцы, а Кун Чан, выступивший покарать города, находившиеся на территории кочевья Пиди, занял их. Оказавшись в безвыходном положении, Пиди во главе подчиненных ему чиновников вышел сдаться Ши Цзилуну; за ним везли гроб [как выражение полной покорности]. Ши Цзилун отправил Пиди в Сянго, где Ши Лэ назначил его военачальником, превосходящим всех в войсках.

Младший брат Пиди, Вэньян, и помощник военачальника Вэй Линь были назначены левым и правым начальниками охранной стражи телохранителей и получили по золотой печати на темно-красном шнуре. Свыше 30 тыс. захваченных беглых дворов были распущены и возвращены к прежним занятиям, а для управления ими поставлены чиновники. После этого все поселения в областях Цзичжоу, Бикчжоу и округах Ляоси и Баси сдались Ши Лэ.

Канцелярист при военачальнике Лю Ао небрежно вел строительство дворцового зала Цзяньдэдянь, отчего покосились столбы, и он был обезглавлен во дворце. Вскоре, раскаявшись в содеянном, Ши Лэ пожаловал Лю Ао посмертно должности начальника обрядового приказа и пристава дворца Цзяньдэдянь.

Ши Лэ перевез из Лояна в Сянго медных лошадей и две статуи Вэньчжуна, расположив их у ворот Юнфэнмэнь.

Ши Лэ приказал старцам, жившим в уезде Усян (уезд, в котором родился Ши Лэ. - В.Т.), выехать в Сянго, а когда они прибыли, рассадил их по возрасту и пил с ними вино, предаваясь веселью и беседуя о житейских делах.

Поскольку народ только что вернулся к своим занятиям и не имел больших запасов, Ши Лэ строго запретил квасить вино, поэтому при жертвоприношениях в храме предков всегда использовалось однодневное вино; так продолжалось несколько лет, и никто не квасил вина.

Вскоре Ши Лэ, назначив Ши Цзилуна военачальником, командующим колесницами и конницей, послал его во главе 30 тыс. всадников покарать сяньбийского вождя Юйчжоу (apparently, this is a functional description of the poosition, after the name of the province, an equivalent of today's "Leader of Henan Province", not a personal name of the Syanbi leader or his native title), находившегося в Лиши. Ши Цзилун захватил свыше 100 тыс. голов крупного рогатого скота и лошадей, Юйчжоу бежал к ухуаням, а все принадлежавшие ему города были вынуждены сдаться.

До всего этого умер Ши Син, сын Ши Лэ, объявленный его наследником, поэтому в момент описываемых событий Ши Лэ объявил наследным сыном Ши Хуна (石弘, pronounced Hun, 313-334, native Hunnic name Daya 大雅, pinyin Hong) и назначил его руководителем дворцовых войск.

Ши Лэ послал Ши Цзилуна, назначив его командующим 40 тыс. отборных воинов, набранных как в его собственных землях, так и за их пределами, покарать Сюй Каня. Сюй Кань упорно оборонялся, не вступая в сражение, поэтому Ши Цзилун стал строить дома и занялся вспашкой земли, окружив Сюй Каня длинными валами.

Ши Та, служивший Ши Лэ в званий военачальника, карающего презренных врагов, разбил императорские (цзиньские.- В. Т.) войска к западу от Цзуаня, захватил в плен военачальника Вэй Жупа и вернулся назад. Напуганный Цзу Но, носивший звание-военачальника, карающего север, отступил в Шоучунь.

Ши Чжань, служивший Ши Лэ в звании главного воеводы, командующего войсками, предпринял набег на округ Сяпэй и нанес поражение цзиньскому военачальнику Лю Чансую. Затем он напал на округ Ланьлин и снова разбил правителя округа Пэнчэн Лю Сюя. Правитель округа Дунгуань Чжу Чжэнь и правитель округа Дунхай Сяо Дань подняли во главе своих округов мятеж [против династии Цзинь] и сдались Ши Лэ.

Ши Лэ лично посетил низшую и высшую школы, где проверил знания учеников в классических книгах, причем лучших наградил тканями по их успехам.

Ши Лэ любил литературу и даже во время военных походов часто приказывал ученым читать исторические сочинения, а сам внимательно слушал. Каждый раз он высказывал собственное мнение о добрых и дурных поступках императоров и правителей древности, причем, услышав его мнение, все придворные мудрецы и ученые выражали свое восхищение. Как-то Ши Лэ велел почитать ему "Историю династии Хань" и, услышав, что Ли Ицзи

уговаривал "поставить у власти потомков правителей шести владений, встревоженно сказал: "Это неверный способ, с его помощью не объединить Поднебесную!" - а затем, услышав увещевания Лю-хоу, произнес: "Я могу на них опереться!" Вот насколько выдающейся личностью был Ши Лэ от природы.

Ши Лэ назначил правого дворцового служителя Хо Хао дворцовым советником, поощряющим развитие сельского хозяйства, и тот вместе с Чжу Бяо, послом, ведающим сельским хозяйством, и Лу Чуном, занимающим должность главного воеводы, поощряющего сельское хозяйство, выехал в объезд областей и округов, утвердил подворные списки, принял меры к поощрению занятий сельским хозяйством и разведения тутовых деревьев, причем достигшим наиболее крупных успехов жаловал титулы удафу.

Ши Лэ приказал Ши Шэну пройти через заставу Яньшоу-гуань и совершить набег на округа Сюйчан и Инчуань, в которых он захватил в плен свыше 10 тыс. человек, в то время как количество сдавшихся ему составляло 20 тыс. человек. После этого Ши Шэн взял штурмом город Канчэн. Цзиньский военачальник Го Сун догнал Ши Шэна и нанес ему сильное поражение, убив свыше тысячи человек, после чего Ши Шэн собрал разбежавшихся воинов и расположился с ними в Канчэне. Ши Цун, назначенный Ши Лэ правителем округа Цзицзюнь, услышав о поражении Ши Шэна, поспешил к нему на помощь и напал на [цзиньского] военачальника Го Мо, захватив в плен более 2 тыс. мужчин и женщин. Затем Ши Цун напал на цзиньских военачальников Ли Цзюя и Го Мо и разбил их войска.

Цзиньский главный воевода Лу Цянь поднял мятеж [против династии Цзинь] и во главе уезда Сюйчан сдался Ши Лэ. Ши Чжань напал на цзиньского правителя области Яньчжоу Тань Биня, находившегося в Цзоушане, взял штурмом город и убил Тань Биня.

Ван Шэн, служивший Ши Лэ в звании начальника охранной стражи телохранителей из западных инородцев, неожиданно напал на правителя области Бинчжоу Цуй Куня и убил его (The "western alien" people must be a Chinese lingo, for Shi Le these Xi Hu or Xihu (西胡) were his own Hun tribesmen, and no "aliens". Notably, the Shanyu's own "center" force had enough muscle to attack a provincial army, its force was measured in tumens, or multiples of 10,000 cavalry).

Правитель округа Шандан Ван Шэнь поднял в области Бин-чжоу мятеж против Ши Лэ. До этого Ши Цзилун напал на военачальника Лю Яо, Лю Юэ, находившегося в Шиляне. В момент описываемых событий гарнизон в Шиляне разбежался, а захваченный в плен Лю Юэ был отправлен в Сянго. После этого Ши Цзилун напал в области Бинчжоу на Ван Шэна

и убил его. Ли Цзюй, напуганный поражением Лю Юэ, бежал из Синьяна, а его старший чиновник Цуй Сюань во главе 2 тыс. воинов сдался Ши Лэ. Таким образом Ши Лэ приобрел все земли в областях Сычжоу и Яньчжоу, а округа и уезды в областях Сычжоу и Юйчжоу вдоль реки Хуайшуй сами сдались ему.

Ши Лэ приказал перевезти из Лояна в Сянго солнечные часы и установить их во дворе перед домом шаньюя (This is the only direct record that Shi Le was a Shanyu of the Southern Huns for the Huns, and Emperor for the Chinese and possibly others). Вырезав на каменных ящиках имена заслуженных сановников, помогавших в создании государства, Ши Лэ расположил ящики перед передним залом дворца Цзяньдэдянь. В Сянго был создан сад, засаженный тутовыми деревьями и катальпой (This seems to be a earliest direct record about the estate of the Shanyus and associated gardens, which are traceable from that first mentioning through the millennia and for all Türkic monarchs, most notable of those were the newly planted gardens in all capitals of the Moghul Türks in Afganistan and India. Without exception, all Türkic palaces included gardens, and they brought to us the words pavilion and kiosk, the main jewels of the garden architecture. It may be apropos noted that neither pavilion nor kiosk are etymologyzed from the Persian, nor from the Latin, and their spotty distribution in the host languages atrtest to their cultural loanword status).

Как-то ночью, переодевшись в простую одежду, Ши Лэ вышел проверить охрану дворца и стал предлагать стражнику у ворот шелк, золото и серебро, прося пропустить его. Ван Цзя, стражник у ворот Юнчанмэнь, хотел схватить Ши Лэ, но тут подоспела свита, и он отказался от своего намерения. Наутро Ши Лэ вызвал Ван Цзя, пожаловал ему звание главного воеводы, проявившего преданность, и титул хоу без предоставления земельного владения.

Ши Лэ поставил Ши Хуна правителем в Е, передал ему 10 тыс. воинов из своей личной охраны, а также 54 военных лагеря, находившихся под командованием военачальника, командующего колесницами и конницей, приказав Ван Яну, носившему звание

военачальника, командующего смелыми всадниками, и занимавшему положение виночерпия при чиновниках у ворот, помогать Ши Хуну во главе шести племен инородцев (Here again the tribes are alien from the Chinese perch, for the Huns they were a combination of kinfolk Huns, now under new dynastic union of Kiyan/Cheng tribes, Jie/Kiyan Huns themselves, kinfolk Tele Dis, partial kinfolk Tibetans/Qiangs, partial kinfolk Syanbi/Duans, and partial kinfolk Tele Dis/Mans. The tribes of Qiangs, Duans, and Mans included either Huns or Dis as either dynastic or socially dominating component).

Ши Лэ назначил военачальника своей ставки Ван Бо военным советником канцелярии, приказал ему руководить девятью философскими течениями и впервые ввел систему экзаменов на знание классических книг, дающих право на получение ученых степеней сюцая и сяоляня.

Ши Лэ отправился в поездку по округам области Цзичжоу и, принимая престарелых ученых, почтительных к родителям и трудолюбивых на поле, одаривал их зерном и тканями - каждого по заслугам. Он приказал правителям далеких и близких областей и округов объявить в подведомственных им городах, что каждый, желающий что-либо сказать без утайки, может сообщить об этом его двору и доложить всю правду.

Сановники Ши Лэ, обменявшись мнениями, решили, что Ши Лэ совершил великие подвиги; появился целый ряд благовещих предзнаменований, поэтому настало время для изменения титула, ибо это отвечает желанию Неба и Земли. Поэтому Ши Цзилун и другие поднесли Ши Лэ императорскую печать со шнуром и высокий титул. Ши Лэ не соглашался принять титул, но сановники упорно настаивали на своей просьбе. Тогда на пятом году эры правления Сянь-хэ (330 г., 咸和, 326-335) Ши Лэ незаконно принял титул Чжао тянь-ван - "Ван, правящий по воле Неба владением Чжао", принял на себя исполнение императорских дел, поднес деду Е (Еиюю.- B. T.) (耶奕于) посмертный титул Сюань-ван, отцу Чжоу (Чжоугэчжу. - V.T.) ((周曷朱) посмертный титул Юань-ван, объявил жену, урожденную Лю, княгиней, а старшего сына, Ши Хуна (石弘), наследником престола.

(Shi Hun's mother is identified both as Liu and as Cheng, apparently both fake Chinese monikers substituting for true tribal name). Shi Le sons: Shi Xing (石興), original heir apparent, died sometime before 330 Shi Hong (石弘, note different character from his brother), Crown Prince (appointed 330), later emperor Shi Hong (石宏, note different character from his brother), the Prince of Qin (appointed 330, executed by Shi Hu 334) Shi Hui (石恢), the Prince of Nanyang (appointed 330, executed by Shi Hu 334).

Своего (second) сына Ши Хуна (石宏) Ши Лэ объявил императорским послом, назначил на должности свитского всадника, прислуживающего при дворе, и главноуправляющего всеми военными делами как в столице, так и за ее пределами, дал ему звание великого военачальника, командующего сильной конницей, вручил титулы великий шаньюй и Цинь-ван; сын Ши Бинь, имевший звание военачальника, командующего левым охранным отрядом, получил титул Тайюань-ван; младший сын, Ши Хуэй, получил звание военачальника, помогающего государству, и титул Наньян-ван.

Ши Цзилун, имевший титул Чжуншань-гун (中山), был назначен великим воеводой, начальником государственной канцелярии и получил титул Чжуншань-ван (中山王). Ши Шэн получил титул Хэдун-ван (Hedong 河东), а Ши Кань - титул Пэнчэн-ван (溢城王). Сын Ши Цзилуна, Ши Суй, был назначен правителем области Цзичжоу и получил титул Ци-ван (Qi-wang 圻王) с дополнительным предоставлением должности свитского всадника, прислуживающего при дворе, и звания военачальника, командующего вооруженной охраной; [другой сын], Ши Сюань, получил звание военачальника, командующего левым крылом; [а третий], Ши Тин (石挺),- должность окольничего и титул Лян-ван.

Сановники настойчиво просили Ши Лэ принять высокий титул, и тогда он незаконно вступил на императорский престол, объявил на подведомственной территории большую

амнистию, изменил наименование эры правления на Цзянь-пин (建平 330-333) и перенес столицу из Сянго в Линьчжан. Своему прапрадеду Ши Лэ поднес посмертный титул император Шунь-хуан, прадеду - император Вэй-хуан, деду - император Сюань-хуан, отцу - храмовой титул Ши-цзун и посмертный титул Юань-хуанди, матери - вдовствующая императрица Юань-чжао, а гражданских и военных чиновников повысил в титулах и должностях в зависимости от заслуг каждого.

Свою жену, урожденную Лю, Ши Лэ объявил императрицей и, кроме того, установил, что ранги наложниц чжао-и и фу-жень приравниваются по положению к высшим сановникам, а ранги гуй-бинь и гуй-жэнь - к ле-хоу, причем каждый ранг может быть присвоен только одной женщине. Ранги наложниц сань-ин и цзю-хуа приравнивались к титулу бо, шу-юань и шу-и - к титулу цзы, жун-хуа и мэй-жэнь - к титулу нань, [были установлены также ранги] у-цзянь и сянь-шу, причем количество наложниц, носящих перечисленные ранги, не ограничивалось.

Ши Лэ издал бумагу, в которой говорилось: "Отныне при определении мер наказания во всех случаях следует руководствоваться вводными статьями к основному закону. Если в порыве гнева я приговорю к казни и, охваченный яростью, объявлю свою волю, то в тех случаях, когда это относится к людям высокой добродетели или к высокопоставленным [чиновникам], не следует толковать мою волю как меру наказания, а когда, встретив случайно, я подверг наказанию сироту, чьи [родители] усердно служили и погибли во имя государства, пусть все, находящиеся при моем дворе, доложат об этом, а я, обдумав доклад, выберу подходящие меры".

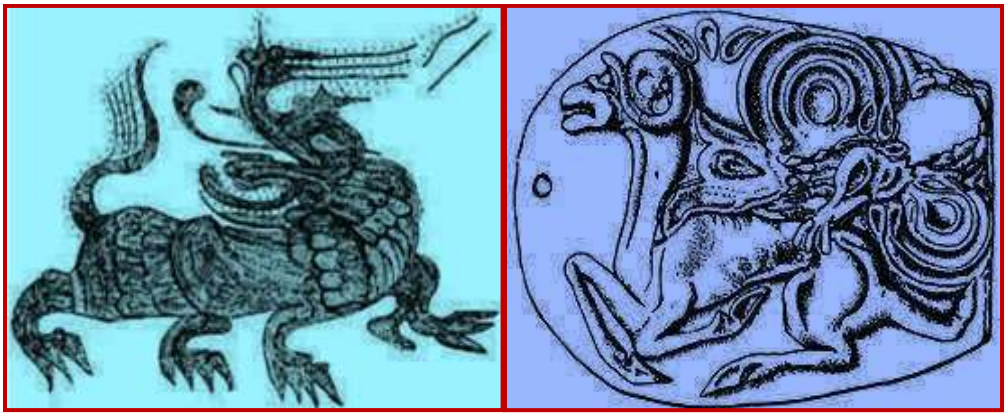
Ши Лэ лично участвовал во вспашке поля, которое народ обрабатывал для правителя, а вернувшись во дворец, помиловал всех, вплоть до приговоренных к пяти годам наказания, и одарил чиновников, вплоть до высших, золотом и тканями в зависимости от заслуг каждого.

Из-за затмения солнца Ши Лэ три дня избегал посещать главный зал дворца и приказал всем чиновникам, чтобы каждый предоставил в запечатанном конверте секретный доклад с указанием допущенных им ошибок.

Ши Лэ запретил областям и округам иметь храмы в честь предков или выдающихся деятелей, приказав их уничтожить, за исключением канонизированных. На месте тех храмов, которые помогали вызывать облака и дождь и приносили пользу народу, округа и уезды должны были построить новые, обсадить их красивыми деревьями и установить их значимость, подобную значимости пяти горных вершин и четырех больших рек.

Ши Лэ издал бумагу, в которой приказывал высшим сановникам и всем чиновникам ежегодно рекомендовать двору по одному человеку - мудрому и добродетельному, честному и прямому, правдивому в речах, отличающемуся особыми талантами, крайне почтительному к родителям, бережливому и бескорыстному, причем тех, кто при ответах на испытаниях покажет лучшие результаты, назначать думными чиновниками, показавших средние результаты - телохранителями и показавших худшие результаты - придворными служителями. Рекомендованные двору имели право сами рекомендовать достойных, что расширяло пути для привлечения мудрых.

Ши Лэ построил к западу от Сянго зал Минтан, школу Биюн и башню Линтай.



Ши Лэ издал бумагу, в которой говорилось: "Употребление холодной пищи - старый обычай в области Бинчжоу (historical western homeland of the Hunnic tribes), но мне этот обычай не был знаком, и я не смог возвысить его. Раньше, во время обсуждения, происходившего вне двора, выяснили, что Цзы-туй был слугой правителя владения, поэтому император не должен испытывать перед ним страх, и я согласился с этим мнением. Но, возможно, из-за этого и произошло стихийное бедствие. Хотя Цзы-туй - дух моих родных мест, отрицающие обычай вкушать установленную пищу не должны вносить путаницу в этот вопрос. Пусть начальники отделов срочно проверят старые установления, придут к окончательному решению и доложат мне".

Соответствующие органы власти доложили: "Поскольку Цзы-туй почитается на протяжении многих поколений, просим повсеместно восстановить обычай употребления холодной пищи, кроме того, насадить красивые деревья и построить в его честь храмы, чтобы население приносило там жертвы".

Ши Лэ принял в Е на аудиенции чиновников и приказал назначить в округах и владениях чиновников, ведающих вопросами образования, а в каждом округе - поставить двух ученых-виночерпиев, набрать для обучения 150 молодых людей и тех из них, которые после трех экзаменов добьются успехов в учении, представить ко двору. После этого Ши Лэ назначил пять учеников из высшей школы на должности помощников начальника составительского бюро, с тем чтобы они вели записи текущих событий.

В это время случилась сильная засуха, и ШиЛэ лично посетил начальника судебного приказа, отобрал узников, подлежащих наказанию сроком на пять и меньше лет, и наложил на них более легкое наказание. Тем, кто подлежал суровому наказанию, Ши Лэ пожаловал вино и еду, разрешил искупаться и велел ждать приговора осенью. Не успел Ши Лэ вернуться во дворец, как полил нужный сильный дождь.

Когда болезнь обострилась, Ши Лэ издал предсмертный указ, в котором говорилось: "Похороните меня на третий день после смерти, пусть чиновники как при дворе, так и за его пределами снимут траурные одежды по окончании похорон, не запрещайте свадеб, жертвоприношений, вкушения вина и мяса; военачальники с карательными функциями, пастыри областей и правители округов не должны покидать места службы для участия в

похоронах; меня положите в гроб в обычной одежде, гроб водрузите на обычную колесницу, [в могилу] не кладите золота и драгоценности, утварь и безделушки. Боюсь, что Дая не сможет успешно осуществить мои намерения. Пусть все управления, начиная от подчиненного Чжуншань-вану (титул Ши Цзилуна. - В. Т.), не нарушают моей воли. Пусть Дая и Ши Бинь живут в согласии и помогают друг другу: пример дома Сыма должен служить для них уроком, и они должны стремиться к укреплению дружественных отношений. Чжуншань-ван должен трижды глубоко обдумать поведение Чжоу-гуна и Хо Гуана и не создавать поводов для пересудов".

На седьмом году эры правления Сянь-хэ (332 г.) Ши Лэ умер в возрасте 60 лет, пробыв на престоле 15 лет. Ночью его тело погребли в горной долине, но место погребения осталось неизвестным. Затем подготовили ритуальные предметы и устроили фиктивные похороны, дав кладбищу название Гаопинлин, а Ши Лэ незаконно поднесли посмертный титул императора Мин хуанди и храмовой титул Гао-цзу [Сюаньлин_2, 1-28].

Завоевания сюнну были обширны, но их государственная структура не соответствовала по своей эффективности военной организации. Почти с самого начала мнения сюнну относительно завоевания Китая разделились. Одна из партий была за то, чтобы создать правительство наподобие китайского, в то время как остальные настаивали на установлении простого господства над Китаем с сокращением административных функций до минимума. В основе этого конфликта лежал вопрос о пригодности использования стратегии внешней границы после того, как оборона Китая была разрушена.

Сюннуский шаньюй Лю Юань (правил в 304-310 гг.) получил образование при цзиньском дворе, который стал для него моделью управления новой династией. Он создал точную копию цзиньского двора в своей столице в Пинчэне. Лю Юань, вероятно, полагал, что, именуя себя императором на китайский манер, он в конце концов добьется признания со стороны китайской знати. Так или иначе, его двор был островком стабильности, привлекавшим к себе многих беженцев, включая чиновников, бежавших от беспорядков в других частях Китая. Источником власти Лю Юаня над племенами являлось звание шаньюя. Лю Юань обладал необходимыми опытом и харизмой для исполнения двойственной роли повелителя китайцев и варваров, однако его сын и наследник Лю Цун (правил в 310-318 гг.) таковых уже не имел. Именно в период его правления сюннуские завоевания достигли наивысшей точки, но при этом цзиньская модель двора проявила свою полную непригодность для организации государства.

Создание государства по модели китайского не было популярной идеей среди сюнну. Хотя на первый взгляд позиции шаньюя и императора были схожи, их глубинная сущность

коренным образом различалась: должность императора предполагала полную власть над всеми подданными, в то время как шаньюй являл собой верхушку племенной системы, в которой его главной заботой было благополучие собственного народа. Для сюнну созданный по китайскому образцу двор с китайскими чиновниками был бесполезен и представлял опасность их племенной знати. Выразителем интересов последней стал сюннуский вождь старой закалки по имени Ши Лэ.

Карьера Ши Лэ началась после того, как он бежал из китайского плена и стал знаменитым разбойником. В дальнейшем из бандита он с легкостью превратился в генерала армии Лю Юаня. При завоевании Китая Лю Юань предпочитал не трогать местное население - в расчете на то, что его можно будет эксплуатировать в будущем. Ши Лэ в своих походах не соблюдал это правило, поскольку был приверженцем традиционной стратегии внешней границы - крайней жестокости, награждавшим своих сподвижников награбленным добром и отбиравшим у местного населения последние крохи. В 310 г. Ши Лэ осуществил обширный рейд по территории Китая и, согласно источникам, уничтожил 100 000 китайцев. Он убил 48 цзиньских принцесс, попавших ему в руки, а на следующий год, во время захвата Лояна, чрезвычайно отличился в деле разрушения города. Во время кампаний 314-315 гг. он захватил еще бóльшую территорию, но, как и его предшественники, предпочитал политику грабежа политике удержания захваченного.

Методы Ши Лэ были методами степных орд. Его примеру последовали многие из тех, кого не устраивала политика Лю Цуна. Лю Цун с трудом мог составить конкуренцию Ши Лэ, поскольку стремился сохранить в Китае устойчивую производственную базу, а Ши Лэ интересовался только ближайшим будущим. Ши Лэ полагал, что если под его властью Северный Китай превратится в одно большое пастбище, тем лучше будет для лошадей сюнну. Традиционный подход Ши Лэ к войне был очень привлекательным. Вскоре власть Лю Цуна ограничилась преимущественно Западным Китаем. Ши Лэ колебался, уничтожать ли ему своего соперника, и не торопился создавать собственную династию, поскольку не был членом царского рода сюнну, а являлся выходцем из провинциального племени цзе, обитавшего на западе конфедерации. Как и про усуней, про представителей этого племени говорили, что они имеют густую бороду и светлые волосы. На протяжении более 500 лет предводителями сюнну становились потомки Маодуня. Однако, создав двор наподобие китайского, правители Чжао подорвали свое влияние в качестве племенных лидеров и позволили таким фигурам, как Ши Лэ, бросить им вызов. Несмотря на свое огромное могущество, Ши Лэ вел себя очень осторожно, отстраняя от власти старинный

правящий род. Когда в 319 г. умер Лю Цун, Ши Лэ вначале отказался признать его наследником Лю Яо, а затем основал собственную династию Поздняя Чжао. Спустя 10 лет он захватил оставшуюся у Лю Яо территорию, а затем убил всех членов клана Лю, которых только смог найти, чтобы избавиться от соперников в будущем.

Победа Ши Лэ не оставила сюнну ни одного шанса на установление стабильной власти в Китае. Военная сила сделала их верховными владыками страны, но практика разрушительных набегов и игнорирования административных функций обрекла в конечном счете на поражение. Лю Юань осознавал необходимость государственной организации, однако ему не удалось создать государство, в котором соответствующий бюрократический аппарат был бы объединен с племенными армиями. Его соперники, такие как Ши Лэ, заботились о благополучии только племенной составляющей государства. После смерти Ши Лэ началась небольшая смута, победителем из которой вышел Ши Ху (правил в 334-349 гг.). Он в основном следовал традициям своего предшественника, но теперь, когда бóльшая часть Северного Китая находилась под контролем сюнну, проблема управления встала особенно остро. Он отправлял в походы огромные армии, терроризировавшие весь Китай. Однако благосостояние Поздней Чжао уже не могло более базироваться на стратегии внешней границы, так как для управления китайцами в этом случае обязательно требовалось государство-посредник. Длительные гражданские войны в Китае и завоевательные походы сюнну уничтожили этого посредника. Грабительская тактика кочевников привела к смерти жертвы [Барфилд 2014, 88-89].

По стародавна традиция знатните българи цзе биват погребване в ковчег, докато малка част от останалото население изхвърля телата на мъртвите в планината, а по-голямата част, до времето на реформите на Ши Лэ практикува погребение чрез кремация, като по време на наложената чрез тях забрана, в ограничени мащаби започват да практикуват кремация едва след приемането и разпространението на Будизма: *Своих покойников Цзесцы хоронили так, чтобы место погребения оставалось неизвестным. Мать Ши Лэ тайно похоронили в горной долине, через некоторое время совершили жертвоприношение и похоронили пустой гроб к югу от Сянго. Сам Ши Лэ был также похоронен в горной долине ночью, причем место погребения было скрыто. Более подробно похоронный обряд у Сюнну описан Сыма Цянем: "Для похорон употребляются внешний и внутренний гробы, золото, серебро, одежды и шубы, но не насыпают могильных холмов, не сажают деревьев и не носят траурных одежд. Любимые слуги и наложницы следуют за умершим в могилу, и количество их достигает, самое большее, нескольких тысяч или сотен человек".*

Трудно, конечно, сказать, придерживались ли этого обряда Цзесцы, но обычай не обозначать место захоронения прослеживается у них, как и у Сюнну, достаточно четко. Он был, по-видимому, связан как с желанием предохранить могилу от разграбления, так и со страхом перед душой умершего, с которым живые стремились порвать все связи. Интересен предсмертный указ Ши Лэ: "Похороните меня на третий день после смерти, пусть чиновники как при дворе, так и вне его снимут траурные одежды по окончании похорон; не запрещайте свадеб, жертвоприношений, вкушение вина и мяса; военачальники с карательными функциями, пастыри областей и правители округов не должны покидать места службы, чтобы принять участие в похоронах; меня положите в гроб в обычной одежде, тело поставьте на обычную колесницу, в могилу не кладите золота и драгоценностей, различные изделия и безделушки".

Указ этот можно рассматривать как направленный против похоронных обрядов и Сюнну и Китайцев. Если Сюнну, по свидетельству Сыма Цяня, клали в могилу различные драгоценности и одежды, то Китайцы, как пишет М. В. Крюков, "соблюдали траур по усопшему, на время которого запрещалось пить вино и есть мясо, прикасаться к женщинам и даже спать на мягкой постели; чиновники оставляли службу. Пока длился

траур, в новолуние и полнолуние каждого месяца полагалось устраивать поминки с жертвоприношениями" [2, с. 207].

Есть свидетельства, что трупы умерших сжигали, и такой способ захоронения был официально разрешен Ши Лэ. Обычай сжигать трупы пришел в Китай из Индии вместе с Буддизмом [Таскин 2016, 6-31].

/Государство/ Цзе находится в горах Цунлин. На западе и юге /его территория/ доходит до Шэми, на северо-западе - до / з е м е л ь / эфталитов; до столицы (Чанъаня) 12 тыс. ли. Климат жаркий, произрастают рис, пшеница, просо, бобы; разводят овец и лошадей. По обычаю тела покойников бросают в горах. Во 2-м году эры правления У-дэ (21.I.619-8.II.620) прислали посла с подарками, состоящими из драгоценного пояса, /изделий из/ стекла и кубка из горного хрусталя [Малявкин 2012, 70].

Затем Ши Лэ издал бумагу, в которой запрещал соотечественникам (т. е. хусцам.- В. Т.) жениться на женах умерших старших братьев и вступать в брак во время траура, но разрешил, по обычаю, сжигать трупы умерших [Сюаньлин_2, 1-28].

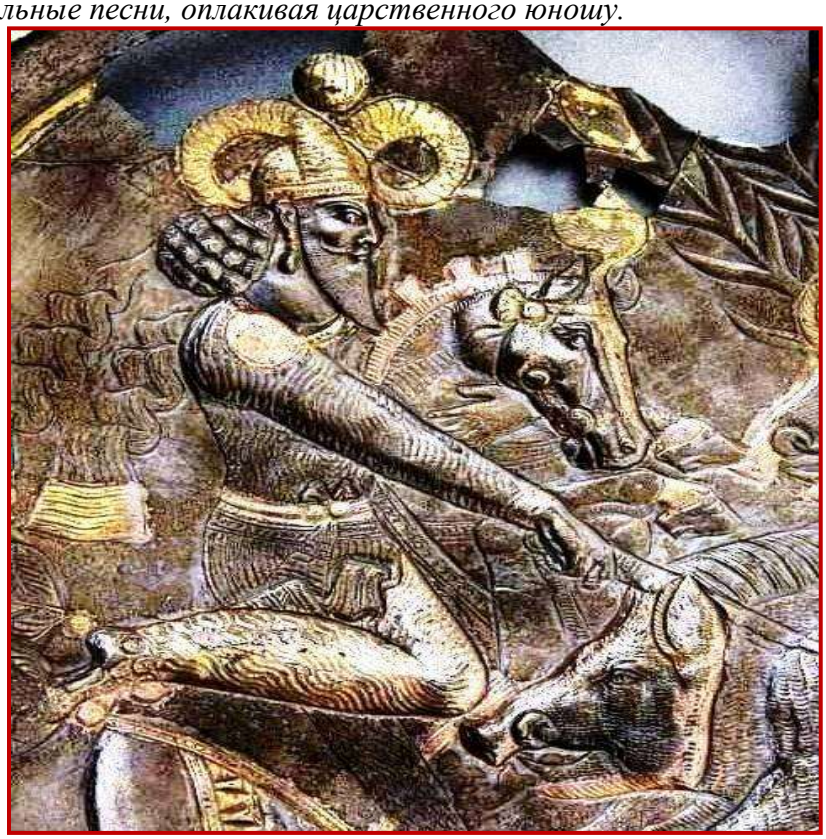
Българите хионити от Средна Азия през IV в. практикуват погребение чрез кремация, като прахът на кремирания знатен българин се поставя в сребърна урна и се отнася в родния му край: *С этого наблюдательного пункта можно было разглядеть самый маленький предмет, если только не подводило зрение, на 50 миль вокруг. 22. Там мы оставались два дня, и когда в третий раз взошло солнце, мы увидели все окружающее пространство до того, что по-гречески называется «горизонт», заполненным несчетной массой войск, а во главе – царя, блиставшего пурпуром своего одеяния. Рядом с ним с левой стороны ехал Грумбат, новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. С правой стороны ехал царь албанов равный с первым по месту и почету, а позади – различные командиры, выделяющиеся по уважению и власти, за ними следовали в огромном количестве отобранные люди из отборных сил соседних народов, приученные продолжительными упражнениями переносить всякие тяготы войны.*

7. И вот, как только рассвело, царь хионитов Грумбат, взявший на себя проведение переговоров, смело приблизился к стенам, 165 окруженный отборным отрядом телохранителей. Когда опытный наводчик одного орудия заметил, что он находится в поле его обстрела, то натянул свою баллисту и пробил выстрелом панцирь и грудь юному сыну Грумбата, находившемуся рядом с отцом. Высоким ростом и красотой этот юноша превосходил своих сверстников.

8. Как только он упал, все его соплеменники обратились в бегство, но вскоре вернулись опасаясь, чтобы наши не захватили тело павшего, и нестройными криками призвали к оружию множество людей. Тут началась ожесточенная сеча, и стрелы летели тучами с той и другой стороны.

9. Кровопролитный бой затянулся до самого конца дня, и уже в начале ночи через кучи трупов и потоки крови едва удалось вынести тело под покровом темноты, как некогда в Трое жестоко бились над трупом спутника (Патрокла) фессалийского вождя (Ахилла).

10. Эта смерть повергла в горе царский дом, все вельможи были тяжело поражены вместе с отцом внезапной утратой; объявлена была приостановка военных действий, и стали оплакивать по местному обычаю юношу, выделявшегося своей знатностью и пользовавшегося любовью. В военном облачении был он вынесен и помещен на обширном высоком помосте; вокруг было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо изготовлены, что совершенно походили на покойных. В течение десяти дней все люди пировали, разделившись на группы по палаткам и отрядам, и пели особые погребальные песни, оплакивая царственного юношу.



11. А женщины скорбными стенаниями по своему обычаю оплакивали надежду народа, погибшую во цвете юности, подобно тому как можно видеть проливающими слезы жриц Венеры на празднике Адониса, – по мистическим толкованиям этот праздник является символом созревания хлебов.

1. Когда труп был предан огню, и кости собраны в серебряную урну, чтобы, согласно воле отца погибшего юноши, отвезти их для предания родной земле, принято было на военном совете решение совершить умилостивительную жертву манам убитого разрушением и сожжением города, так как Грумбат не допускал самой возможности идти дальше, не отомстив за смерть единственного сына.

2. На отдых было дано два дня, в течение которых выслано было много отрядов, чтобы опустошить открытые, как в мирное время, богатые и хорошо обработанные поля, а затем город был окружен пятью линиями щитов. На рассвете третьего дня конные воины в сверкавших на солнце доспехах заполнили все окрестности, сколько хватало глаз, и, медленно продвигаясь вперед, заняли 166 предназначенные им позиции.

3. Персы обложили город по всей окружности стен: восточная часть, где пал тот роковой для нас юноша, досталась хионитам, южная сторона была отведена..., северную

сторону заняли албаны, а против западных ворот поставлены были сегестанцы, самые храбрые из всех воины; с последними медленно выступал, высоко возвышаясь над людьми, отряд слонов с сидевшими на них вооруженными бойцами. Морщинистые чудовища представляли собой, на что я уже не раз указывал, ужасное зрелище, наводящее неописуемый страх.

4. Видя перед собой несметное количество людей давно уже собранных на погибель римского государства, а теперь обращенных против нас, мы оставили всякую надежду на спасение и думали только о славной смерти, которая была уже для всех нас желанной.

5. С восхода солнца и до конца дня люди стояли в строю неподвижно, как вкопанные, ни один человек не сходил с места, не слышно было ржания коней; отходили они в том же порядке, как и приходили, и, подкрепившись пищей и сном, еще до окончания ночи по сигналу трубачей окружили страшным кольцом город, обреченный на гибель.

6. Как только Грумбат по обычаю своего народа и наших фециалов бросил обагренное кровью копье, как войско, потрясая оружием, устремилось к стенам, и тотчас разгорелась кровавая сеча; в стремительной атаке полчища врагов понеслись в бой, а наши со своей стороны с возбужденной решимостью выступили им навстречу [Марцеллин, 108-115].

КРЕМАЦИЯТА ПРИ БЪЛГАРИТЕ ПРЕЗ РАННОТО СРЕДНОВЕКОВИЕ

През Ранното Средновековие българите обитават Кавказ, Северното Причерноморие, Поволжието, Подунавието и Прикарпатието.

Българите на Кавказ и Северното Причерноморие през Ранното Средновековие най-напред заемат Северо-западното Прикаспие, където е широко известното Царство Гуннов, обозначено също така и чрез множественото число на тяхното самоназвание *Chungars*. След това те се насочват на юг, където изграждат редица градове крепости. Само българските племена на Кавказ наброяват повече от тринадесет: *Далее следует перечисление тринадцати народов, охарактеризованных не только как варварские, но и как народы кочевые, живущие в палатках. Девять имен из тринадцати имеют общий тип окончания на ар, ур, ир и представляют, несомненно, видоизменения одного общего корня, с различными приставками, как бур-гар, ау-гар, кутар-гар, или ауан-гур, сиргур, и т. п. Имена эти: ауангур, аугар, сабир, бургар, кутаргар, авар, хазар, дирмар, сиргур. Часть из них можно с уверенностью идентифицировать с именем племен, известных из греческих источников. Так, сабиры упоминаются неоднократно в середине VI в.; они сражаются то в стороне от персов, то на стороне «ромеев» - Византии. Приск Панийский сообщает о посольстве племен сарагур, урогов и оногуров в Константинополь. 3 В первом имени можно узнать сиргур, в третьем имени - ауангур сирийского источника. Возможно, что сирийские аугар можно прочесть и уйгар или уйгур. Имена бургар и кутаргар, как бургар, булгар, кутигур, известны по ряду других источников. 4 Авар и хазар, конечно, авары и хазары, которые здесь упоминаются, как родовые племена, еще не были известны как грозные орды, устрашавшие Восточно-Римскую империю. Это одно из первых упоминаний имени хазар в чистом его виде, так как предшествующие греческие писатели упоминают только акацир. Как известно, по-тюркски ак-хазир значит белый хазар. Относительно остальных имен, если сейчас нельзя подыскать им эквивалентов в свидетельствах других источников, то во всяком случае нет сомнения, что это родо-племенные названия орд, двигавшихся с гуннскими народами.*

Таковы имена баграсик и кулас, десятого и одиннадцатого народов в перечне. 5 Последние два имени абдел и эфталит известны как имена так называемых «белых гуннов». Материалы относительно последних на сирийском языке настолько богаты, что без них история этих народов и государств не может быть восстановлена. Сирийский источник говорит о перечисленных им народах: «эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [Пигулевская 1941, 82-83].

На Кавказ най-напред е великолепното (С. Плетнева), прочутото, най-голямото в цяла Източна Европа (А. Абдулова) Хумаринско градище - *Humarakert.* Името на това градище възниква и се образува на основата на самоназванието *Ниŋ,* мн.ч. *Ниŋar* на най-многобройното и силно българско племе, известно предимно под името *оногури.* Доколкото българският етноним е в заднопоставено съчетание с аланската лекс. *kert* „град крепост“, свързана в специфично „иранския изафет“ посредством съединителната гласна *а,* така, че това сложносъставно наименование следва да се преведе като „Градът крепост на хунгарите българи“, то повече от очевидно, според народността на неговите жители, името на градището го дават техните съседи алани: *Довольно большое количество болгар проживало вместе с аланами в Предкавказье. Их поселения с характерной керамикой, датирующиеся концом VIII-IX вв., обнаружены и раскапываются в Прикубанье. Болгарам же принадлежало великолепное Хумаринское городище (развалины белокаменной крепости-города IX-X вв., на стенах которого нанесены красной краской надписи древним руническим болгарским (кубанским) письмом* [Плетнева 1997, 52-53].

В некоторых памятниках земляными сооружениями укреплены не только сами городища, но и сельскохозяйственные угодья. Так, например, обширные сельскохозяйственные угодья, примыкающие к Хумаринскому городищу с востока, были надежно защищены дополнительно глубоким рвом длиной более 1 км, глубиной 4-5 м, при ширине 8-9 м. Ров располагается между скалистым хребтом, который тянется с севера на юг, восточнее городища и верховьев балки Шугара, т. е. он был сооружен в самом узком месте между хребтом и балкой. Он прочно прикрывал подход к городищу и его угодьям со стороны степного Предкавказья через легкодоступные перевалы Гумбаши, Гитче и Уллуайры. Не случайно здесь были сооружены такие мощные дополнительные укрепления. Это имело важное стратегическое значение потому, что в грозные VIII-IX вв. в эпоху кровопролитных арабо-хазарских войн с этой стороны можно было ожидать вторжение врага. Помимо того, именно здесь проходила военная и торговая международная трасса, соединяющая страны Востока и Запада, Хумару с Закавказьем, Крымом, Византией.

Оборонительные сооружения городища представлены крепостными стенами, башнями, цитаделью и рвами.

Основная часть городища - крепость, была обнесена по периметру каменной стеной, усиленной многочисленными башнями. Стена тянется по самому обрывистому краю отрога; перерезает с двух сторон у подножия холма - цитадели перешеек и поднимается к его вершине, т. е. концы стены смыкаются на вершине цитадели. В зависимости от рельефа местности стена образует много ломаных линий и имеет общую протяженность более 2000 м (рис. 11). Раскопками на четырех раскопах (раскопы «1», «2», «А», «Б»), заложенных на городище, исследована значительная часть большой стены, представляющей в сочетании с башнями, остатки первоклассного военно-фортификационного сооружения.

Она сложена из хорошо отесанных прямоугольных блоков причем, несмотря на четкое выделение панцирных рядов, внутренность стены заполнялась не бутом, а такими же блоками. Кладка панцирных рядов выполнена по системе «тычком и ложком»: блоки первого нижнего ряда были уложены короткой гранью (торцом) наружу и уходили в толщу стены, блоки второго ряда укладывались наружу длинной гранью (либо плашмя, либо на образок), блоки третьего ряда повторяли кладку тычком и т. д. В некоторых участках нижний ряд состоял из блоков, положенных в плоскости стены длинной гранью, а второй из блоков, уложенных тычком, третий ряд повторял кладку первого, четвертый - второго и т. д. В целом, при возведении крепостных сооружений (стены и башни) строители придерживались описанного приема кладки блоков. Но не всегда и не во всех участках стены строители придерживались этого принципа кладки. Они соблюдали указанный прием кладки только при возведении восточной стены. Блоки стены хорошо обработаны, в большинстве своем они имеют форму крупных квадратов. Их размеры колеблются в пределах: 1,00Х0,45Х 0,35; 0,80Х0,40Х0,30 м. Строители отступают от этого приема кладки при возведении южной стены памятника. Правда, методы постановки блоков здесь те же, по преимуществу «тычком» и «ложком», но кладка менее тщательна, с менее регулярным соблюдением чередования последовательности укладки камней и рядов. В отдельных рядах кладки этих стен, наряду с крупными блоками-квадрами, использованы каменные плиты, уложенные плашмя.

Северная сторона большой стены, как показали результаты исследования 1980 г., по некоторым элементам кладки отличаются от других участков ее. Она состоит из двух панцирей, а пространство между ними забутовано щебнем и битыми камнями. Такая техника кладки широко практиковалась в средние века на Кавказе и в памятниках, близких Хумаре по материалу и этническому составу, Нижнего Дона, Болгарии и Крыма (Плетнева С. А., 1967, с. 75; Афанасьев Г. Е., 1987, с. 125).

Большая стена поставлена без фундамента на слабо снивелированную поверхность скалы-материка. Строители не пытались заглубить стену или создать для нее протяженное снивелированное ложе, они вели кладку непосредственно по рельефу. В настоящее время стена сильно разрушена и максимальная высота ее не превышает 2-3 метра при толщине более 5 м (рис. 12, 13). Но в древности она имела внушительную высоту. Причем, мощность ее в разных участках зависела от важности обороняемого участка. Так, на восточной стороне, в единственном участке доступном для нападения, ее высота равнялась 10-12 м при толщине более 5 м. На других участках, исследованных нами, толщина ее не превышала 3,5-4,00 м и, соответственно высота также была меньше.

При возведении стены был использован известковый раствор. В южной и восточной частях стены он применялся, главным образом, для промазки швов снаружи между камнями нижнего ряда. Максимально использован раствор при кладке панцирных рядов на склоне цитадели и башен, фланкировавших главные ворота крепости. Здесь все блоки панцирных блоков уложены на растворе. Стена завершалась зубчатым парапетом, была снабжена многочисленными бойницами, и после завершения строительства, с обоих сторон была побелена. Причем крепостные стены предназначены были не для пассивной обороны. Они, как уже отмечали, были снабжены пристенными и выносными башнями, которые являлись важными узлами в сложной системе обороны крепости. В настоящее время хорошо прослеживаются остатки 15 башен (рис. 14).

Одной из конструктивных особенностей стен крепости является наличие водоотводов, идущих из внутренней территории крепости за ее пределы. Водоотводы (водостоки) встречены с внутренней стороны крепости в раскопе «А». Первый и второй водосток открыты к северу от башни в 15 и 30 м от нее, третьи - к югу - в 3,60 м. Входы водостоков однотипны. Это отверстия, образуемые двумя параллельными блоками нижнего ряда кладки, сверху они перекрыты плитами второго ряда кладки. Ширина их - 0,20-0,25 м, высота 0,30-0,45 м (рис. 20).

Помимо основной стены городище было укреплено еще одной передовой оборонительной стеной, возведенной с восточной, наиболее опасной стороны памятника.

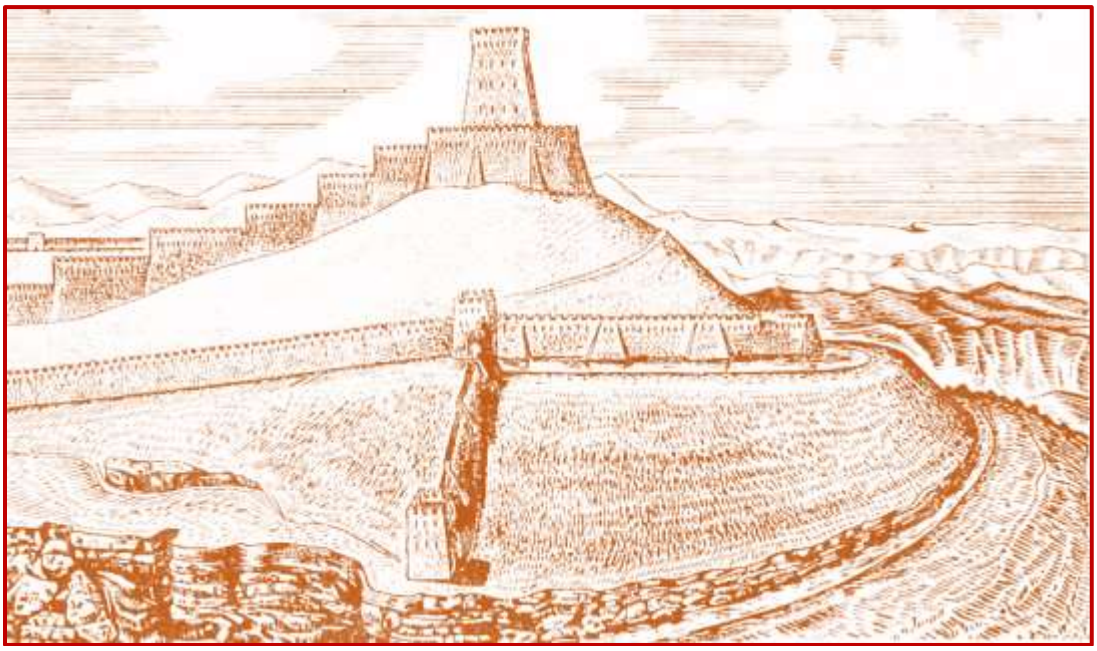
Итак, городище, помимо основной линии оборонительных сооружений, имело еще одну линию обороны. Она служила своеобразной протейхизмой - передовой оборонительной стеной, которая должна была затруднять доступ к основной стене, закрывая проход вдоль нее по краю плато и преграждая к ней путь со стороны нагорья. Эта стена имела проход (калитку), которая служила для выхода из перибола к верховью балки Бугара, где проходила дорога, идущая с нагорья вниз в долину Кубани. Снаружи калитка была замаскирована пристройкой, которая затрудняла доступ внутрь городища и, таким образом, играла важную роль в общей оборонительной системе крепости. Такая же стена была сооружена и по другую сторону холма - цитадели, в промежутке между его подножием и балкой Инал (Алексеева Е. П. 1971, с. 133).

Передовая стена играла большую роль в сложной системе укрепления крепости. Она «не давала противнику возможности подойти со своими осадными средствами, в частности, с лестницами и таранами, сразу к главной стене. Необходимо было разрушить переднюю стену. В то же время осажденный имел возможность вести яростную и более наступательную стрельбу по противнику» (Шперк В. Ф. 1948, с. 124).

К востоку от этой стены, с напольной стороны, был вырыт ров шириной 7 м с протяженностью более 200 м. Ров шел по склону холма-цитадели от края плато у балки Инал до верховьев балки Шугара и, преграждая доступ к первой оборонительной стене, к цитадели и главным воротам крепости (рис. 24).

В этом плане наиболее интересным и мощным памятником является Хумаринское городище. Большая крепостная стена его была укреплена множеством выносных и

пристенных башен. К сожалению, в результате интенсивной разборки крепостных стен городища в 1950 годы для строительства ферм, многие из них не сохранились или трудно определить местоположение их. Но, как известно, в средневековых памятниках башни друг от друга расположены на расстоянии 20-25 м. Если исходить из этого расчета, то Большая стена была укреплена более 30 башнями. В настоящее время прослеживаются остатки 15 башен. Они расположены на протяжении всей стены на расстоянии 10, 25, 30, 50, 60 м друг от друга. Причем расстояние между ними зависит прежде всего от стратегического значения местности рельефа и защищенности объекта (рис. 26).



Работами последних лет открыты и исследованы на городище четыре башни. Одна на восточной стороне, в раскопе «А», вторая - на южной стене над устьем балки Шугара, в раскопе «Б» и две на северной стене. Эти последние фланкировали главные ворота крепости (рис. 24,25, 26). Раскопанные остатки башен являются нижними сплошными частями, - основаниями, на которых были возведены верхние этажи, служившие помещением для стражи. С верхним этажам башен вели каменные лестницы, сооруженные вдоль их стен с внутренней стороны. Так, в раскопе «Б» были обнаружены остатки лестницы, ведшей на второй этаж башни. Лестница была пристроена к оборонительной стене и северо-восточному углу башен со стороны стены - с востока. Пристройка-основание лестницы представляла собой однорядную облицовочную кладку, выполненную в основном «ложком». В кладке были преимущественно использованы плитообразные блоки, которые придали ей облик, отличный от облика облицовочного панциря башни.

Башня была встроена в толщу стены и только выступала за линию ее внешнего и внутреннего фронта. К югу, к краю плато она выходила из толщи стены на 3,50 м к северу, внутрь городища, она выдавалась на 1,90 м. Она имела контур основания, близкий по очертаниям к многоугольнику, образованному двумя поставленными на основания трапециями. Размеры башни 10,70Х9 м. Длинные стороны башни были обращены на юг и на север. Стены сохранившейся части башни представляют собой выложенную из хорошо отесанных блоков песчаника панцирь-облицовку (рис. 25). Для него использовались равномерные квадры, которые укладывались «тычком» и «ложком».

Строители стремились чередовать рядами приемы разнотипной кладки. Например, первый - «тычком», второй - «на образок», третий - «ложком» или первый - «тычком», второй - «ложком» и т. д., что, однако, им плохо удавалось, поскольку размеры

заготовленных для строительства блоков были слишком различны. В кладке башни были использованы блоки размерами 1,40х0,30х0,20; 0,90х0,40х0,40 м; 0,50х 0,34х0,30 м. На углах, как правило, укладывались более крупные квадры, в середину фронта стены шли камни поменьше. Нижний ряд камней укладывался обычно «тычком». Кладка панциря была выполнена на известковом растворе, который, однако, был распределен и сохранился очень неравномерно. В основном раствором были промазаны только камни самых нижних рядов. Как показала расчистка боковых стен башни, раствор в основном применялся для внешней обмазки стен и затирки швов. Значительные пятна раствора сохранились на внешней поверхности, их толщина достигает 1,0 см.

В восточной части башни был сделан проход, выводивший за пределы укрепления. Ширина прохода - 1,45 м, его стены сохранились на высоту до 1,75-1,90 м. Проход расчленил основание башни на два неровных массива (рис. 21).

Итак, исследованная часть башни, видимо, представляет основание, на котором были возведены верхние этажи, служившие помещением для стражи. Вдоль северной стороны отрезка оборонительной стены, проходившего к башне с востока, располагалась лестница, ведшая на второй этаж башни. Лестница была пристроена к оборонительной стене исевero-восточному углу башни со стороны стены - с востока. Длина пристройки - 7,25, ширина - 1,70-1,60, высота - 1,50. В нижней части лестницы сохранились плиты, служившие ступенями, всего было прослежено четыре ступени (рис. 21). (Биджиев Х. Х.; Гадло А. В., 1979 (с 42-48)).

Возможно, калитка-проход представляла собой запасной выход из крепости на случайвынужденного отступления. Причем, видимо, в этом районе были сосредоточены значительные силы гарнизона, ибо этот участок, судя по его положению, мог контролировать движение из долины Кубани вверх к крепости (Биджиев Х. Х., Гадло А. В. 1979, с. 42-48). Неслучайно, видимо, недалеко от этого места располагается древняя дорога-тропинка, во многих участках вырубленная в скале, которая ведет из крепости в долину Кубани.

Другую, более передовую конструкцию, имеют ворота Хумаринского городища. В связи с тем, что фортификация его изучена лучше, подробнее остановимся на конструкции их. В Хумаринском городище было двое ворот: южные и северные в середине соответствующих стен, а также несколько калиток-проходов, которые формировались одной или двумя башнями. Как наиболее уязвимые места в системе обороны, ворота и калитки возведены в труднодоступных пунктах плато, удобных для обороны подступов к ним и сильно укреплены искусственными сооружениями.

Стены башни, как и другие крепостные сооружения Хумаринского городища, построены без фундамента, блоки нижних рядов уложены на выравненную материковую поверхность. Между тем, древние строители прежде, чем возводить башню, провели хорошую нивелировочную работу. Об этом свидетельствует то, что несмотря на то, что башня была сооружена на обрывистом краю отрога, имеющего неровную поверхность, уровень подошвенных камней нижних углов имеет относительно небольшую разницу. Так, подошва нижнего камня северо-восточного угла башни находится на глубине 3,49 м превышает уровень подошвы нижнего камня северо-западного угла (в плане условно этот угол обозначен буквой «А») только на 0,16 м. Подошва нижнего камня юго-восточного угла (угол «В») башни находится на глубине 3,10 м и превышает уровень подошвы нижнего камня северо-восточного угла (угол «Б») на 0,23 м. Длина башни равна 10,30 м, ширина - 8 м (взяты максимальные величины). Длинные стороны башни обращены на север (к обрыву) и на юг. Стены сохранившейся части башни представляют собой выложенную из прекрасно отесанных блоков местного песчаника панцирь-облицовку. Для него использовались равномерные квадры, которые укладывались «тычком» и «ложком».

Строители чередовали приемы разнотипной кладки, хотя не всегда строго соблюдали чередование их, поскольку размеры заготов ленных для строительства блоков были слишком различны. В кладке панцирных рядов стен были использованы блоки размерами 1,20х0,40х0,30 м; 1,00х0,35 м; 0,90х0,35х0,30 м; 0,63х0,30х0,35; 0,40х0,30х0,25 м и т.д.

На углах, как правило, укладывались более крупные и особенно тщательно обработанные квадры, в середину фронта стены шли квадры поменьше. Нижний ряд укладывался, за редким исключением, «тычком» (рис. 36). Кладка панцирных рядов была выполнена на известковом раствора. Блоки внутреннего пространства башни уложены по описанному принципу, но без раствора, всухую. Ниже производится описание результатов раскопок стен башни.

Вторую группу составляют цитадели, расположенные вне собственно города (крепости) или же в системе крепостных стен. Наиболее характерным и мощным сооружением указанного типа является цитадель Хумаринского городища. Его цитадель расположена в северо-восточной части памятника и была сооружена на плоской вершине естественного холма с крутыми склонами высотой более 40 м. Доступ на нее преграждали глубокий ров, первая и вторая оборонительные стены крепости. Крутые склоны холма и указанные элементы фортификации имели внушительную обороноспособность. Между тем, цитадель была обнесена по периметру еще дополнительно мощной собственной каменной стеной, фланкированной башнями и контрофорсами. Стена была возведена по периметру холма с учетом его рельефа и разграничивала территорию цитадели не только от внешнего мира, но и от самого города-крепости. Стены цитадели построены, как и другие крепостные сооружения, без фундамента, из хорошо отесанных каменных квадров местного песчаника (размеры их: 1,20х0,60х0,70 м; 0,60х0,4х03 м). Из больших блоков сооружены не только панцирные ряды, уложенные на известковом растворе, но и пространство между ними. Камни панцирных рядов отличаются более тщательной обтеской, кладка их осуществлена более аккуратно, чем в межпанцирном пространстве, где они уложены без раствора, насухо. Камни трех нижних рядов кладки выступают соответственно на 6-7 см из плоскости стены. Причем в первом ряду блоки положены в ряд короткими сторонами, во втором ряду - длинными, в третьем - снова короткими, в следующем - длинными и т. д. Таким методом достигалась поперечная перевязка швов кладки. Общая длина стены составляет более 120 м при ширине 2,60-3 м (рис 25).

К застройкам цитадели относится и святилище, расположенное у ее подножия. Святилище было возведено с южной стороны цитадели, между первой и второй крепостными стенами и огорожено, как показали исследования 1980 г., со всех сторон каменной стеной, которая отсекала его, как и цитадель, от остальной территории памятника. Такое расположение цитадели и объектов культа характерно и другим памятникам региона (Кяфар, Ильичевское).

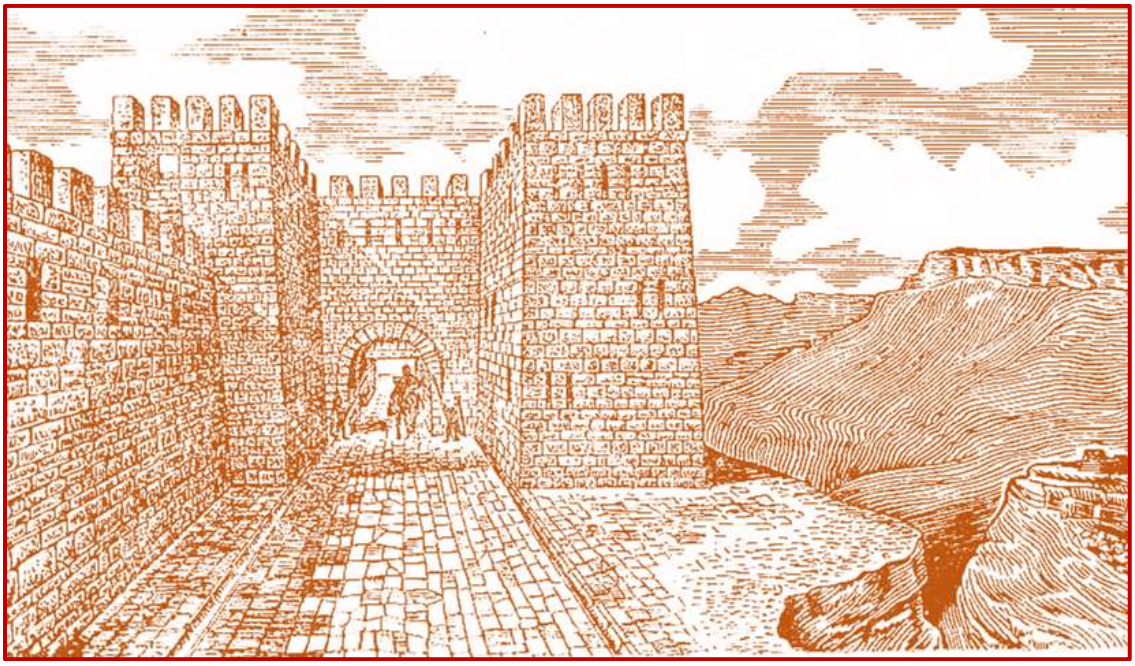
Итак, фортификация Хумаринского городища отличается мощностью и продуманностью планировки, высоким уровнем строительной культуры и их структура отвечала уровню военной техники, сложному социальному составу населения крепости.

По планировке и топографии хумаринское городище имеет много общего с многочисленными средневековыми памятниками Кавказа и прежде всего Карачаево-Черкессии. Как и Хумаринская крепость, они обычно строились на месте более ранних поселений, за редким исключением, так же как и Хумара, расположены в труднодоступных местах, укрепленных каменными стенами, башнями, рвами и валами, и имеют двух- и трехчастное деление (Алексеева Е. П., 1971, с 127).

Крепостная архитектура Хумаринского городища отличается от аналогичных сооружений района не только по более совершенной технике кладки стен, но и по мощности их высокой строительной культуре. Достаточно сказать, что большая стена

городища (протяженность 2000 м) имела толщину 3,50; 3,80; 5,10 м при высоте 10-12 м была усилена многочисленными башнями. Еще более мощной была оборонительная стена цитадели, рассчитанной на длительную осаду.

Сасанидский Дербент, возведенный в VI в. и существовавший долгое время, в отличие от Хумары, функционировавшей всего более двухсот лет, представляет собой крупнейший город своего времени. Но по мощности крепостных сооружений Хумаринское городище, на наш взгляд, мало уступает Дербенту, а по толщине главной стены даже превосходит его. Так, толщина стен Дербента колеблется от 2,30 до 3,80 м (Кудрявцев А., 1976, с. 111), а Хумаринские стены достигают толщины от 3,50 до 5,10-6 м.



По керамике Хумаринское городище сближается с болгарскими поселениями Ставропольской возвышенности (Гадло А. В., 1980, с. 63—64). Это, с одной стороны, подчеркивает бесспорную этническую и культурную близость населения крепости с болгарским населением Предкавказья и, с другой стороны, указывает на интенсивность связей обитателей Хумары с Крымом и Приазовьем, откуда завозили амфоры.

Техника кладки из тесаного камня в VIII-X вв. была также широко распространена в ранне-болгарских памятниках Болгарской Народной Республики, которые сближаются по инвентарю, как справедливо пишет С. А. Плетнева, с поселениями салтово-маяцкой культуры (Плетнева С. А., 1967, с. 44), и Хумаринского городища. Здесь, например, можно назвать такие средневековые города, как Плиска, Преслав и другие. Крепостные стены их, как и на Хумаре, возведены из тесаных блоков, причем они обработаны и сложены точно так же, как на Хумаринском городище (Миятев К., 1965, с. 32-47). Более того, во всех указанных памятниках Нижнего Подонья и Болгарии, как и в нашем городище, найдены идентичные рунические надписи, знаки-тамги, различные рисунки (Плетнева С. А., 1967, с. 44), не характерные для аланских памятников Северного Кавказа, свидетельствующие о тюркоязычности их населения. Важно отметить, что, по мнению болгарского археолога Д. Димитрова, который в 1979 г. специально приезжал и изучал памятники салтово-маяцкой культуры и наш; городище, к памятникам Дунайской Болгарии особенно близка крепостная архитектура Хумаринского городища (Димитров Д., 1980).

Причем рассматриваемая архитектура во всех указанных районах не имеет предшествующих традиций. Поэтому есть все основания считать архитектуру памятника явлением привнесенным, непосредственно связанным со строительством

Хумаринской крепости. В этой связи возникает вопрос об истоках архитектурной традиции, воплотившейся в памятниках названных районов. С. А. Плетнева, анализируя крепостные сооружения салтово-маяцкой культуры, пришла к выводу, что жители Хазарского каганата технику обтески камня заимствовали из государств Закавказья (Плетнева С. А., 1967 «с. 47). Действительно, строительство крепостных (аналогичных) сооружений в средние века широко практиковалось в странах Закавказья, где каменная архитектура имеет древние многовековые традиции и к указанному времени достигает высокого уровня. Многочисленные города и крепости феодальных государств Закавказья имеют сложную планировку, мощную фортификацию, часто расположены в труднодоступных местах, и крепостные сооружения их, также как и нашего памятника, возведены на высоком уровне из искусно обработанных камней. Но другие материалы Хумаринского городища не свидетельствуют о каких-либо связях со странами Закавказья. Население Хумаринского городища, как было отмечено, имело более оживленные связи с различными культурными центрами Северного Причерноморья. В этой связи важно отметить, что строительная техника нашего городища имеет много общего с памятниками Крыма. Так, самые близкие аналогии с Хумарой имеет крепостная архитектура Херсонеса, Мангуп-Калы, Эски-Кермена, Чуфут-Кале и т. д. Для крепостных сооружений этих памятников, возведенных начиная с VI в., также характерна квадровая кладка по системе «тычков» и «ложков» из тесаных блоков (Якобсон А. Я., 1963, с. 70-124).

Таким образом, при сооружении Хумаринской крепости использованы наиболее передовые фортификационные приемы того времени и учтен весь опыт строительной практики, уровень военной техники. На основе исследования последних лет можно сказать, что крепостные сооружения Хумаринского городища имеют все основные элементы передовой средневековой фортификации (большую оборонительную стену, протейхизму, сильно укрепленные ворота и вылазные калитки, неприступную цитадель, глубокий ров), характерные для крупных городов и крепостей Азии и Европы. По мощности и сложности планировки, а также по неприступности сооружений Хумаринское городище полностью отвечает рекомендациям Витрувия, Вегеция, Альберти и Кюи (Витрувий, 1936,, с 32-33; Вегеций Ф., 1940, с. 281-283; Альберти Леон Батиста, 1935, с. 85—154). В этом плане Хумаринское городище в регионе памятник единственный и неповторимый.

Как известно, Северный Кавказ в средние века отличался пестрым этническим составом: здесь жили кавказоязычные, ираноязычные и тюркоязычные народы. В течение всего средневековья шла острая борьба между различными этнополитическими объединениями за гегемонию в регионе. Наиболее значительными из них были гунны-савиры, болгары, хазары и аланы. Во второй половине VI и в начале VII вв. народы и племена, занимающие степные и предгорные районы Северного Кавказа, были покорены Тюркским каганатом. (Артамонов М. И., 1960, с. 137). Последний представлял собой мировую державу, простиравшуюся от Монголии до Черного моря. Но в первой половине VII в. Западнотюрском каганате усилилась междоусобица, завершившаяся крахом державы, и этим воспользовались болгары и хазары, которые создали свои государства. Первыми создали свое государство болгары. Их умный вождь и правитель Кубрат объединил разношерстное население под эгидой болгар и создал государство, известное в науке под названием Великая Болгария. Это государство занимало Приазовье и Предкавказские степи, имело дружественные отношения с Византией.

Население страны гуннов или «царство гуннов», по Ананию Широкацию, состояло, главным образом, из различных тюркских племен (гунны, савиры, берсилы и т. д.), родственных по происхождению, культуре и религии древним болгарам. Это нашло отражение и в названии столицы гуннов. Так, по мнению ряда ученых, топоним «Варачан» является мотатезированным фонетическим вариантом гуннского этнонима Ванандар:

здесь произошло замещение дентального д булгарским дж и его последующее оглушение (Кадыраджиев К. С, 1985, с. 98). Для нас очень важно и то, что в городе Варачане в результате археологических раскопок открыт культовый памятник, ибо существование в этом городе традиции сооружать языческие храмы или святилища подтверждают и письменные источники. Так, языческие святилища в городе упоминались Моисеем Каганкатваци, который описал миссию Исраэля к князю гуннов Алп-Илитверу (Патканьян К., 1861, с. 193-202).

Это хорошо видно по материалам Хумаринского городища. Место было заселено уже в VIII-VI вв. до н. э. племенами кобанской культуры. Во II в. н. э. на плато рядом с местными племенами обосновались сарматы. В VI-VII вв. н. э., судя по катакомбному могильнику, появились аланы. В VIII-X вв. н. э. основную часть населения крепости составляли болгары, о чем свидетельствуют обнаруженные в городище крепостные и жилые сооружения, тюркские рунические надписи, знаки, керамика. Совпадение формы жилищ и типов керамики городища с материалами поселения степного Предкавказья VIII-X вв. подкрепляет мнение о болгарской принадлежности Хумаринского комплекса.

Среди карачаевцев и балкарцев бытуют и ныне крылатые выражения: «Гун куурцза, гунай джуурт-ха», что означает «гунны пошли в поход, а Гунай пьет айран». В карачаево-балкарской среде в прошлом прочно бытовало выражение «Гун пайа - гунн», буквально означающий «могущественные, неукротимые гунны». Один из кварталов Кумуха в Дагестане до сих пор сохраняет наименование «Гун-нал» - «народ гуннов» (Магомедов М. Г., 1983, с. 194-195). В названиях балкарских селений Бит-тургу и Гуддургу сохранились названия и родоплеменные этнонимы гуннов (Мизиев И. И., 1991, с. 137). Карачаевцы до сих пор город Прикумск называют «гунн къала», т. е. Город гуннов. В Балкарии имеется местность под названием «гун тала», т. е. поляна гуннов (Акбаев Ш. Х., 1965, с. 61). И наконец, этноним гунн бытует и в грузинском языке (Мровели Леонти, 1979, с. 91) [Биджиев 1993, 21-108].

Друг голям български град в тази посока е Варачан, името на който е масагетска фонотактична интерпретация на болг. *бурджан* като обобщено-родово наименование на няколко племена от западно-средноазиатските българи, които се установяват в северозападното Прикаспие и което от своя страна е согдийска интерпретация и адаптация на срперс. **Bulgan:* Вариантът *бурджан* най-напред се прилага по отношение на средноазиатските, а впоследствие и на кавказките, волжските и дунавските българи: *Странично-допълнително, но с изключително голяма доказателна сила потвърждение на всичко това са и фонетико-морфологичните варианти на Етнонима, главно при средновековните арабски писатели, някои от които са оформени с винително-родителния падеж на арабското мн.ч.* ***-ин - блкавин, блкадин,*** *а други пък с безспорно иранското по принцип и най-вероятно със средноперсийското в частност мн.ч.* ***-ан - блкан, булкан, бурджан, борджан, фурджан, форджан*** [Добрев 2017, 287-288].

Специално по отношение на масагетите, те за известно време пребивават по тези земи в пределно близък етнолингвистичен контакт и взаимодействие с българите: *Там горожане с большими почестями приняли их, а затем и проводили дальше. [Наконец] накануне сорокадневного поста они прибыли в великолепный город Варачан. Узнав о его прибытии, великий князь гуннов вышел ему навстречу с приветствием, принял с великой радостью, оказав его святейшеству должные почести и уважение. А когда наступили светлые дни сорокадневного поста, он [Исраэл] был принят горожанами с великой любовью, они были рады ему и оказывали почести, особенно сам радетельный князь и благородные вельможи. Увидев этот радушный прием и лобызания святой любви, обрадовался весьма епископ и поблагодарил Христа за его неизречимые дары. Так, после утомительных трудностей он долгие дни отдыхал, в течение которых, однако, слышал много богохульств и видел суеверие несчастного, но приветливого народа. Он был огорчен и опечалился, увидев множество зла и раздвоение веры, ибо были люди, которые называли себя богопоклонниками, но отреклись от силы [Бога] и были чужды ей.*

Все вместе одобрили этот совет, и он отправил к епископу Исраэлу некоего знатного князя по имени Авчи, имевшего титул тархана и постельника своего Чаткасара. Прибыв к нему [епископу], они рассказали о решении [князей] и о том, что говорили великий князь гуннов и все вельможи: «Отец наш, Творца нашего мы познали через тебя, и, уверовав, поклоняемся всегда святой Троице. Нынче молим твою святость, чтобы ты согласился быть нам блюстителем и учителем, утвердив престол ***найрапетский*** *в нашем городе Варачане. И я, Илитуер, вступаю с тобой в обет Божий: все языческие верования сотру я с лица земли гуннов, а колдунов и чародеев, не желающих обратиться в веру, сожгу огнем. И каждого, кто в моей стране будет придерживаться язычества и тайно будет приносить жертвы идолам, истреблю и предам мечу. Да процветает богопочитание и да будет проповедано о неизречимых дарах Христа!»* [Каланкатуаци, 120-127].

Голям български град в североизточното Прикаспие е и Семендер, част от сведенията за който са от времето, когато той вече е завладян от хазарите: *У Хазар есть еще город по имени Семендер; в пространстве между ним и Баб-ул-Абвабом находятся многочисленные сады, принадлежащие Семендеру; и говорят, что они содержат в себе приблизительно около 4000 виноградных лоз, доходя до пределов Серира (Якут: «около 4000 виноградников, а эти доходят до царства Серир». После «многочисленные сады» имеет: «таким образом от Дербенда до (пределов) Серира сады (сады и цветники этого города); говорят, что он имеет сорок (четыре) тысяч возделанных садов») и главную часть плодов в этих садах составляет виноград. В Семендере множество мусульман, и у них в этом городе мечети; постройки Семендерцев деревянные, плетеные; кровли на домах выпуклые. Царь Семендера иудейского вероисповедания и находится в родстве с царем Хазар. Я не знаю в области Хазар ни одного густонаселенного пункта, кроме Семендера* [Истахрий, 10].

Семендер не только упоминают, но и дают описание города, его окрестностей, сообщают топографические особенности, а также его географическое положение.

Арабский географ Ибн Хордадбех, сведения которого относятся ко второй половине IX в., в своем географическом трактате пишет, что «город Самандар расположен за Бабом. Отсюда можно сделать вывод, что г. Семендер являлся как бы пограничной крепостью хазар на Юге.

В литературе установилось мнение, что г. Семендер являлся в одно время столицей «страны хазар». Источником этого положения является сообщение арабского географа X в. Ал-Мас'уди, писавшего: «Жители Баб-аль-Абваба терпят неприятности от соседнего царства, называемого Джидан, подвластного хазарам, столицей которого служит город по имени Семендер, лежащий на расстоянии восьми дней пути от Баба. Теперь он еще населен хазарским племенем, однако с той поры, как он был завоеван в первые времена ислама Сулейман ибн-Раби'я аль-Багалийцем, престол царства был перенесен в Итиль на семь дней пути далее. В Итиле живут в настоящее время цари хазарские» (ал-Мас'уди. I. С. 43). Считается, что ал-Мас'уди говорит в этой части своего сочинения о Семендере как о столичном городе Хайдака (Джидана), являвшемся таковым во времена Мас'уди, и о Семендере, как бывшей столице «страны хазар», перенесенной в Итиль. Однако, на наш взгляд, возможно и иное понимание содержания рассказа аль-Мас'уди о Хайдаке (Джидане) и его столице. Автор указывает, что Семендер является в его время (943 г.) столицей Хайдака (Джидана), а Итиль - столицей «страны хазар». В прежние времена, а именно, когда г. Семендер был разгромлен арабами, столица хазар была перенесена на Волгу, в Итиль.

Где находилась столица хазар прежде и как она назьввалась, автор в этом сочинении не говорит. В другой своей книге, написанной в год смерти - «Книга предупреждения и пересмотра», аль-Мас'уди указывает четко, что первой столицей хазарского царства был Беленджер. Он пишет: «Река хазар, проходящая через город Итиль, нынешнюю столицу хазарского царства. До этого времени был столицей их город Беленджер» (ал-Мас'уди. III).

А. В. Гадло в своей книге неоднократно подчеркивает, и мы с ним солидарны, что Семендер никогда не был хазарским городом, а тем более его столицей. Это был один из крупных городов «страны гуннов», а после разгрома ее столицы Варачана, стал столичным городом «страны гуннов». Хазарами Семендер использовался во время военных кампаний арабо-хазарских войн как база для организации походов против арабов (Гадло А. В. 1979. С. 152 и др.).

Предки гуннов, хунны, умели возводить прекрасные укрепленные города еще во II-I вв. до н.э. (Иволгинское городище), а столица поздних скифов в Крыму, Неаполь скифский, к примеру, была защищена мощными каменными стенами с башням» (Высотская Т. Н. 1979. С. 36-55) [Гмыря 1995, 138-162].

На Кавказ и по Северното Причерноморие се разпростира втората по големина след империята на Атилла, източноевропейска империя Стара Велика България на хан Кубрат. Нейните граници започват най-вероятно от горното течение на Ефрат, Аракс и Чорух, но с пълна сигурност, от западния бряг на Каспийско море до р. Днепър, без да е изключено след войната с аварите около 635 г. да достигат и до Карпатите от изток на запад и от Черно море до Долното Поволжие от юг на север. Ето защо през тази епоха Παλαιά Μεγάλη Βουλγαρία е и най-голямата и по територия, и по население държава в Европа, а следователно и най-силната и влиятелната сред всички останали: *Далее идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами, страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. Здесь поселились почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды. Когда эти гунны нападают на земли персов или римлян, то они едут на свежих лошадях через эти ворота, о которых я сейчас упомянул, не делая никаких объездов и не*

встречая никаких крутых подъемов, кроме тех пятидесяти стадий, которые, как сказано, ведут в пределы Ивирии. Двигаясь какими-либо другими проходами, они должны преодолевать большие трудности и не в состоянии пользоваться одними и теми же лошадьми; ибо им поневоле приходится делать большие объезды, и при этом по крутизнам [Прокопий, 121].

След средата на VII в., поради натиска от изток главно на хазарите, геополитическата обстановка по Източен Кавказ се усложнява неимоверно много. Затова хан Кубрат свиква за последно синовете си, разпределя помежду им подвластните му български племена и нарежда да се започне постепенно-поетапно придвижване на запад към причерноморските степи чак до р. Днепър, където условията за живот са много по-благоприятни. Самият той се изтегля последен, не преминава реката, а остава до края на живота си на нейния ляв бряг, на родна българска земя. Тази земя обаче след много кратко време вече е в границите на хазарската държава, защото разпръсналите се на изток от Днепър български родове и племена приемат да станат васали на хазарите, само и само да останат на нея.

Дарьялское ущелье - худ. Ив. Айвазовский (1862)

Начело на поверените му 3-4 племена, сред които и племето на хан Кубрат със самоназвание *хунк-хунгар,* но известно повече чрез западнотюркското си по произход наименование *оногури,* хан Аспарух излиза от Кавказ през Дарялския проход, задържа се известно време около Дзиакан или Хипийската планина, която са днешните Ставрополски възвишения. След това той продължава по крайбрежните земи на запад, като половината от тях спират и се установяват преди делтата на Дунав, а останалата половина я преминават и се установяват в днешна Североизточна България, така че цялата тази миграция на прабългарските племена трае от порядъка най-малко на тридесетина години.

По западната страна на Кавказ заемат място три отделно-самостоятелни и сравнително различни прабългарски племенни обединения наречени от Хоренаци болкар/булгар, названията на които обаче той определя и уточнява посредством лексемите *чдар, кучи* и *купи*. Според Прабългарската цветова геосимволика лекс. *кара/чдар* „черен” обозначава допълнително-преносно и съответно наименова посоката север, *ак/кучи* „бял” - юг и *купи* „тъмночервен” - най-вероятно запад. Следователно споменаваните с тези определения

български племенни обединения не се различават по цвят и още по-малко пък по нещо друго, а по географско разположение и съответно биват северни, южни и западни [Добрев 2011, 307-310].

По Северното Причерноморие през Ранното Средновековие етнолингвистичната ситуация се характеризира с интензивно-осезаемо българско присъствие, включително и в областта на Фанагория [Плетнева 1999, 7-221]. Превземайки го, във и около този град прабългарите се установяват много преди това и го превръщат в главен търговски център на областта; тук за известно време е последната укрепена резиденция на хан Кубрат: *Еще Agathias сообщает, что место в Колхисе, где в его время стояла крепость Святого Стефана, ранее называлось ’Ονόγουρις. В прошедшие времена гуннские оногуры воевали с колхианами и были побеждены; в память их победы и в качестве трофея колхиане назвали место Оногурис. Анонимус из Равенны, который писал около 700 н.э., располагает patra quae dicitur Onogoria около Азовского моря и нижней Кубани* [Маенхен-Гельфен 2010, 3].

Он разместил персов в укреплении Оногурис, которое раньше создал против римлян в окрестностях Археополя, воодушевил их, ввел туда другие силы, укрепил все, как мог, а затем возвратился в Котаисий и Мухиризис.

Римляне же по наущению Мартина приготовились немедленно всеми силами напасть на персов, осадив Оногурис. Местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, и это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами. Теперь же большинством оно называется не так, но по имени воздвигнутого тут храма святого Стефана, который, говорят, первым выдержал добровольное состязание за людей, приверженных к христианству, и был побит камнями его противниками. Но нам, думаю, ничто не помешает воспользоваться старым названием, что и больше подобает истории.

Персы занимали укрепление Оногурис, выделенное из Археопольской области. Позорно, что неприятельские войска прочно утвердились в нашей стране, в наших стенах. Военачальники твердо решили двигаться на них всем войском, истребить или изгнать тех, кто нам был наиболее враждебен, кто подготовлял против нас всякие козни.

Были у персов также вспомогательные войска из гуннов савиров. Наемники же из гуннов, которых называют савирами (у римлян находился отряд - около двух тысяч тяжело вооруженных, которыми предводительствовали Баимах, Кутилзис и Илагер, знаменитейшие у них люди), расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей, чтобы по обыкновению тревожить врагов, которые, должны были здесь проходить, и затруднять им переход, делая его более опасным [Агафий, 3-27].

Иосиф ничего не говорит еще об одном большом приазовском городе, расположенном всего в 25 км от Таматархи на том же Таманском берегу, о городе Фанагории. Между тем о нем несколько раз упоминают византийцы, в частности, в рассказе об императоре Юстиниане он фигурирует в качестве бывшей столицы болгар и хазарского города, в котором правила хазарская администрация. Умолчание Иосифа объясняется, очевидно, тем, что в начале X в. город был полностью разрушен печенегами. Во время написания ответа Хасдаю он уже не существовал. Интересно, что ничего не пишет о нем и Константин Порфирородный, который в своих сочинениях не раз возвращается к рассказу о приазовских болгарах.

Археологическое изучение Фанагорийского городища подтверждает сведения письменных источников. На развалинах античной Фанагории сначала возник небольшой поселок, превратившийся затем в VIII в. в цветущий, широко раскинувшийся по берегу город. Застройка в нем производилась с максимальным использованием старых зданий и кварталов. Обнаруженные археологами материалы позволяют с полной уверенностью

говорить об обширных торговых связях и развитом ремесленном производстве Фанагории [Плетнева 2011, 7-8].

Тази етнолингвистична ситуация в областта се потвърждава и от българските изследователи, според които на територията на Хазарския Хаганат през VII-IX в. най-широко е разпространен собствено българският по произход и етническа принадлежност ямен погребален обред в четириъгълна гробна яма предимно в ковчег и главно със западна ориентация на тюркоезични европеиди с ясно изразена брахикрания, нисък ръст и плоско скулесто лице като резултат от слаб монголоиден примес, които на места към края на периода вече са в напреднал стадии на аланизация или славянизация, а така също и на християнизация или ислямизация [Рашев 2003, 16-41].

Специално за Киев в историко-географски план, към средата на V в. тук е седалището на предшественика на хан Атила - хан Ругила, а към средата на VII в. той е столица на най-малкия брат на хан Кубрат - хан Шамбат, от времето на когото са разкопаните напоследък отбранителен ров и капище и който по този начин полага основите и на просъществувалата 2-3 века собствено прабългарска държава Северна Болгария или в по-старата терминология - Черна Булгария. Към средата на IX в., вече много добре се знае от летописите, а се приема и от съвременните изследователи, че на югоизток от Киев и чак до Днепър и Кубан в Приазовието се простират земите на Северна/Черна България на хан Алмуш, бащата на хан Арпад. Никак немаловажно доказателство за основаването на Киев от северните българи е и това, че и понастоящем вътрешната крепост на Киев носи името *Самбатос, Σαμβατάζ,* докато Константин Багрянородни пък отъждествява тези две имена: *И так, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас* [Багрянородни-Имп, 6-7].

По-голямата част от Северна България е в границите на Хазарския Хаганат, където обаче българите по едни или други причини се ползват със специален статут, осигуряващ им достатъчно голяма свобода на действие и дори да изпълняват длъжността на каган-бег, съуправител, който обаче притежава много по-голяма реална власт от самия каган: *Длительная война с арабами тяжелее всего отразилась на экономике молодого Хазарского государства. Арабы неоднократно, как мы видели, вторгались на его территорию, разоряли и грабили города, жгли поселения, вытаптывали нивы и виноградники, угоняли скот с зимовищ, а население, как правило, забирали в плен и обращали в рабство. Поэтому уже в период войн началось постепенное, но настойчивое переселение алан, болгар и самих хазар на север - на широкие и обильные пастбища волжских, донских и донецких степей. Часть болгарских племен откочевала вместе с аланами в лесостепные районы, а оттуда еще дальше - в Прикамье (очевидно, город Сувар в Волжской Болгарии, который просуществовал до монголо-татарского нашествия, возвели савиры - выходцы из Восточного Предкавказья).*

Появление в донских и приазовских степях населения, занимавшегося на Северном Кавказе земледелием, причем развитым, орошаемым земледелием, привело к тому, что донские и приазовские болгары стали активно оседать на землю. Вот это массовое оседание на землю, переход к новому способу ведения хозяйства - земледелию, а вместе с тем и к ремесленному производству положили начало сложению культуры, названной салтово-маяцкой. Разносторонней и развитой экономике вполне соответствовали общественные отношения, установившиеся в каганате в тот период. Мы уже говорили, что общество разделилось на классы.

Наверху сложной иерархической лестницы стояла родовая аристократия. Сложной эта лестница была потому, что по ней распределялись князья разноэтничных родов и орд. Если в XIII в. монгольские ханы, придя в южнорусские степи, прежде всего уничтожили всю половецкую (команскую) аристократию и сами стали единственной знатью в

половецкой степи, то хазары, наоборот, сохранили всю правящую верхушку побежденных народов, болгар и алан, связав ее с собой вассалитетом.

По существу алано-болгарские аристократы ничего не потеряли, войдя в Хазарский каганат. Единственно, чего они никогда не могли достигнуть, это каганского трона - обожествленной власти кагана (каганом мог быть только хазарин-тюрк из рода Ашина). Но и этот непреложный закон сумели обойти болгарские ханы, добившись для самого богатого и знатного рода права соуправления, т. е. добившись двоевластия.

Зачатки его мы наблюдали еще в первый период существования каганата, но, видимо, власть кагана особенно пошатнулась во время арабских войн, когда ему пришлось бегать по степи, спасаясь от арабских конных разъездов, и в конце концов принять под угрозой лишения власти религию врагов - мусульман. Вот тогда и выдвинула жизнь соправителя кагана из среды наиболее дееспособных и богатых (не разоренных войной) донских болгарских ханов.

Вполне возможно, что в те годы болгары просто могли сбросить кагана с полуразрушенного трона, однако они сделали более мудрый шаг к достижению власти в государстве: кагана полностью табуировали, а соправителю, который в арабских источниках называется царь, каган-бек, бек или шад, фактически предоставили право устранять (убивать) неугодного владыку. Носитель древних, освященных традицией обычаев остался на троне, окончательно связанный этими обычаями по рукам и ногам, а свободный от всяких условностей царь единолично правил Хазарским государством [Плетнева 2011, 1,10].

Тази източноевропейска Северна България си я има и към средата на X век и затова Багрянородни, колкото и да му е неприятно, все пак пише: *За Боспором находится устье Меотидского озера, которое из-за его величины все именуют также морем. В это Меотидское море впадает много больших рек; к северной стороне от него - река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию. Знай, что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами* [Багрянородни-Имп, 9-179].

Същевременно по необятните степи между Прут и Днепър се разпростира племенното обединение на сребърните българи, които в някои древноруски летописи биват наричани нижние или низовские, а земите им съответно Низовская Земля [ИстГеогСл, 135-136]. А при арабските географи пътешественици, независимо от стигащите даже до куриоз най-разнообразно-различни идентификации от страна на отделни автори, сребърните българи са наречени вътрешни според гръцкия по произход способ за наименоване на по-близките географски области и народи като "вътрешни", а на по-далечните - като "външни", като на места те биват наричани и бели - wheit [Hudud, 34-77].

На източния бряг на Дон през 830 г. хазарите построяват граничната си крепост Шаркел. Собствено прабългарският произход на името *Шаркел* се потвърждава още и от факта, че по времето преди построяването на крепостта от гърците, този град е български и в него хазарите държат само малоброен гарнизон от 300 души, които периодически се сменят, т.е. тук изобщо няма хазарско население, но има много северни българи, които не само проектират, но и изнасят черната работа по строителството на крепостта. Начално-първа съставна част на ойконм *Шаркел* е болг. **шар* "бял", както и в бълг. *шаро агне* "бяло агне", *коня шарколия* "коня белонога", *Шар-планина* - *Бяла Планина, Беласица, Шаро* - име на куче, още и в името на гр. Шарвар в Отвъддунавска България, североизточно от Будапеща с такива форми като ранносредновековното *Сарувар,* свър. *Шорвар*, при който и втората съставка е пак праб. *вар* "град", също и в името на добре известния от древноруските летописи гр. Шарукан, невъзможно да е от същия апелатив по номинативносемантически съображения, докато втората му съставка очевидно-безспорно е иранското по произход *кан* "град" от изтиран. **kantha/kanta* < иран. **kan*- "копать". Така че при имената и на двата

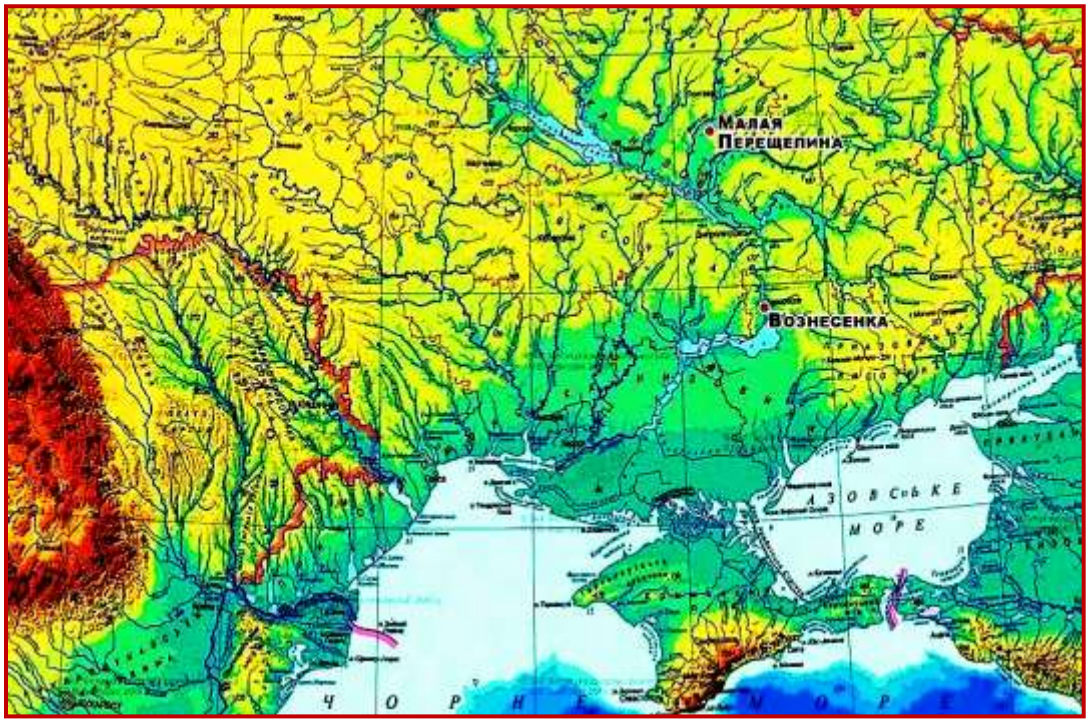
града цялото наименование без всякакво съмнение възниква и се образува на основата на двусъставния апелатив “бял град” [Добрев 2011, 245-249].

По необятно-огромната територия на Кавказ и Северното Причерноморие се откриват множество погребения чрез кремация от Ранното Средновековие [Добрев 2019, 171]; погребение чрез кремация практикуват българи от Таман, а така също и от Фанагория [Ворошилова 2018, 4]. Специално за Северо-Западен Кавказ VIII-XIII вв., този вид погребения се характеризират с конкретна типология, темпорално-териториална дистрибуция и интензитет [Успенский 2018, 4-30], като те в никакъв случай не са хазарски или тюркски изобщо, а единствено и само български и по-точно, на северните (черните) българи. Не хазарски също така, а единствено и само прабългарски са погребенията чрез кремация „в бассейне Северского Донца“ [Аксенов 2018, 223-228]. Кремационни некрополи има по течението на р. Северски Донец и долното течение на Дон от края на VII-VIII в., които се свързват с носителите на салтово-маяцката археологическа кулутура [Лаптев 2010, 73], както и в областта на градището край с. Сухая Гомольша под Харков [Бубенок, Аксенов 2018, 103-120]. Тук обаче непременно трябва да се има предвид мощният, не контактолингвистичен, а тъкмо генетичен български субстрат у тюркутите, на основата и по силата на който и те практикуват погребение чрез кремация, като съответната дума наименование за тази практика е бълг. *дох* „погребение чрез кремация“. И все пак, най-забележимото и съществено-значимото сред всички погребения чрез кремация тук е погребението на хан Кубрат. Колекцията от сребърно-златни художествени изделия и предмети в него е една от най-богато-разнообразните и изящно-изработените в целия Свят.

По тези земи погребения чрез кремация се правят или в урни, или пък пред крепостна стена или скала, като мястото на кремацията се обозначава чрез подходящ рунически надпис върху надгробен камък. Така например на дъното на гърненце, намерено близо до с. Обильное, Ставрополско, на р. Кума, е нанесен рунически надпис, който се транскрибира и превежда във вида **hwn' b(a)hj d(w)qj** - *Погребение чрез кремация на княза на хоните.* Върху погребална урна от с. Гарван, Силистренско има надпис с кирилски и рунически букви **Кърчи билиг aŋäžäk** - *Гробът на Кърчи - да го поменем!* Върху надгробен камък, с рунически букви пише **Ёгюнбех белюг д'огъ эни эш ойушттукъ. Ижден ол** - *Надгробен*

камък на погребението чрез кремация на княз Йогюн, ти си намери нов другар, застани пред Бога! Върху каменен блок от крепостната стена на Маяцкото градище има надпис **Elbeg,** което дава основание да се приеме, че тук е кремиран висш български сановник на име *Эльбег.* Върху камък на местността е издълбан надписът **Söγü d'oγ iǯiχ d'er** - *Място на погребение чрез кремация света на Сьогю* [Добрев 2021, 11-26].

Край днешното полтавско село Малая Перешчепина в Украйна е погребан нашият, всеобщобългарският скъп праотец, родоначалникът на всички европейски българи, великият българин, римски патриций и константинополски консул хан Курт-Кубрат (†665); основателят и дългогодишният владетел на кавказката прабългарска империя Стара Велика България, която е втората след Западнохунската империя на каган Атилла-Авитохол европейска прабългарска държава и по-предната от Нова Велика България на хан Аспарух; една от най-значимите личности в Азия и Европа от първата половина на VII век; храбър войн кръстоносец, велик пълководец, изкусен дипломат, най-богатият и влиятелен император на целия тогавашен свят, като се започне от китайската империя на изток и се стигне до римската империя на запад; българският владетел, дръзнал да се противопостави на силните на деня Западнотюркски и Аварски хаганати; разгромил могъщата Сасанидоперсийска империя, предотвратил гибелта на великата Византийска империя и спасил от персийски плен Светия Кръст Господен, а твърде вероятно и Златния граал.



Княз Курт-Кубрат е роден между 585-587 г. и когато вече е 10-12-годишен, хан Органá оставя племенника си в Константинопол като заложник гарант за мира между българи и ромеи. Тук князът живее в императорския дворец, а се учи и възпитава в университета към двореца Магнаур, където негов съученик е и бъдещият император Ираклий (610-641), с когото лично той установява най-топли дружески взаимоотношения. Младият княз отпътува от Константинопол през 603-605 г., когато вече е 15-17-годишен. Според съществуващото като устна традиция родословие на прабългарите от рода Дуло, известно най-вече като Именник на българските ханове, хан Кубрат царува до кончината си през 665 г., следователно той живее общо 78-80 год.

Със започването на войната между Византия и Персия, бойните действия между войските на двете страни протичат на различни места и по различно време. Персите превземат градове и заемат важни позиции в Армения и Горна Месопотамия. През 613 г., след триседмична обсада, превземат Йерусалим, избиват между 57 000 и 66 500 души, отвеждат в робство 35 000 души, включително и патриарха. Изгорени и разрушени са всички християнски храмове в града, в това число и Божи Гроб, голям брой християнски реликви, включително и Светият Кръст Господен, са похитени и отнесени в персийската столица Ктезифон.

В качеството си на упълномощен от западнотюркския каган, главнокомандващ западното крило от войските на каганата, княз Курт, обявява всеобща мобилизация, напълно самостоятелно-еднолично комплектува войската си от всички племена и народи на Кавказ; планира, ръководи и лично на предната фронтова линия взема най-дейно участие в бойните действия, провежда наказателна военна кампания дълбоко в територията на персите; от името и в полза на византийския император Ираклий води преговори с персийския цар, без да получава каквато и да е помощ и съдействие от него, обсажда и превзема персийската столица Ктезифон, където пленява златния скиптър на персийските царе, открива Светия Кръст Господен и го предава на Ираклий, а той пък лично го връща и поставя на мястото му в Йерусалим.

Преди церемонията през 635 г. за удостояването му с престижно-почетната римска титла „патриций“, хан Кубрат и Ираклий водят преговори и сключват междудържавен договор, който е първото международно признаване на новата държава Стара Велика България.

По време на самата церемония, хан Кубрат бива облечен в копринена византийска туника с вплетени златни нишки; запасан с параден меч, на единия край на колана на който е почти половинкилограмова златна тока, на другия е накрайник, изработен от към лицевата страна в същия стил, а от към обратната страна - в друг орнамент; на пръста му е надянат много скъп златен пръстен с надпис Χουβρατου Πατρικου - *На патриция Кубрат;* на челото му е поставена златна торква с голям изумруд, а на ръцете му - две златни гривни със същия скъпоценен камък, които са подаръкът за случая от императрица Мартина; върху дискоса на епископа от Томи му се поднася златна огърлица от солиди, сечени от Ираклий, с голям брой негови и други златни монети.

Българите са първите кръстоносци на Света и имат най-голямата заслуга и принос пред целия Християнски свят и цивилизация, защото тъкмо те изнасят основната тежест и решават изхода на войната. Ние българите, по никакъв начин и поради никакви причини, не бива да забравяме онази величава епоха от нашата родна, българска история и с пълно право можем и трябва да се гордеем, че сме спасили Светия Кръст Господен и сме го върнали на всички християни по Света, в това число и на самите себе си!

Намерените на 12 май 1912 год. в гроба на хан Кубрат изящно-великолепни златни и сребърни съдове, позлатеният меч с широк кожен колан, само токата на който е почти 0.5 кг масивно злато, златните пръстени с неговия монограм и всички останали златни и сребърни предмети, накити, украшения и монети с общо тегло 25 кг за златото и 50 кг за среброто, повече от 800 на брой, като цяло и изобщо са най-голямото, най-богатото и уникално-ненадминатото в Света сребърно-златно съкровище, широко известно още и като знаменитото съкровище от Малая Перешчепина и са шедьоври на прабългарското, персийското и византийското златарско изкуство. Всички те много отдавна вече са добре известни и без ни най-малко колебание или резерви се изследват и описват от всички достатъчно ерудирано-компетентни и непредубедени учени като едно от най-богато-разнообразните и изящно-изработените в целия Свят; уникално-знаменитото Златно Съкровище от Малая Перешчепина, оставено тук, а следователно и водещо своя произход, но същевременно и принадлежащо на ранносредновековните кавказски българи.

Само като необработено злато и сребро, по цени от VII в., стойността на това съкровище възлиза на около 6250 номизми във Византия или на около 6500 динара в Арабския халифат. През VI-VII в. във Византия 1 овца струва половин номизма, 1 крава - 2-3 номизми, млад кон - 12 номизми, докато минималните годишни разходи само за живот на обикновен константинополски занаятчия са 14-16 номизми. Следователно, синовете на хан Кубрат поставят в гроба му без всякакво съжаление и угризения на съвестта богатство на стойността на стадо от 12500 овце или 520 коня.

Сребърно-златните предмети и изделия от погребението в Малая Перешчепина, хан Кубрат ги има и притежава като негово собствено наследство от предишните български ханове; като боен трофей, придобит лично от него с оръжие в ръка по време на битките с персите; като подаръци главно от византийските императори и като безценни високо-художествени произведения на златарското ателие в неговия двор. Всяка една от четирите групи артефакти притежава и се характеризира със собствено-специфични художественостилистически черти и особености.

Блюдото за хранене на персийския цар Шапур II (309-379) най-вероятно е негов подарък на българо-хионитския цар Грумбат заради огромната помощ, която той му оказва при обсадата и превземането на гр. Амида, днешния турски град Диарбакър, през 359 г. и така се е предавало между хановете от рода Дуло, чак докато като наследство достига до хан

Кубрат. Наследствени за хан Кубрат от хан Органá са златният пръстен с надпис Ορχανου Πατρικου - *На патриция Органá* и двадесет и един на брой сребърни и златни бокала. Тях Ираклий ги подарява на хан Органá по време на първата им среща гощавка през пролетта на 624 г., когато той откликва на настоятелната му молба и приема да му помогне във войната срещу персите.

Сасанидските артефакти в Съкровището от Малая Перешчепина са боен трофей на хан Кубрат и неговите военачалници, от коалиционната гръцко-българска война срещу персите. Тук на първо място е плененият в превзетата от българите персийска столица Ктезифон златен царски скиптър на самия Хосров II. По същия път и начин са придобити още 7-8 сребърни и златни кани с битово и религиозно предназначение, златно блюдо за хранене, сребърна купа с космогонични сюжети отдолу и златна купа за хранене и пиене.

Сребърния сервиз за миене на ръце, състоящ се от патера и кана с контролен печат на византийския император Маврикий Тиберий (582-602), княз Курт получава като подарък от императора още през първите дни, докато е заложник в Константинопол. Заедно с този сервиз, императорът му подарява и позлатена сребърна амфора за вода. Златният пръстен с надпис Χουβρατου - *На Кубрат,* е подарък от Ираклий по време на срещата гощавка през пролетта на 624 г. в знак на благодарност за съдействието, което той му оказва при преговорите с хан Органá, включително и като преводач.

Подаръци от Ираклий за церемонията по удостояването му с римската титла „патриций“ са параден меч, скъп златен пръстен с надпис Χουβρατου Πατρικου - *На патриция Кубрат,* а златната торква с голям изумруд и двете златни гривни със същия скъпоценен камък са

подаръкът за случая от императрица Мартина, както и златната огърлица от солиди, сечени от Ираклий, с голям брой негови и други златни монети, поднесени върху дискоса на епископа от Томи. Парадният меч на хан Кубрат е сасанидо-персийски по направа и е боен трофей на Ираклий от войната с персите, най-вероятно, от битката с Рахзад край Ниневия на 12.12.627 г.

След кончината на Ираклий на 11.02.641 г. и съвсем в края на Януари 642 г., хан Кубрат пристига в Константинопол начело на официална държавна делегация и води преговори с императорите и майката императрица Мартина. Именно тогава, съгласно византийския дворцов протокол, върху позлатен сребърен поднос с християнски кръст отгоре и клеймото на Ираклий отдолу, на българския хан е подарена изящно-разкошна огърлица от златни монети, сечени не само от Ираклий и предишните императори, но и от сина му Констанс, при това от емисия, сечена най-късно преди края на Януари 642 г.

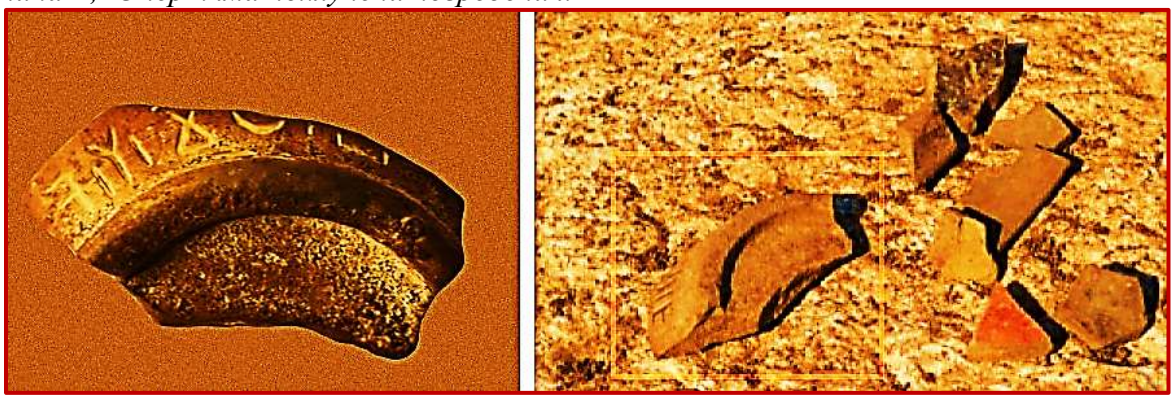
Всеки един от елементите на структурата, реда и състава на награждаването на хан Кубрат по време на патрицианската инвеститура си има и собствена, многозначителна символика: Коланът и пръстенът превръщат хан Кубрат в почетен византийско-римски патриций, но коланът и подносът с монети го правят константинополски консул - апоипат, докато мечът, торквата, гривните и огърлицата от златни монети са военна награда - dona militaria, за съюзника заради неговия съществено-значим и решаващ принос и заслуги във войната, която води този, който го награждава.

Всичките тези от богати по-богати дарове хан Кубрат получава единствено и само поради това, че с неотразимия си смъртоносен удар, който нанася на могъщата и огромна като територия и население Сасанидоперсийска империя, той фактически и практически предотвратява гибелта на Византийската империя, също и смъртта на самия Ираклий, както и спасява от персийски плен и връща на Християнството Светия Кръст Господен. Именно поради всичко това хан Кубрат е и възнаграден по възможно най-добрия, достойния и подобаващ начин [Добрев 2019а, 1-474].

Последната група сребърно-златни предмети и изделия от погребението в Малая Перешчепина са безценни високо-художествени произведения на златарското ателие в неговия двор. При българските и други по народност майстори златари и железари в двора на хан Кубрат, някои от които военнопленници, е началото и по-следващото процъфтяване на заимстваната от сасанидските перси художествено-стилистична линия и форма за по-нататъшното развитие на българското металообработване изобщо и на обработката на златото, в частност.

Българите от времето на Първото българско царство практикуват кремацията като основно-главен способ за погребение сравнително нашироко. Така например, погребение чрез кремация се практикува по територията на цяла Северна България, включително и в некропола при Балчик, където с един чувствителен процент разлика - 57,76%:42,23%, погребенията с кремация са повече от погребенията с инхумация. Гробовете с инхумация от Балчик имат аналогии в над 40 некропола, концентрирани в Северното Черноморие, Крим, басейните на Северски Донец и Оскол, Средна Волга, Долен Дон, Долен Кубан и Северен Кавказ. Погребението чрез кремация е разпространено също така и в Североизточна България и Добруджа, като този вид погребения продължават в Отвъддунавска България и след Покръстването [Добрев 2019, 171]: *Върху гробовете не е открит землен насип, но*

вероятно са били обозначени по някакъв начин, тъй като нито един гроб не застъпва друг. Може би некрополите са имали предварителна планировка, защото гробовете обикновено изглеждат разположени в редица или гнезда (Гарван, Бабово, Юпер и др.). Гробовете са били на дълбочина от 20 до 180 см. Отсъствието на площадка за кремация в некрополите свидетелства, че изгарянето е ставало извън тях. Горелите кости на покойника, обикновено почистени от въглените, са събрани в урни или в плитки кръгли и елипсовидни ями, в гробове, направени от тухли, плочести камъни или от натрупани обикновени камъни. В някои случаи при погребенията в урни част от костите на покойника, понякога примесени с въглени, са изсипани в ямата около урната. Във всяка урна са сложени останките от един индивид и като изключение, от два и повече (в гроб, дълбока елипсовидна яма - Разделна). Най-често в гробовете е поставена по една урна, но в доста голям брой гробове се откриха по две, три и дори шест урни (Бабово). За урни са послужили цели керамични съдове с изключение на два от некрополите (Разделна и Блъсково), където в някои случаи е употребена само долната половина. В някои от некрополите понякога урната или купчината, изсипани в ямата кости, са похлупени с долна част на керамичен съд Дългопол-1, Блъсково, Бабово, Разделна), с тухла или с плоча. В некропола Бабово за похлупване са използвани цели съдове или стени от съдове. В некрополите Гарван-1, Попина-2, Юпер няма похлупени погребения.



За урни и погребални дарове са употребени керамични съдове, предимно гърнета, с големи, средни и малки размери. Рядко се срещат гърнеподобни котли, паници, кани и амфоровидни стомни от прабългарския тип.

Погребенията чрез трупоизгаряне в преобладаващата си част са безурнови - горелите човешки кости са изсипани в плитки ями или в гробове, направени от римски тухли, каменни плочи, натрупани камъни и отломъци от площадката за кремация. При малкото урнови погребения за урни са използвани керамични съдове и ведра. В два от некрополите (Кюлевча и Бдинци) в гробове с трупополагане се намира и погребение с трупоизгаряне, като горелите човешки кости са събрани на купчина върху краката или до черепа на скелета, но най-често са изсипани върху него.

До горелите човешки кости в някои от гробовете са поставени като погребални дарове един или два керамични съда - кани и гърнета, - които вероятно са били пълни с питиета и безмесна храна.

В някои от гробовете са открити погребения и с трупополагане, и с трупоизгаряне, като горелите човешки кости са струпани на купчина до черепа на погребания с трупополагане (два случая) или са изсипани върху скелета му (три случая).

НЕКРОПОЛ В МОГИЛА XXXIII-ПЛИСКА, ШУМЕНСКИ ОКРЪГ

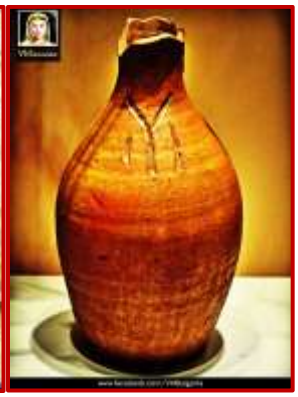
Керамичните съдове при погребението с трупоизгаряне (1934 г.) са гърнета без дръжки и кани от група втора (салтовски) отдели А и Б. Керамичните съдове в насипа на могилата (1949-1951 г.) са също гърнета и кани от група втора, отдели А и Б и амфоровидна стомна - четвърта група.

НЕКРОПОЛ 1 В ГР. ВАРНА

Погребенията са извършени с трупоизгаряне и трупополагане по езически начин. Общият брой на гробовете е 55, от които 40 по обреда трупоизгаряне. Горелите кости на покойника само в 5 случая са събрани в урни, а в останалите 35 са изсипани в гробове, направени от римски тухли или натрупани камъни, като в някои случаи са поставени само няколко камъка наоколо, и в кръгли ями с диаметър 20-30 см и дълбочина 20-25 см.

НЕКРОПОЛ 1 В ГР. ДЕВНЯ, ВАРНЕНСКИ ОКРЪГ

Некрополът се намира отдясно на шосето от Девня за с. Повеляново, Варненски окръг. Разкрита е обща площ около 960 кв.м. Погребенията с трупоизгаряне са съсредоточени в източната част на некропола, а тези с трупополагане в западната му част, като в центъра са размесени. От общо 97 гроба при 36 обредът е трупоизгаряне. Площадката за изгаряне на покойниците е била извън некропола. ...урновите погребения са само две - едното в керамичен съд, другото във ведро, чиято дървена част е изгнила и са останали горният железен обръч и дръжката [Вължарова 1976, 9-170].

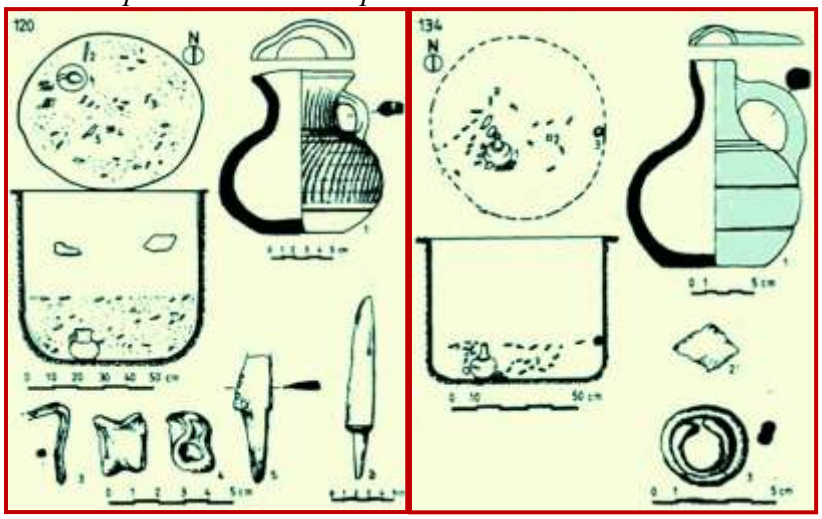


От разкритите гробове 119 са с изгаряне на трупа (кремация) и 87 - с полагане (инхумация). Гробовете с кремация са вкопани по-плитко от тези с инхумация. В зависимост от оформянето на гробните съоръжения се разделят на: кремации в ями и в камери. Урнови гробове не сме открили.

Ямни гробове. Гробовете, в които изгорелите човешки кости са положени в изкопани в земята ями, преобладават - те са 87 на брой. Откриват се на дълбочина 0.40-0.60 м и рядко до 0.70-1 м. Самите ями са дълбоки 0.10-0.30 м. Формата им е различна - кръгла, елипсовидна, правоъгълна, почти квадратна, неправилна, неопределена (обр. 1, 2). Кръглите ями са с диаметър 0.45-0.80 м. При елипсовидните и правоъгълните размери те също варират, но дължината им не надминава 0.80-1 м. Издължените ями са ориентирани север-юг, обикновено с отклонение на изток и по-рядко на запад от 5°-10° до 20-30°. Над тях често се откриват начупени при тризни керамични фрагменти. Понякога сред човешките кости се намират въглени, късове обгоряла или остъклена глина, образувани от високата температура на кладата и донесени в гроба, както и малки бели камъчета. В гроб № 269 се разкриха части от горели дървени греди. Горелите човешки кости обикновено са със сив или сиво-черен цвят, което показва, че продължителността на горене и температурата на кладата не е била достатъчно висока. Често при дъната на ямите костите са силно прилепнали, сбити едни до други.

В ямите са поставяни погребални дарове. В центъра, в северния, но най-често в южния им край, сред човешки кости се намира по един керамичен съд: гърне - от чиста или с примеси на пясък глина, кана, паница, амфоровидна стомна (само в един случай), направени от чиста глина с излъскана повърхност. Единствено в гроб № 183 са открити два съда. В три (№ 106, 165 и 185) освен поставения с храна съд, е възстановен и по още един съд, който е бил разчупен над гроба. Като погребални дарове са слагани различни метални предмети.

Камери. Разкрити са 24 гроба, при които събраните от кладата човешки кости са изсипани върху дъното на специално оформени камери. Тези гробове са вкопани най-плитко в черноземa - на 0.20-0.40 м. до 0.50-0.60 м (в източната част на некропола). Камерите са с малки размери - от 0.20/0.30 м до 0.45/0.60 м. Едни са покрити и имат кубична форма, други - паралелепипедна, но повечето са символични, тъй като са без покривни и подови плочи. При оформянето на камерите се наблюдават различия. Няколко са направени от тънки 1.4-2 см, старателно одялани варовикови плочи, други - от по-грубо одялани варовикови камъни с дебелина 5-6 см или още по-груби, с дебелина 7-8 см. Рядко се срещат гробове, изградени от късноантични тухли (обр. 3) или от тухли и камъни. Няколко гроба могат да се отнесат също към символичните или да се приеме, че заемат междинно положение между обикновените ями и камерите - три са отчасти заобиколени с ломени камъни, три са покрити с камъни, един е постлан с камъни, а друг е заобиколен и отчасти покрит с ломени камъни. Големината на гробовете най-често е в зависимост от количеството на горелите човешки кости. Наблюдават се и гробове, при които костите при дъното са с 5-6 см по-дълбоко от долната част на заобикалящите ги плочи или излизат извън камерата. В повечето камери има керамичен съд, поставен на дъното, върху или до горелите кости, обикновено от южната стена или в югозападния ъгъл. Съдовете са гърнета, паници, кани и в един случай - ведро. Над и до камерите се откриват фрагменти от счупени при тризни съдове. Вероятно погребенията в тези гробове са извършени в близък хронологически период, за което напомня еднаквата малка дълбочина от съвременното ниво, разположението им на групи с еднакъв начин на оформяне, от еднакъв материал, почти еднообразният инвентар.



Освен гърнета, кани и паници, почти във всеки гроб с изгаряне (яма или камера) са поставяне метални предмети, които обикновено се намират на север от керамичния съд. Особено внимание заслужават медните пластинки, открити в гроб № 87, 92, 99, 205, с които са били апликирани или закрепвани някакви предмети. Повечето от тях са доста повредени и обгорели. Проявен е стремеж (може би с предпазни функции) за поставяне на железни предмети: гвоздеи, част от обръч или от дръжка на ведро, ножове и различни пластинки. Често се намират железни и бронзови токи и халки, в един гроб - обгоряло костено рогче, в други - астрагали, мидички. Накитите се срещат рядко - няколко обеци, две гривни, маниста. Най-интересни и ценни за определяне датата на некропола са токите от гробове № 119 - от т.нар. тип Коринт, от гроб № 185 - с кръстовидна плочка и от гроб № 243 - В-образна. Гривните и обеците също подпомагат датирането на некропола. Някои от тях са обгорели от огъня на кладите.

В камерите и особено в ямите са поставяни отделни горели и негорели части от животни - от говеда, овце, овни, агнета, прасета и от птици. В гроб № 150 е разчистен

почти цял скелет на агне (без черепа) и част от скелет на прасенце, в друг № 210 - части от две прасенца. Животинските кости са поставяни близо до дъното на керамичния съд или в горния край на ямата, над човешките кости. В един случай сред човешките кости се откри черупка от яйце. В гърнетата и каните рядко се намират малки негорели кости от животни и птици. В камерите обикновено са поставяни кости на деца или на дете и израснал индивид. Антропологичните изследвания разкриват, че в някои от гробовете с кремации са погребани по два, три индивида (двама възрастни, възрастен и дете).

Некрополът при Балчик реконструира не само елементи от религиозните представи, отношението към смъртта и мъртвите, но разкрива и редица страни от бита, от материалната култура на живеещото някъде наблизо население - то вече се е занимавало със земеделие, сред него е имало добри скотовъди, прекрасни грънчари.

Тези материали показват, че некрополът е възникнал с преминаването на юг от Дунав на Аспаруховите прабългари, с образуването на българската държава (около 80-те години-края на VII в.). Краят му не е съвсем ясен. Големият брой гробове напомня, че не е създаден за кратък период - може би в продължение на един век. Липсват християнски гробове, каквито са засвидетелствани в периферийните части на други биритуални некрополи, няма и амфоровидни стомни и всичко това показва, че изоставането му е станало около края на VIII и надали достига IX в.

Селището все още не е локализирано, но металните предмети и някои керамични съдове позволяват да се твърди, че недалеч от морския бряг на днешния гр. Балчик се е заселило българско население, което е донесло със себе си важни за нас датиращи находки и което е оставило най-ранният от известните досега некрополи. Така този паметник е едно от малкото археологически свидетелства, потвърждаващи сведенията на писмените извори за началото на българската държава.

Гробовете с кремации и при двата некропола са вкопани по-плитко от тези с инхумации - от 0,20 м, обикновено на 0,50-0,80 м от съвременното ниво и рядко достигат 0,90-1 м. При Балчишкия некропол изгорелите кости са поставяни най-често в ями (88 броя) с елипсовидна, кръгла, правоъгълна и квадратна форма (обр. 2/1). Само при няколко от ямите формата не може да се установи, тъй като костите са изсипани на купчини. Освен в ями, в 25 случая костите са поставени в специално изградени каменни или каменно-тухлени камери (кубични или с формата на паралелепипед), повечето от които се определят като „символични“, тъй като нямат под или покритие (обр. 3/1). Шест гроба се отнасят към т. нар. „особени“, тъй като всеки от тях е различно оформен. При всеки има камъни - плочести или ломени, които са нареждани по различен начин. Кремираните кости в некропола при Топола са в по-различни и по-разнообразни гробни съоръжения. И тук преобладават кремациите в ями (обикновено кръгли, овални, елипсовидни), които повече от два пъти надминават останалите (обр. 2/2). Откриват се и кремации в камери (около 70). Почти всички са символични и не са така старателно изградени като балчишките (обр. 3/2). Само три камери (гробове № № 7, 9, 425) са по-добре оформени, а други са без под и покритие.

Най-често „камерите“ са направени от ломени камъни, подредени в два успоредни реда или под форма на буквите П или Г. В некропола при Топола, за разлика от Балчишкия, са открити и зарити в земята урни, като шест урни са поставени в камери (обр. 4). Общият брой на урновите гробове е 733 . В единични случаи кремираните кости са изсипвани върху камъни или тухли. В 26 гроба с кремации на този некропол са установени кости от два индивида, като преобладават на израснали мъже и жени.

И в Балчишкия некропол в 21 гроба са регистрирани кости от два индивида, а в един-от три. Обикновено те са на израснали индивиди - мъже или жени на възраст от 20 до 40 години, заедно с деца от 0 до 7 години.

Проучването на некрополите при Балчик и Топола и съпоставянето им с подобни некрополи, гробове и материали показа, че в днешния Силистренски и особено в Добричкия район се е настанила голяма част от населението, което е преминало Дунав около 680 г. Защото не само при Балчик и Топола са изследвани некрополи. Частично проучени са още няколко некропола, съобщава се за открити керамични съдове, за отделни гробове - в Ножарево, Хитово 2 и 3, Черна, Лозенец, Росеново, Добрич, Плачи дол, Могилище, Селце, Рогачево, Бдинци (обр. 17). Всички те не само маркират пътя и движението на новите заселници, но показват, че днешна Североизточна България и Добруджа са основните територии, в които се формира българската държава. [Дончева-Петкова 2009, 76-91].

В периода и малко отвъд североизточната граница на Първото българско царство, близо до днешното полтавско село Вознесенка, е погребението чрез кремация на основателя на първата българска държава на Балканите, хан Аспарух. Непосредствено след битката в Онгъла през 681 г. и начело на войската си, хан Аспарух предприема стремително преследване и поголовно изтребване на разгромената и изпаднала в панически ужас византийска войска, което продължава чак до Варна. Поради опасността от гръцки морски десант, хан Аспарух нарежда между днешните м. Карантината и м. Погребите да се издигне землено-насипен вал с траншеен ров пред него. Върху вала се побива мраморна колона с тамгата на рода Дуло и така той посочва, че именно тук е източната граница на българската държава.

В опустошения от аваро-славянските набези и изоставен гр. Одесос хан Аспарух сключва мирния договор с византийския император, което международно признаване е необходимото и достатъчно условие Годината 681 да се приеме за година на основаването на новата българска държава. Съответният официален документ не е съхранен или открит, но без всякакво съмнение, върху него, хан Аспарух, в качеството на личен подпис, начертава тамгата на рода Дуло, каквато е широко разпространената отвъд Каспийско море и Урал практика, не само тогава, но и в по-нови времена. По време на церемонията, византийският император подарява на хан Аспарух сребърен орел. На гърдите на орела, в същата константинополска златарска работилница, в която са изработени и подарените от император Ираклий на хан Органá и хан Кубрат златни пръстени, със същия много на мода по това време собствено византийски стил Бустрофедон, изписват първото и основно име на хана - *Испор,* гръц. *ΕΣΠΟΡ*.

През Античността и Средновековието орелът е широко разпространен символ на царската власт. Подарявайки на хан Аспарух този орел, разгроменият византийски император очевидно признава на племенния вожд на българите царско достойнство.

Изложеният в Археологическия музей във Варна каменен блок от с. Бяла, Варненско, върху който тамгата на рода Дуло е издълбана между две рунически букви, безспорно е бил вграден в тукашния вал с изглед към морето. Този вал е последният и най-южният, който хан Аспарух изгражда, не само за да защити младата си държава, но и за да покаже, че

именно тук е нейната южна граница. Двете рунически букви се разчитат като *äl* „държава, страна; племе, народ“, а целият надпис съответно се превежда като *Държавата на Дуло* [Добрев 2019, 60-63].

На р. Днепър като североизточна граница на Дунавска България, българите се опитват и в голяма степен успяват да спрат хазарската експанзия на запад. Първият опит тук е на хан Аспарух, Ἀσπαροὺχ (668-695) през 695 г. (М. Москов), която е и годината на неговата гибел:

И по томъ приде на странѫ Дѹнаꙗ	*След това пък дойде отсам Дунава*
Исперихъ кънѧзь тожде и доселѣ.	*княз Исперих, същото и досега.*
Исперихъ кънѧзь ѯ҃ѳ҃. и едино лѣто.	*Княз Исперих царува 61 година.*
родъ емѹ Дѹло,	*Родът му е Дуло,*
а лѣтъ емѹ верени алемъ.	*а годината му - Дракон, м. Начален.*

Тогава хан Аспарух, придружен само от част от личната си дружина, тръгва да инспектира североизточната граница с намерение и да проведе преговори с хазарите, които все по-често започват да нарушават установената гранична линия. Затова той пресича Днепър срещу днешното полтавско село Вознесенка и заема позиция с фронт на изток върху плоско възвишение на левия бряг на Днепър, почти над Днепърските прагове и най-удобния в Древността брод. В центъра на позицията личната гвардия или още дружината на хана изгражда на високия речен бряг временно подковообразно укрепление (82x51), състоящо се от ров и вал от камък и пръст, в югоизточната четвъртина на което опъват и шатрата на хана.

Веднага след установяването си в укреплението, хан Аспарух изпраща вестоносец с молба за преговори със заместника на хазарския хакан. Всички чакат дълго, много дълго, докато една нощ на разсъмване, хазарите връхлитат ненадейно-вероломно, при последвалото кръвопролитно сражение, българите са разгромени, като в битката загива и самият хан Аспарух, а хазарският отряд веднага се изтегля на изток. Груповото погребение на загиналите е чрез трупоизгаряне в две ями с жертвени дарове и така, както са прибрани от полесражението с дрехите си с лети златни апликации, въоръжението и снаряжението си, сред което и колани със златна гарнитура, декорирана с гранулирани прабългарски орнаменти, като специално сабите на гвардейците на хана са с позлатени ножници.

Непосредствено преди ритуалното запалване и изгаряне на изпоранените и окървавени тела на геройски загиналите в боя българи, до тялото на хана е поставен и личният му щандарт във вид на фигура на орел. Този щандарт му е подарен от византийския император във връзка с подписването на мирния договор във Варна през 681 г. след известната битка в Онгъла. Доколкото обаче през Античността и Средновековието орелът е широко

разпространен символ на царската власт, то съвършено очевидно, подарявайки на хан Аспарух този орел, императорът безспорно признава на племенния вожд на българите и царско достойнство. Освен това и надписът монограм е изгравиран в същата златарска работилница в Константинопол, където са изработени и пръстените на баща му хан Кубрат и на неговия вуйчо хан Органа, когото той наследява като вожд на българските племена на Кавказ. На гърдите на орела, в четирите края на кръстовидна фигура е нанесен монограмният надпис *Еспор,* което е основно-първото и много добре известно от българските апокрифи име на хан Аспарух. На крилото на орела са запазени и се разчитат сравнително лесно трите букви *дох-,* от които може да се възстанови словоформата *дохи,* основата на която е източноиранската по произход прабългарска дума **дох* „погребение чрез изгаряне", поради което цялото следва да се преведе като *Погребението на Аспарух* [Добрев 2011, 165-168].

Нерядко у нас, не само историци и археолози си задават въпроса за гробовете на българските ханове и „откритията" тук се представят направо като вестникарска сензация (Св. Николов). Според Р. Рашев [2008] „Изглежда хановете и аристокрацията са били погребвани на известно разстояние от столицата в специални места и поотделно, без гробовете да образуват некрополи." [202]: *Културата на тюркската аристокрация в новите земи засега не може да се очертае, тъй като практически не е позната. Не са открити езическите некрополи на Плиска, все още не е намерен гроб на владетел от времето пред покръстването* [Рашев 2018, 30].

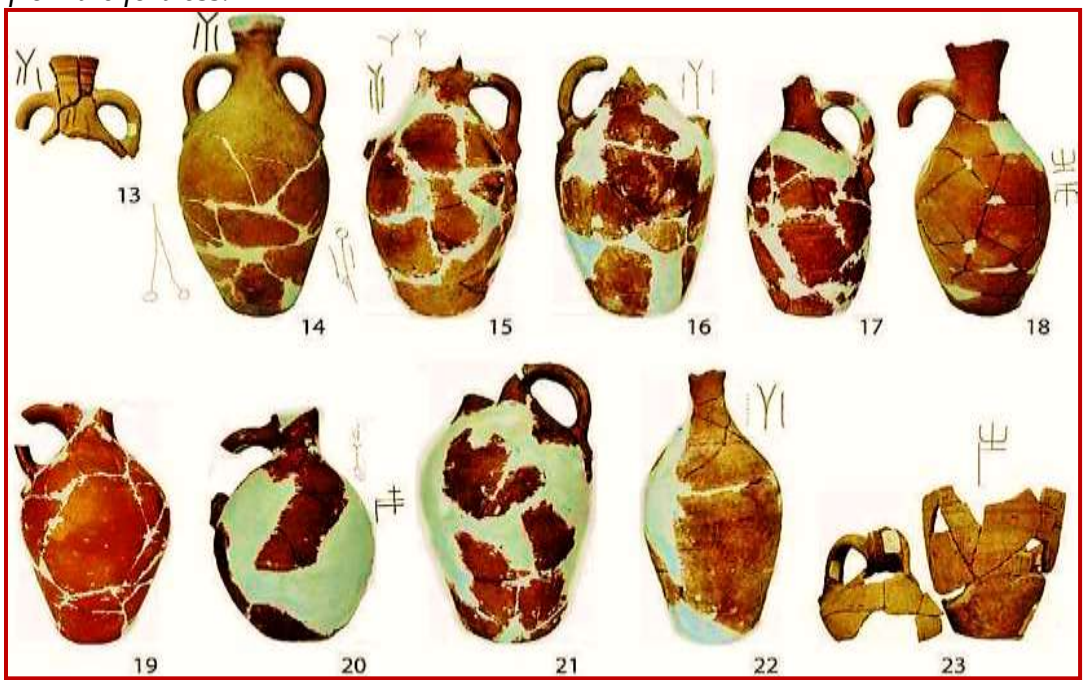
Четири могили на около 12 км западно от Плиска привличат вниманието на археолозите със своята необичайност. Това не са типичните тракийски могили, които винаги се натрупват по височини. Четирите са разположени в долина между две реки на уединено и скрито място. Възможната хипотеза е в могилите да почиват високопоставени прабългарски аристократи. До този момент на археолозите не е известно нищо нито за местата, където са погребвани представителите на знатните управляващи прабългарски родове у нас, нито за това какви са техните погребални обичаи. Предполага се само, че хановете от езическия период са използвали могилен погребален обред, защото подобни находки са откривани в Източна Европа, откъдето са минали прабългарите [Николов 2018, 1-2].

Всъщност, не „трапезните съдове", а урните с праха на хановете и техните семейства, са складирани, още от времето на основаването на българската държава, в специална яма (V. Grigorov, Ja. Dimitrov), вкопана в най-скрития и потаен ходник от мрежата подземни тунели в столицата Плиска (Ст. Ваклинов). Върху повечето от тези урни, в нейната представителна функция, е нанесена тамгата на рода Дуло, докато само върху някои от тях има други тамги и те, най-вероятно, съдържат праха на ханове, които са от друг род. Урните са яростно-жестоко изпонатрошени, което безспорно е направено веднага след покръстването, когато се пристъпва към унищожаването и заличаването следите от всичко прабългарско, а самите прабългари са подложени на геноцид.

Не е възможно посудата за домакинството на двореца да се съхранява в най-отдалечения, най-скрития и трудно достъпен тунел, което като цяло я прави почти неизползваема. При това положение няма обяснение и маркирането на повечето от съдовете с тамгата на рода Дуло, а на много малко от тях - с няколко други и различни една от друга тамги!? Не може на масата на хана да се постави толкова голям съд, а и какво може да се сервира в него? Ако там е било някакъв склад, примерно за вино или зехтин, то защо тогава той е в най-трудно-достъпния и потаен ходник? Изключено е съдовете да са били натрошени така яростно-жестоко от търсещите още вино пияни Никифорови войници, а най-вероятно в момент на силен гняв и раздразнение, от самия княз Борис, който поради смъртта на член

от семейството е трябвало да вземе решение за смяна на изконно-дълговечния погребален обред чрез кремация с християнския обред чрез инхумация.

За съжаление, няма данни от химически анализ на съдържанието на урните, но подобна яма с урна, която проучвателят не е успял да идентифицира и атрибутира етнически, въпреки че я датира VII-IX в. [Чхаидзе 2018, 115], е открита и на територията на временната прабългарска столица Оногурис с друго име Фанагория, а подобно складиране в една яма на голям брой урни е открито на територията и на Югозападен Крим [Мульд 2018, 283]: *In the first part of this report, we will present two large ceramic complexes - one from the beginning of the ninth century and the second from the mid-ninth century. Both sets of pottery were found while excavating the secret passages, which form a net of tunnels, in Pliska. The secret passages are some of the most impressive constructions in the first Bulgarian capital. They provided an opportunity for the ruler to move around secretly inside the entire residence, as well as to secretly depart from the fortress.*



In 1979, nearly 3000 ceramic fragments of about 50 vessels were found in the underground tunnel connected with the so-called Kroum's palace. 36 vessels have been entirely or partially restored (Rashev 2004, 61-100) (fig. 1). According to their features, the vessels can be divided into two groups. The most numerous group are the pitchers (fig. 1. 2-27). The vessels were made of well-refined clay on a foot-driven potter's wheel. Most of the vessels have their surface covered with thin goldish glaze. Two of the vessels are covered with red angobe. An amphora is also found in the set of vessels (fig. 1. 1). Its handles' decoration is completely identical with that of the pitchers. The form and the decoration of the handles are very typical. The handles were additionally treated when the clay was still half dry. A large, slightly rounded bulge was formed at their lower end. On its two side walls, two leaf half-palmettes were incised. The second largest group of vessels consists of „tea-pots" (fig. 1. 28-36). These vessels were also made of well-refined clay on a foot-driven potter's wheel. The form of the pitchers and of the "tea pots" reminds one of some vessels of the so-called yellow Avar ceramics (Bielekova 1967, obr. 2: 1, 2; 4: 2, 5), while the bulges at the lower side of the handles are close to those of jugs from Central Asia (Trever, Lukonin 1987, fig. 56: 21; Rashev 2004, 77, fig. 16). The form of the pitchers, the stems and the goldish glaze are features that demonstrate an imitation of precious metals.

The vessels from the two groups constitute a new group of ceramics. They are not typical of the local pottery production. One can suggest that they were created by a group of craftsmen

invited from abroad to do an order of the Bulgarian ruler's court. There is no discussion about the dating of the vessels. They were found in the earliest secret passage that the fire in 811 destroyed. The vessels were hidden there when the Bulgarians deserted Pliska and the Byzantine emperor Niciphorus Gennik captured the capital.

In 2006, the second large set of pottery was found. When excavating the route of the latest passage, our team discovered a pit filled entirely with ceramic fragments. We managed to restore 33 pitchers and distinguished pieces of other 20 pitchers (a total of 53) (fig. 2). According to their features, the pitchers found in the pit can be divided into three groups.

The most numerous groups of pitchers were made of well-refined clay, light brown or light yellow in color (fig. 2. 1-12). They constitute about 63% of the ceramic fragments found in the pit. All of them were made on a speed pottery wheel. The pitchers with two handles dominate. An element that imitates the decoration of metal vessels is a relief ring at the base of the neck. Another characteristic element that also imitates metal vessels is a bulk at the base of the handles.

The second largest group of vessels (about 24% of the fragments) is represented by pitchers, made of red-brown clay. The form of these vessels is similar to that of the first group. The pitchers with one handle dominate. All vessels were made of quality clay on a speed pottery wheel.

The third group of pitchers consists of vessels made of grey or grey-black clay with a small addition of sand (fig. 2. 24-28). They compose 9% of the fragments. All the vessels are with two handles. Unlike the vessels of the former two groups, the grey pitchers were made on a slow pottery wheel. This type of vessels is very typical of the local pottery production from the first half of the 9th century. The pitchers from the first two groups have a similar size. The height is most frequently between 32 and 39 cm, and the maximal diameter is between 14 und 22 cm. The pitchers from the third group are considerably smaller. In spite of their different size, all pitchers have similar proportions. Depending on their size, the pitchers have a volume between 1.9 and 5.1 liters.

Long-term excavations in Pliska and a lot of monuments in the Lower Danube show that amphora-like pitchers had a very wide use in the old-Bulgarian culture as table pottery. Typologically, the pitchers discovered in the pit appear to be closest to some types belonging to U. Fiedler's classification (Fiedler 1992, 147). The vessels date back to the middle of the 9th century.

One important feature is the numerous signs chiseled on most of the vessels found in the pit. The repertoire is diverse but the most frequent sign is the Greek letter ipsilon with two parallel lines "IYI". This sign was the most popular one in the old-Bulgarian culture. It has been discovered incised on hundreds of ceramic vessels, bricks, water-pipes, rock blocks, rings, seals from the 9th century (Hampel 1905, 436, fig. 1280; Changova 1959, 141, fig. 127: 3-4, 8-9, 13, 15, 17; Doncheva-Petkova 1980, 23-25; 11, fig. 2; 37, fig. 6; 160; 42, fig. 14, tabl. XXI; Rashev 1992, 97; 98, fig. 1; Dimitrov 1993, 70, fig. 1; Stanilov 1997, 231, tabl. V-37; Popović 1999, 157-158, fig. 106: 4; Jordanov 2001, 75, tabl. VIII-131; Totev 2004, 232, fig. 3: 6-7; 237, fig. 6: 1; 239, fig. 8: 11; Doncheva-Petkova 2007, 245, tabl. LXXXIII-3; Rashev 2008, 544, tabl. XCI 9-15). The wide use of the sign is one of the reasons why it is the object of a special scientific interest. Another very important letter-like sign is scratched on a grey-black pitcher. In style and form, the sign is different

from the rune-like old-Bulgarian signs known so far. It could be compared to a combination of two Greek letters - "omega" on the left and "beta" on the right.

The discovery of the second numerous complex of table vessels in the center of Pliska puts forward the question of the specific needs of such an inventory at the ruler's court. The deposition of the vessels in the pit near the ruler's residence means that they were used for the needs of the king's household. The common decoration of most vessels with elements characteristic for metal vessels shows that metal vessels were used as models for the production of ceramic pottery in the 9th century. The making of ceramic imitations of metal vessels is explained by the need of a greater number of vessels. They were needed at daily or festive feasts. The choice of a particular color and quality of the clay was also very important. The pitchers made of light-brown or light-yellow clay resemble the color of metal (golden) vessels, those made of red-brown clay - the vessels made of copper, and those made of black clay - the vessels made of silver.

Because of shortages or the high value of non-ferrous metals in the 9th century, it was impossible to provide metal vessels in the necessary amount. This is the reason why the ruler's household used a large number of high-quality ceramic vessels.

В първата част на доклада, изнесен на международна конференция в гр. Дуе (Франция), бяха представени два големи керамични комплекса. Те са открити при проучване на т.нар. „тайни ходници" в Плиска. През 1979 г. при разкопки на опожарения таен ходник, в близост до „Крумовия дворец" са открити 36 съда (обр. 1). Най-многобройната група са стомни (обр. 1. 2-27), изработени на крачно грънчарско колело от добре пречистена глина. Втората група се състои от „чайници" (обр. 1. 28-36), изработени на крачно грънчарско колело от добре пречистена глина. Керамичният комплекс се датира в началото на 9 в., а опожаряването на тайния ходник обикновено се свързва с превземането на Плиска при похода на Никифор I Геник в 811 г.

Вторият керамичен комплекс е открит през 2006 г. при проучване трасето на най-късния ходник. Съдовете са депонирани в яма, вкопана в разрушения ходник. Възстановени са 33 стомни и части от още 20 стомни (общо 53) (обр. 2). Според технологичните характеристики (видът на глината и използването на бързо или бавно грънчарско колело), стомните могат да бъдат разделени в три групи. На повечето от съдовете са врязани различни знаци, като най-често срещания знак е гръцката буква ипсилон с две успоредни хасти "IYI". Стратиграфската информация за ходника, както и типологичните характеристики на стомните определят датирането на керамичния комплекс около третата четвърт на 9 в. [Grigorov, Dimitrov 2015, 121-135].

Като произхождащи и принадлежащи към рода Дуло, жените от семействата на хановете се кремират и прахът им се съхранява в светилището в Кабиюк. Доказателство за това са тамгите от тук, които имат допълнителна чертичка или извивка горе върху дясното разклонение: *Първият ханскиц център, Плиска, е само един от трите огромни укрепени стана, които са били изградени в Плисковското поле.[21] Преди 80 години първите изследвачи на Плиска са установили останките от двата други, разположени източно и западно от централния - плисковския. Източният е бил разположен при сегашния град Нови пазар, а западният - при конезавода «В. Коларов». [22] Така, както лежат симетрично в полето, обърнати на юг, те напомнят една прастара тюркска система на разполагане на войската и ориентиране по посоката на света. Лявата страна във военния строй на тюрките е винаги източната, дясната - винаги западната. [23] Това означава традиционната насоченост на ударната сила към юг. Така е било пред Великата китайска стена, така е и пред Византийската империя.*

Наистина плисковският укрепен стан със своите 23 км2 площ представлява внушителна гледка. В територията му влиза горното течение на един поток с няколко извори, които някога са били пълноводни. Обширни свободни пространства са били покрити с многогодишни степни треви - осигурена паша за добитък и особено за конете на ханската войска. Тук-там из това пространство се разполагат юртите или землянките на постоянните обитатели на онгъла. Почти в средата на тази укрепена територия се издига ханската резиденция. [26]

Но какво според нас е представлявал първоначалният вид на дворцовия център в Плиска?

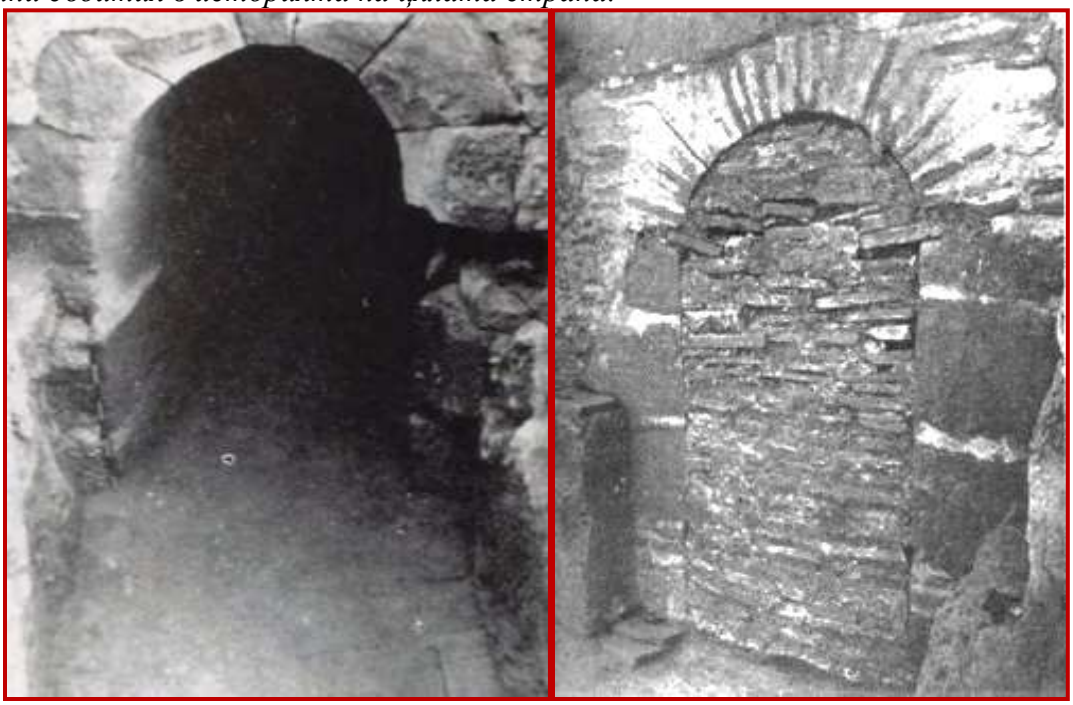
В средата на голямото землено укрепление се издига огромна, почти квадратна сграда, заемаща площ повече от четири декара. [32] От двете ѝ страни - към изток и към запад - пред фасадата ѝ се издигат по две четириъгълни кули. За вътрешното устройство на постройката трудно може да се говори с положителност, тъй като зидарията на сградата е изцяло извадена дори из леглата на нейните основи. Последните образуват правилна мрежа от квадрати и правоъгълници, които обхващат цялата площ на сградата. Върху така поставените основи теоретически може да се изгради всякаква надстройка.

Най-съществената е била прокарването на подземен съобщителен коридор между укрепения замък и жилището на хана. [56] Причините за създаването на тази тайна съобщителна връзка между двете сгради са имали сигурно политически характер. По всяка вероятност това е станало през шестдесетте години на века, когато се създава натегната обстановка между отделните знатни прабългарски родове около централната ханска власт. Междуособните династически крамоли и съперничества, тайната и явната намеса на византийската дипломация в раздухване на страстите довеждат до няколко промени на хановете и създават известна несигурност в ханския двор и изобщо в страната. Тайният подземен коридор е бил навярно предназначен за безпрепятствено преминаване на хана от неговото жилище към укрепената резиденция на държавната канцелария.

Към епохата на смутове и междуособни борби около ханската власт в България през 60-80-те години на VIII в. следва да се припише едно съоръжение, което представлява важна връзка между някои сгради от началния период на плисковския дворцов център - подземният таен ход. [78] Това е интересен коридор, настлан с квадратни тухли, обложен отстрани с дъбови греди и покрит с дебели дъбови талпи, свързващ големия укрепен замък с ханското жилище. Той минава по пряка линия между двете сгради, недълбоко под нивото на терена, и някои данни показват, че е изграден допълнително, че първоначално тези две сгради са стояли изолирано една от друга. Логично е да се приеме, че една тайна връзка между ханското жилище и държавната канцелария е станала необходима в моменти,

когато ханът се е чувствувал несигурен в своя дом. Такива моменти настъпили, както е известно, след 762 г. и продължили почти две десетилетия. Над България надвисва опасност от страна на Византия. [79] В ханския двор настъпват размирици. Свалени и убити ханове, несигурни и краткотрайни царувания, понякога завършващи с бягство в Несебър и Цариград, намеса на византийски агенти в междуродовите съперничества - всичко това навярно създавало натегната атмосфера и в ханската резиденция. Тайният подземен проход между неукрепеното жилище и добре укрепения замък станал необходим за сигурностга на хана.

Освен дървените стени на подземния коридор и неговия дървен покрив дървени са били и рампите, които по лек наклон са извеждали в двата му края към съответните сгради. През 1947 г. бе разчистена рампата към укрепения замък. С дървената си конструкция тайният ход станал лека жертва на стихиен пожар. Овъглени са дървените подпори, спечена до червено е околната пръст. Пожарът е бушувал дори в подземието, което ще рече, че негова жертва са станали и сградите в двата му края. Този стихиен пожар представлява един важен показател в историята на плисковския център и бележи трагични събития в историята на цялата страна.



През 811 г. император Никифор I Геник с цялата си войска се намирал отвъд Хемус и хазайничел из ханската резиденция Плиска. Хан Крум се е оттеглил настрана и готвел удар срещу неприятеля, който се намирал в клопка. Но преди да напусне дворците, императорът опожарил всичко, след като било подложено на грабене. Тази война, злощастна за императора и за Византия, е не по-малко злощастна и за България въпреки щастливото избавление. В развалини е не само дворцовият център на Плиска - главният ханси аул. Опостушени са и околните аули, средището на държавата.

Южната страна на оградната стена пресича останките на подземния таен ход, който е свързвал укрепения замък със старото ханско жилище. Очевидно при нейното изграждане този проход вече не е действувал. В основите на северната страна обаче между двете сгради на Малкия дворец е изграден специален засводен вход, който представлява начало на таен изход от двореца. Явно е, че при издигането на крепостната ограда около жилищния квартал на дворците са имали пред вид опита от миналото. На хана е оставена възможност за тайно влизане и излизане във и от двореца, в който живее. Преминаването му обаче от жилищната в официалната част на дворцовия квартал е

ставала открито и тържествено. Новият таен проход е проследен вън от дворцовия квартал на север на значително разстояние, но не е уточнено къде завършва. Не е изучено също така има ли разклонения този подземен коридор в самия дворец. Защото право на юг от вратата в северната стена, под източното крило на западния корпус на Малкия дворец, минава такъв един коридор, опожарен, както всички останали части на тайния проход, но под югоизточния ъгъл на сградата се обръща право на запад. Не е изключено старото трасе на коридора да е имало разклонения, над чиито развалини са стъпили основите на западната дворцова сграда. Този въпрос е оправдан още повече от факта, че в северната оградна стена на около 20 м западно от изхода в основите ѝ има също добре изграден от камък друг изход към север. Следователно, когато са изграждали северната стена, са оставили не само изход между двете жилищни сгради, а още един западно от двореца.

Всичко това обаче поставя логично проблема за посоката и изхода на тайния проход вън от дворцовия квартал. Сегашните данни сочат, че тайният проход е свързан със северната порта на каменната крепостна стена, гдето той е позволявал таен и свободен изход за обитателите на дворцовия квартал незабелязано за хората, които се намират в така наречения Вътрешен град. Това може да означава, че изграждането на цялата система от тайни изходи от Малкия дворец към север е свързано хронологически и функционално с издигането на каменните стени на вътрешната крепост в Плиска [Ваклинов 2012,145-198, вж. и срв. Рашев 2008, 78-97].

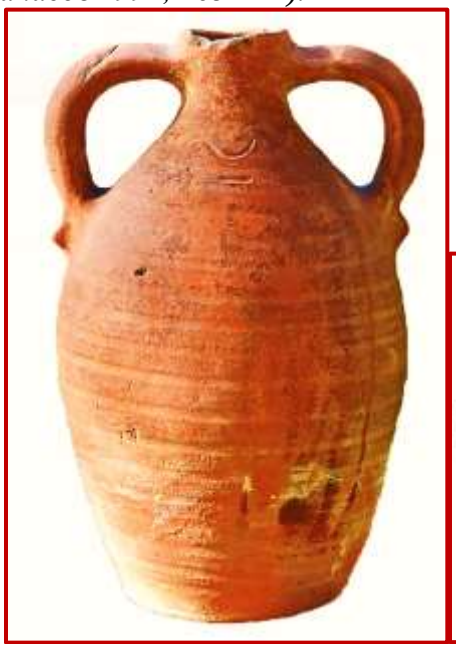
Освен родът Дуло, погребение чрез кремация с прибиране на праха в амфоровидна стомна практикуват и други прабългарски родове, един от които е от Дръстър, при това златен пръстен на болярин от същия род е намерен в подножието на крепостта Скала, Силистренско, видно особено добре от еднаквата тамга върху стомната и пръстена. Самосъзнателно-преднамерена жертва на собственото си, субективно-лично и изобщо обектно-неадекватно допускане, че тамгата на рода Дуло по принцип се появява едва след възцаряването на хан Крум като знак на неговата лична династия, Г. Атанасов [2018] много неоснователно датира пръстена през IX в.: *През лятото на 2015 г. при обработка на терен на левия бряг на сухоречието Канагьол (средновековната р. Дристра) горски работници попадат на голям златен пръстен в каменно струпване напомнящо разрушен зид. 1 Намира се на около 180 м в югозападна посока срещу ранносредновековната крепост Скала (Йотов, Атанасов 1998, 5-7, обр. 2, 4) (обр. 1). При обхождане на околните терени през 1989 г., по време на системните археологически разкопки, които проведохме с В. Йотов на това укрепление, приблизително на същото място, регистрирахме следи от силно ерозирали зидове от ломени камъни без спойка. Навярно това са останки от т. нар. „отделни дворове" описани още от К. Шкорпил в началото на XX в. (Шкорпил 1902, 507-508) и регистрирани при обхождания в района южно от крепостта Скала предприети през 60-те и 70-те години от Ст. Ваклинов и Д. Ил. Димитров (Ваклинов 1972, 11; Димитров 1987, 221-222). те се проследяват главно по средното русло на р. Канагьол между селата Сини вир и Скала.*

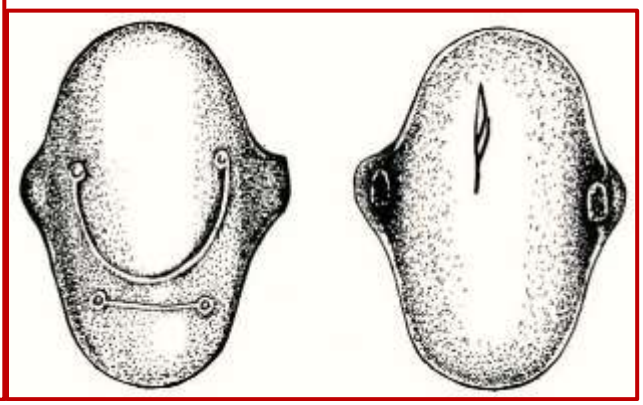
Пръстенът е масивен, с голяма елипсовидна плочка с дължина 3,5 см и ширина 2,6 см, която плавно преминава в халка, която е откършена (обр. 2, 3). това затруднява да определим дали е била затворена или пък е била отворена. Върху лицевата страна на плочката старателно е врязан знак под формата на U-образна дъга над хоризонтална черта, като краищата завършват с миниатюрни кръгчета. На опаката страна на плочката грубо и несръчно е издраскано, вероятно вторично, грубо и неравномерно начертание, напомнящо островърхо тясно листо с дълга дръжка (обр. 2, 3). Пръстенът е отлят (?) от злато с проба около 23 карата.

Амфоровидните стомни без глазура, точени на усъвършенствано ръчно грънчарско колело от добре пречистена глина с охрово-червеникав цвят и червена ангоба се появяват в некрополи и затворени комплекси през VIII в. и имат разпространение до около края на IX в. (Рашев 2008, 182-183, 187). Според мен обаче

амфоровидните стомни с врязани знаци (най-често IYI), работени не на крачно, а на усъвършенствано ръчно колело, (тук спада и стомната от Силистра със врязан подчертан U) се появяват след началото на IX в., когато започва масовото нанасяне на знаците върху строителна и битова керамика, строителни материали, сгради и пр.

Ако сред десетките екземпляри трябва да посочим най-преките паралели на пръстена от Скала по форма и размери, това безспорно са находките от Мировци, Нови пазар и донякъде тези от Престовац, Върбяне, Видин и Окорш, където всички врязани върху тях знаци са с малки кръгли или точковидни окончания. Сред гравираните знаци преобладава IYI, регистриран върху пръстените от Мировци, Дългопол и Престовац, без изключение с въпросните кръгли окончания (обр. 4, 6, 7). Приемам, че този знак е своеобразна родова тамга на крумовата династия, управлявала България от самото начало на IX до края на X в. (Атанасов 1992, 163-171).





Сред стотиците ранносредновековни пръстени, откривани в старобългарските центрове, този от Скала е четвъртият златен образец и вторият от типа с голяма плочка и врязан знак, след находката от Видин. Това буди основателно любопитство и поставя въпроса за притежателя му. Особено като се има предвид римо-византийската практика единствено императорът да подарява златни пръстени при инвеститура на висши сановници (консули, патриции и пр.), или такива да се връчват при интронизация на духовни лица, но единствено на епископите (Leclercq 1924, 2174-2223; Bianco 1999, 131). Още повече, че тази практика е документирана и при първостроителите на българската държавност Органа и Кубрат, редом с останалите римски патриции те определено са получили от ромейския император право на златни пръстени-печати, върху които с кръстовидни монограми са гравирани имената с упоменаване на патрицианската титла (Атанасов 2015, 36-37, 62, обр. 3, 4). Нямаме обаче сведения, нито утвърдителни, нито отрицателни, този обичай да е възприет от българските владетели на Долен Дунав, особено от първите представители на Крумовата династия, заела канския престол в Плиска през 803 г. До средата на IX в. на пръв поглед те са далеч от церемониалните практики на византийските императори, една от които е връчването на златни пръстени на високопоставени лица. И все пак, сравнително масивни златни пръстени с врязани знаци навярно едва ли са носени от обикновени членове на българското общество. Не е ясно и няма безспорни доказателства дали знаците са тамги на техните притежатели. Ако изхождаме от пръстените с IYI това на пръв поглед е малко вероятно, защото знакът не е личен, а държавен символ. той е регистриран върху три пръстена с различни размери,

като нито един от тях не е отзлато или сребро. 7 същевременно знаците върху златните пръстени от скала и Видин са рядкост и, въпреки известно сходство с посочените по-горе няколко знака от Плиска, Преслав и Дръстър, те нямат точни аналози в старобългарски паметници, като например изчертаване с кръглите окончания. това може да породи и предположението, че са лични знаци-тамги на притежателите им, но това може да бъде единствено хипотеза, която засега не почива на достатъчно сигурни аргументи [375-382].

7 По повод една група почти еднотипни лети бронзови медалиони със знака IYI вече съм коментирал възможността те да са връчвани от владетеля или владетелската канцелария на специални хора (сановници ?), които да се легитимират с владетелската тамга, която през IX и първата половина на X в. се трансформира в държавен символ (Атанасов 1992, 163 - 171). Дали случаят с пръстените с гравиран IYI е аналогичен или сходен, засега е неясно, но печати с този знак го предполагат.

Пръстени с IYI от Мировци, Шуменско; Дългопол, Варненско и Престовац, Сърбия

Изключително силен, но и болезнено-рязък тласък на процеса на славянизация на прабългарите не само по форма, но и на цялостно-многостранната обществено-икономическа, политико-идеологическа и културна по съдържание, не асимилация, а по силата на конкретни историко-социални предпоставки и обстоятелства славянодоминантна взаимна интеграция на двата етноса и тъкмо по този ред и начин и на ликвидирането като цяло на съществуващия до тогава културно-идеологически дуализъм, основаващ се на стар племенен партикуларизъм, дава масовото покръстване от Свети княз Борис-Михаил Кръстител на прабългарите и славяните през май 866 г., последвано много скоро от редица драстично-репресивни и даже направо непоносимо-жестоки административно-правни мерки и действия, особено и специално по отношение на прабългарите, именно които и превръщат взаимната интеграция в славянодоминантна, а резултативната народност в славянска.

В началото и на първо място сред тези драстично-репресивни и даже направо непоносимо-жестоки административно-правни мерки и действия стои най-вече прогласяването от първия всебългарски църковно-народен събор, свикан в Преслав през есента на 893 г. или пък на 28 март 894 г., на славянобългарския език за официален държавен и църковен език със забрана под страх дори от смъртно наказание или продаване в робство да се говори на прабългарски език; забрана, преследване и дори налагане на смъртно наказание по силата на специално разработения преди това и тук приет Закон Судный Людям, на практикуващите прабългарските обреди и обичаи, сред които и най-категорична забрана на многоженството; въздигането на Кирило-Методиевото дело за знаме на българската държава и народ, символично връчено от княз Борис-Михаил в ръцете на неговия предостоен син и приемник - княз Симеон, но и пристъпването същевременно към фактическата замяна на гръцките владици в България чрез ръкополагане на българи за техни викарни епископи (хорепископи), които да поемат управлението на епархиите.

В един малко по-конкретен план и специално в аспекта на "острия конфликт между езичеството и християнството", проявяващ се на много места под формата на дългосрочна ожесточена съпротива, и на методите и средствата за провеждането на заключителния етап на славянизацията и довършването на християнизацията на прабългарите, по личните указания на княз Борис и за прилагане на практика разпоредбите на Закона, местните власти подбират подходящи млади мъже от областта си и създават наказателно-покръстителни

отряди под ръководството на местен славянски първенец или прабългарски болярин и с гръцки свещеник в състава си.

Целта и задачата на наказателно-покръстителните отряди е да покръстят отклонилите се по един или друг начин от покръстване прабългари, а така също и да издирят и накажат онези от тях, които имат повече от една жена и които продължават да говорят прабългарски език. Отрядите плъзват главно по прабългарските села и паланки, изкарват със сила и бой жителите на селото на подходящото за кръщение място и тук свещеникът набързо ги кръщава, пеейки, разбира се, на гръцки език. Поради това никой не може даже и да разбере за какво точно става дума и защо се прави всичко това.

При това положение прабългарите напълно естествено и нормално отговарят с въоръжена съпротива. Всяко селище си излъчва бойна чета, която пресреща наказателния отряд и се опитва да го прогони, поради което много често се стига и до кървави сблъсъци. Задължителен момент по време на тези сблъсъци е да се мълчи, защото ползването на прабългарския език по начало и под страх от смъртно наказание е забранено и по смисъла на Закона води до отежняващи вината обстоятелства.

Old Church, Pliska

Основно-водещите събития и моменти от тази епоха преминават и се запазват в обредите и обичаите на населението от някои краища на България. В онези селища пък, където покръстването е проведено преди това, но бойните им чети все още не са разпуснати или пък има хора, които говорят на прабългарски език и практикуват собствените си прабългарски обреди и обичаи, то цялото село във вид на роби се предава на Църквата с всичкото му имущество. Ако пък подобни случаи са сравнително по-малко на брой, то тези прабългари, отново с имуществото си, се продават в робство. А в отделни области направо се прибягва и към физическо изтребление на прабългарите. Тази нечовешка мярка влиза в най-остро противоречие със съответния член на Закона, предвиждащ бой с камшик или пръчка и 7-годишен пост за мъжа с повече от една жена и прогонване на по-младата от жените му заедно с децата й.

Въпреки това, повече от ясно-категорично законово положение, точно такъв е случаят например във Варненска Област, където началникът на наказателния отряд обхожда поверения му район, издирва и арестува вторите и по-следващи жени на прабългарите, заедно с децата им, а така също и старци, провинението на които очевидно е, че продължават

да говорят прабългарски език и да практикуват обредите и обичаите на дедите си. Уличените и арестуваните, разбира се, са предимно млади жени с малките си деца и старци, които не са имали възможност, време и условия да научат славянобългарския език. В края на обиколката всичките тези млади жени, малки деца и старци са умъртвени по най-жесток начин и заровени в масов гроб край Девня. При това началникът на наказателния отряд не пропуска да разпореди съгласно стародавния прабългарски обичай телата им да бъдат и разчленени, а на други пък да бъдат покрити с камъни, за да не би някак си духът на убития да навреди все пак на неговите убийци.

Успоредно на всичко това еднакво-общата религия вече легитимира и дава широк простор и на смесените бракове, които "ускоряват процеса на ерозия на прабългарската общност". Доколкото пък майките на децата от тези смесени бракове в повечето от случаите са славянки, то и самите деца не само усвояват най-напред основно и главно славянския език, но и тяхното етническо самосъзнание се изгражда не като прабългарско, а като славянско.

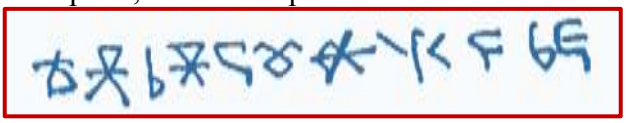
Едно от решенията на църковно-народния събор през 893 г. е приемането на славянския език за официално-административен, т.е. задължителен не само като богослужебен, но и във всички останали сфери на дейност на обществото и държавата. По този начин в приетия тогава в този смисъл закон фактически и практически се и криминализира употребата на прабългарския език. А това пък от своя страна е основание за преследване и даже и за най-жестоки репресии спрямо онези прабългари, за които се установи, че говорят родния си език.

От друга страна Църквата обявява прабългарския език за поганski, а самите прабългари за поганци, т.е. мръсни. Така по-същество не само се нанася съкрушителен удар по морално-ценностната система на прабългарите, но същевременно се дава път и се оправдават и пред Бога предприетите вече и методично-непрекъснато провежданите от гражданските власти жестоко-репресивни мерки и действия спрямо тях.

Независимо че всички известни, минали и настоящи религии са само и единствено различни пътища към Единния и Единствен Бог, все пак от позициите на тогавашния християнски религиозен догматизъм и екстремизъм Църквата обявява и заклеймява също така прабългарите тенгрианци и като езичници, т.е. безбожници. Тази презрително-унизителна квалификация не само допълнително-вторично мотивира и засилва наказателно-репресивните мерки и действия спрямо прабългарите, но и създава определено отрицателно отношение и настроение към всичко прабългарско изобщо и към всеки отделен прабългарин в частност.

По този начин в действителност и в края на краищата се обругава, профанизира, а даже и вулгаризира и прабългарската морално-ценностна система. В резултат на всичко това като цяло прабългарите биват превърнати в население втора категория на държавата, която обаче именно те векове преди това основават и толкова време вече поддържат и даже ръководят.

Принудителната християнизация травмира и раздвоява душата на прабългарина. От тук нататък той вече продължава да живее с непреодолимо-горчивото чувство за безкрайна вина, защото е изменил на своя предишен бог. Тъкмо поради това и монах прабългарин оставя на стената на една от скалните църкви в Мурфатлар следния надпис и на прабългарски, и на български език:



Бяряхäм тонгре - *Грешен съм, Тангра!*

Дліжінь єсмъ
Грешен съм!

В чисто лингвистичен план, така обруганата, профанзирана и вулгаризирана прабългарска морално-ценностна система задължително води и до пейоризация, т.е. до

считането и приемането и на прабългарския език за поганski/мръсен, лош, грозен, неприятен, неблагозвучен и т.н. Тъкмо това отблъсква и принуждава следващите поколения прабългари да избягват да употребяват майчиния си език в началото само на обществени места, а впоследствие и в семейството. С течение на времето прабългарите започват все повече и повече да общуват на славянобългарски език, примесен обаче с прабългарски думи и граматични форми, за които те не знаят или не виждат и не намират в него необходимите им за случая славянски съответствия.

По силата на всичко това от една страна от прабългарския в славянобългарския език се заемат и усвояват и сравнително, а може би даже и прекалено малък брой прабългарски думи с все още неясно какви, кои и колко още точно прабългарски фонетико-граматични съставки и елементи, преминали и съхранени главно в диалектите на съвременния български език. При тези етнолингвистични условия и в този порядък не е подминат и самият бог Тангра, от името на когото в българския език остава като че ли само презрително-унизителното междуметие "тинтири-минтири".

От друга страна към средата на X в. вече драстично намалява броят на българите с прабългарски произход, които все още знаят и помнят прабългарския език, но могат да го ползват обаче само съвсем изолирано-спорадично, т.е. крайно непълноценно и недостатъчно. А при по-следващите поколения този брой вече се свежда до нула и така тюркският прабългарски език постепенно-бавно, но много сигурно и окончателно-безвъзвратно си отива, отмира и изчезва, а на негово място някак-си трескаво-набързо и най-грубо-безцеремонно се насажда и налага славянобългарският език.

В резултат на всичко това към края на X и първата половина на XI в. вече отива към своя край и дори приключва в главното и съществено започналата още от времето на хан Аспарух славянизация на прабългарите под формата на етнолингвистически взаимна интеграция, сливане, смесване и кръстосване или метисизация на числено сравнително близките от порядъка на 250-300 хил. души, в полза все пак обаче на славяните, местни прабългарски и славянски племена до смесено-кръстосаната, метисизираната по своите расово-антропологически белези и черти и по своята материална и духовна култура, но единната и славянска по език българска народност.

При всичко това прабългарите не се загубват и изчезват безвъзвратно, а постепенно-бавно и непълно-частично се преливат, запазват и продължават да съществуват вътре в така изградената българска народност във и посредством славяните, но не като нещо изконно-първично, собствено-наследено, самостоятелно и единно цяло, а във вид на външно-допълнително привнесени, сравнително обособено-чужди, отделно-разпръснати или дисперсни, по-дребни или по-едри частици съставки, пък даже и на цели комплекси или агрегати от елементи на тяхната, собствено прабългарската антропология, език, материална и духовна култура. В процеса на славянодоминантната прабългаро-славянска взаимна интеграция решаващо-огромни са ролята и значението на новосъздадените и въведени в цялостния живот на българското общество български в частност, но славянски по принцип език и писменост, тъкмо които са онази духовно-културна основа и среда, благодарение на която българите се чувстват и осъзнават себе си не само като славяни, но и като неразделна част от славянството изобщо [Добрев 2011, 191-200].

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

И З Т О Ч Н И Ц И

Агафий - Агафий Миринейский, О царствовании Юстиниана. Интернет, 2008.
Багрянородни-Имп - Константин Багрянородный, Об управлении Империей. Интернет, 2009.
Истахрий - Абу-Исхак Ибрагим-ибн-Мухаммед ал-Фарисий ал-Истахрий, Путей Царств. Интернет, 2018.
Каланкатуаци - Мовсес Каланкатуаци, История страны Алуанк. Ереван, 1984.
Марцеллин - Аммиан Марцеллин, Римская история. Интернет, 2010.
Прокопий - Прокопий Кесарийский, Война с вандалами. Интернет, 2010.
Сюаньлин - Фан Сюаньлин, История династии Цзинь, ч. 1-2. Интернет, 2012.
Hudud - Minorsky V., Hudud al-'Alam, The Regions of the World. Internet, 2010.

Ц И Т И Р А Н А Л И Т Е Р А Т У Р А

Аксенов В. С., К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца. Интернет, 2018.
Атанасов Г., Златен пръстен със старобългарски знак от IX в. в подножието на крепостта до с. Скала, Силистренско. - Плиска-Преслав, т. 13. В памет на професор Тотю Тотев (1930-2015). София, 2018.
Барфилд Т. Дж., Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э.-1757 г. н. э.). Интернет, 2014.
Биджиев Х. Х., Тюрки Северного Кавказа (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993.
Бубенок О. Б., В. С. Аксенов, Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? Интернет, 2018.
Вадецкая Э. Б., Таштыкская культура. Интернет, 2016.
Ваклинов Ст., Формиране на старобългарската култура VI-IX век. Интернет, 2012.
Ворошилова О. М., Некрополь Фанагории в I в. до н.э.-V в. н.э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора. Интернет, 2018.
Въжарова Ж., Славяни и прабългари (По данни на некрополите от VI-XI в. на територията на България). София, 1976.
Гмыря Л. Б., Страна гуннов у Каспийских Ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1995.
Добрев Ив., Златното съкровище на българските ханове от Атила до Симеон. София, 2005.
~*~Българите за руския народ, държава и култура. София, 2011.
~*~Българите на територията на Средна Азия. - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2017.
~*~Тамгата хералдичен знак на прабългарския владетелски род Дуло в нейната представителна функция. - Епохи, 2019, № 1.
~*~Спасяването на Светия Кръст Господен от страна на българите на хан Кубрат. - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2019a.
~*~Български рунически надписи в Европа през Късната Античност и Ранното Средновековие. - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2021.
Дончева-Петкова Л., Некрополът при Балчик. Нови данни за прабългарите. - Археология, 1- 2, 2009.
История Сибири с древнейших времен до наших дней. Интернет, 2014.
Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири. Интернет, 2015.
Лаптев А. А., Новый кремационный могильник салтовской культуры у с. Кицевка Печенежского р-на Харьковской области. - Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2010.
Малявкин А. Г., Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Интернет, 2012.
Маенхен-Гельфен О. Дж., Мир гуннов. Исследования их истории и культуры. Интернет, 2010.
Мульд С. А., Могильники варварского населения Крыма I-V вв. Интернет, 2018.
Николов Св., Открито е първото погребение на прабългарски аристократ. Интернет, 2018.
Плетнева С. А., Древние болгары в восточноевропейских степях. - Татарская археология, 1997, № 1.
~*~Очерки хазарской археологии. Москва, 1999.
~*~Новая география Хазарии. Интернет, 2011.
Рашев Р., Единство и различия в ямния (български) погребален обред на Салтово-Маяцката Култура. - Българи и хазари през Ранното Средновековие. София, 2003.
~*~Българската езическа култура VII-IX в. София, 2008.
~*~За произхода на прабългарите. Интернет, 2013.
~*~Две групи прабългари и две прабългарски култури. Интернет, 2018.
Савинов Д. Г., Население Среднего Енисея в эпоху сложения скотоводческих обществ (III тыс. до н.э.-середина I тыс. н.э.). Интернет, 2017.
Таскин В. С., Материалы по истории кочевых народов в Китае 3-5 вв., выпуск 2. Цзе (Хунны Цзе 羯 匈奴). Интернет, 2016.

Успенский П. С., Кремационные погребения Северо-западного Кавказа VIII-XIII вв. как исторический источник. Интернет, 2018.

Цыб С. В., Афанасьевская культура Алтая (Автореферат). Интернет, 2012.

Чхаидзе В. Н., Фанагория в VI-X веках. Интернет, 2018.

Chen S., Some Remarks on the Chinese „Bulgar“. - Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Vol. 51, № 1-2, 1998.

~*~Multicultural China in the early Middle Ages. Philadelphia, 2012.

~*~The Huns and the Bulgars: The Chinese Chapter. Internet, 2014.

Grigorov V., Ja. Dimitrov, New Data about Pottery Production in the 9th-10th centuries in Pliska (Capital of the First Bulgarian Kingdom). Internet, 2015.

С Ъ К Р А Щ Е Н И Я

авест. - авестийско
афг. - афганско
вж. - означава съгласие, приемане, одобрение, споделяне, дори и заимстване
дар. - дари
ие. - индоевропейско
изтир. - източноиранско
ир. - иранско
ишк. - ишкашимско
перс. - персийско
праб. - прабългарско
сакс. - сакско
срв. - при цитираната литература означава несъгласие, неприемане, отхвърляне и отричане, а при примерите – само сравняване или съпоставяне
срперс. - средноперсийско
съвр. - съвременно
тадж. - таджикско
тюрк. - тюркско
ягн. - ягнобско